

КОНАН И ЗАГАДОЧНЫЙ ДЕРВИШ

САДА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТРОКИ	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ	КОНАН И МЕН ХОДУНА	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ	КОНАН И НОВАЯТАЯ ПЕЧЕР	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ	КОНАН И НЕБСКАЯ СЕКИРА	КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ
КОНАН И КАРСКАЯ БОГОВ	КОНАН И ДАР МИТРИ	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ	КОНАН И ГРОТ ДАНОМЫ	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО	КОНАН ЗЕРВИМ ЖАЛЯЩАЯ СТРЕЛ	КОНАН И ПСЫ ВОИНЫ	КОНАН И ГЛАНСМАН ЗЛА	КОНАН И БРИ НЕРДАА
КОНАН И ТОРОД ЦАРСТВО ДУШ	КОНАН И ИСТОРИК СУЛЬ	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА	КОНАН И БАТРОВОЕ ОКО	КОНАН И ПРИВАДЕ ПРОШАДО	КОНАН И ВОЮНСТВО МРАКА	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ	КОНАН И ПАНДИНА ВЕДАНИ
КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ	КОНАН И КОНЫ КРОМА	КОНАН И БРАТ ВЕЧНОСТИ	КОНАН И АЛАМНЫЙ ЛАБИРИНТ	КОНАН И РАСКОЛОМЧЕ ИДА	КОНАН И ЧАЩА БЕССМЕРТИЯ	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ	КОНАН И ГОРОДЦЫ ГРЕЗЛАМИ	КОНАН И АЛЕЛЬ НОВДЫ
КОНАН И БЫТВА БЕССМЕРТИЯ	КОНАН И ТЕМНОРАДА ПЛОТИ	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ	КОНАН И ВЛАДЫЧНА НЕБЕС	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ	КОНАН И КОЛЫДО ВЛАСТИ	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ	КОНАН И ТИРОРОК ТЬМЫ
КОНАН И ПНЕВ СЕТА	КОНАН И ХРАМ НОЧИ	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ	КОНАН И ПОДИМНЫЙ ОГОНЬ	КОНАН И МИТЕК ЧЕТЫРЕХ	КОНАН И КАДИМО ЗМЕЙ	КОНАН И ХОЗИНЬИ ХОКЕАНА	КОНАН И КОРОНА МИРА	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СНЕГА
КОНАН И СТИЛИЗ ДАО	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШААНЗАРА	КОНАН И СКАПИ ХАОСА	КОНАН И ЖРУ ТАРИНА	КОНАН И СИЛЯНДР ПИКТОВ	КОНАН И ТОВАРЫСТВА МОЛДИИ	КОНАН И ТИГРИ ХАНДИВРИИ	КОНАН И ВЛАДИМИР БУРИ	КОНАН И СЛАВА ИСТОЯНИЯ
КОНАН И САУТА ТУМАНА	КОНАН И АНД ЗВЕРЯ	КОНАН И ОВИДИЯ АРАКОНОВ	КОНАН И НАСАДЕНИЕ МЕРТВЫХ	КОНАН И ЗАКАТ АРГОСА	КОНАН И АЛАД НЕМТЬ	КОНАН И ТАНЦ ПУСТОТЫ	КОНАН И ПОСЛАНИК МРАКА	КОНАН И ГОДОС КРОВИ

Дуглас Брайан

КОНАН И ЗАГАДОЧНЫЙ ДЕРВИШ

АСТ
Москва
СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС
Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Соэ)
Б87

Серия «Конан» основана в 1993 году

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

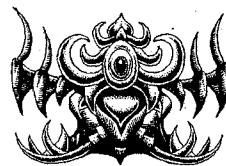
Брайан, Д.
Б87 Конан и загадочный дервиш. [повести] /Дуглас Брайан.— М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2009.— 376, [8] с.— (Конан).
ISBN 978-5-17-045668-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-93698-540-1 («Северо-Запад Пресс»)

ISBN 978-985-16-7221-5
(ООО «Харвест»)

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Соэ)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2007

Глава первая

Эдред Удачливый

Gудно Эдреда считалось самым быстроходным на побережье Море Запада — и потому самые выгодные заказы доставались именно этой галере. Купец, доверивший грузы Эдреду, мог не сомневаться в том, что они будут доставлены в срок и по назначению. Если на галеру и нападали пираты, она успевала уйти. Никто не мог догнать этот корабль в открытом море, а бурь Эдред Удачливый не боялся. Поговаривали, будто он ухитряетсячуять их за полдня, а то и раньше, и всегда успевает найти для своей галеры хорошее укрытие.

Но главную ценность представляла даже не сама галера, как бы ни была она хороша, а команда.

— Где ты нашел таких превосходных гребцов, Эдред? — бывало, спрашивали капитана его собутыльники.

Он всегда отмахивался и только качал головой.

— Да разве это я их нашел? — говорил обычно Эдред Удачливый. — Клянусь Митрой, это они меня отыскали!

Но в подробности он никогда не входил, и для всех моряков на западном берегу так и осталось загадкой, каким образом Эдред обзавелся экипажем. Одно знали точно: все эти люди гребли у Эдреда за плату и могли его покинуть в любой момент, когда сочтут нужным. Держались они всегда вместе, как будто были членами одной семьи.

Да они и напоминали членов одной семьи: как на подбор, рослые, широкоплечие, черноглазые и чернобородые, все они отличались какой-то особенной грацией, и казалось, что в воде они чувствуют себя гораздо лучше, чем на суше.

Они понимали друг друга без слов и потому были молчаливы. Иногда они безмолвно посмеивались, подталкивая друг друга плечами. Никому постороннему не было хода в их тесный родственный круг, и только их старейшина по имени Джехан общался с чужаками.

Джехан, впрочем, не производил впечатление человека, с которым легко завязать дружеские связи. Напротив, вынужденный разговаривать с кем-то, помимо своей родни, он становился замкнутым, не-приветливым и, казалось, с трудом подбирал слова. В большинстве случаев он предпочитал ограничиваться краткими, отрывистыми репликами.

А вот сам Эдред выглядел совершенно обычным человеком — если не считать его везения. Он был коренастый, среднего роста, с непомерно развитыми плечами — в молодости он много зим провел на всплаках. Своей родиной Эдред называл Гандерланд, но

как-то неуверенно, так что сомнения в подлинности этого обстоятельства неизменно возникали.

* * *

По правде сказать, Эдред и сам не знал, откуда он родом. Первое, что он вспоминал, был большой трактир на берегу моря. Туда приходили матросы и рыбаки, они много пили и, напившись, шумели и иногда дрались. Иной раз заглядывали туда и капитаны кораблей. Они требовали себе всего самого лучшего — выпивки и еды, — устраивались за самым удобным столом и некоторое время о чём-то шумно разговаривали с моряками.

Все это время Эдред приносил кувшины с вином и пивом, убирал осколки разбитой посуды и выслушивал замечания посетителей касательно качества еды и питья. Клиенты вообще редко бывали довольны. И на самом деле раздражало их не кислое пиво, а то неприятное обстоятельство, что заказ приносит им не хорошенёкая девушка, а тощий угрюмый подросток. Да, в те годы Эдред был тощим. Он постоянно хотел есть. Даже став взрослым, он не забыл это ощущение.

Хозяин не снисходил до разговоров со слугой, взятым в дом, как говорили, «из милости». Общалась с ним по преимуществу жена хозяина, а эту женщину интересовал только один вопрос: как бы вычесть из скучного жалованья мальчишки побольше — и за разбитую посуду, и за сломанные лавки.

И в один прекрасный день Эдред принял самое важное решение в своей жизни.

Это произошло, когда в трактир зашел человек в богатом плаще с меховой оторочкой. Он назывался Гандером (позднее Эдред понял, что это было прозвище, а не настоящее его имя) и устроился на самом удобном месте — так, чтобы видеть любого входящего. Среди моряков, околачивающихся на берегу в ожидании хорошего нанимателя, мгновенно прошел слух о том, что некий Гандер набирает команду для какого-то опасного дальнего плавания. Чуть ли не в Стигию.

О том, как добраться морем из Зингары до Стигии, у большинства имелись довольно смутные предположения. В любом случае, путь этот небезопасен. Но это обстоятельство вовсе не уменьшало желания людей наняться к Гандеру, поскольку он предлагал совершенно баснословные деньги в качестве оплаты: десять золотых за каждое новолуние, проведенное на борту, и десять — сверх всей суммы по окончании плавания.

У Гандера не было отбою от кандидатов. Каждый рассказывал о своих достоинствах и стремился убедить капитана в том, что перед ним — именно тот человек, без которого на борту не обойтись.

Гандер выслушивал каждого с легкой усмешкой. Он никому не говорил ни «да», ни «нет», просто приглашал остаться в трактире и взять себе выпивку. «Я заплачу, — неизменно прибавлял он при этом. — Пей сколько захочешь и ни о чём не беспо-

койся. Вечером я погашу весь долг у хозяина, за всех разом».

К середине вечера трактир был уже битком набит подгулявшими моряками. То и дело они принимались горланить песни. Вино и пиво лились рекой. Гандер, совершенно трезвый, сидел в своем углу и наблюдал за ними. Он так увлекся этим, что не сразу заметил, как к нему приблизился слуга с кувшином в руке.

— Такое впечатление, будто ты оцениваешь их, — проговорил Эдред.

Гандер поднял голову и несколько мгновений рассматривал его.

— Возможно, ты прав, — сказал наконец капитан.

— Ты уже принял решение, кого возьмешь с собой, а кому откажешь? — продолжал спрашивать Эдред.

— Ты дерзок, — нахмурился Гандер.

Эдред пожал плечами.

— В этом кабаке меня не обучали хорошим манерам, — ответил он, действительно довольно резко для трактирного слуги. — Если я делаю что-нибудь неподобающее, меня бьют чем попало и куда попало, а я стараюсь увернуться. А в другой раз, вроде бы, сходит с рук. Вот и все обучение.

— Такое воспитание нельзя назвать последовательным, — согласился Гандер. — И плодов оно дает немного... Надеюсь, ты не сын здешних хозяев?

— Боги избавили меня от подобного позора, — сказал Эдред. — Я не знаю моих родителей.

— Это удобно. — Гандер на миг задумался, а затем посмотрел в желтые звериные глаза подростка. — Чего ты хочешь от меня?

— Я хочу наняться на твой корабль, — прямо ответил Эдред. — Сдается мне, это единственный способ изменить мою жизнь, если не считать самоубийства.

— Самоубийство — не способ изменить жизнь, а средство избежать всякой жизни вообще, — мудрено отозвался Гандер.

Эдред криво передернул плечами.

— Ты случайно не жрец? Я побаиваюсь ихнего брата.

— На мой счет можешь не беспокоиться — я капитан и владелец корабля, — отозвался Гандер.

— А изъясняешься как жрец, — упрямо повторил Эдред.

— Просто я обучен грамоте и читал несколько священных текстов, однако я вовсе не жрец... — Гандер задумался и некоторое время молчал, постукивая пальцами по столу. Потом поднял голову и огляделся по сторонам.

Кутеж был в разгаре. Пьяные моряки хвастали напропалую, рассказывали истории одна другой краше и правдивей, некоторые пытались плясать — что при отсутствии музыки сделать было затруднительно.

— Если я возьму тебя на корабль, — сказал наконец Гандер, — то не воображай, будто тебе будет легче, чем здесь. И работа твоя немногим будет от-

личаться от той, которую ты выполняешь в трактире.

Эдред молчал.

— Мытье палубы, работа в трюме, иногда — на веслах, — перечислял Гандер. — И, кроме того, тебе придется готовить еду на всю команду.

— Но ведь это когда-нибудь закончится? — сказал Эдред преспокойно.

Гандер удивился:

— В каком смысле — «закончится»? Когда мы приплывем в Стигию? Но ведь мы не навсегда туда едем... когда я закончу свои дела, то направлюсь еще куда-нибудь. И опять начнется все то же самое: палуба, весла, котлы с варевом и недовольные твоей стряпней матросы.

— Я могу остаться в Стигии.

— Пока тебя не продали в рабство или не засадили в тюрьму за наглость и гнусные замашки, — сказал Гандер, — ты можешь распоряжаться собой, как тебе вздумается. И на мой корабль я тебя не приглашаю.

— Напрасно, — сказал Эдред. — Лично я бы согласился.

Он отошел, потому что его позвали из противоположного угла трактира: там закончилась выпивка.

А наутро Эдред явился на галеру Гандера, полный решимости отправиться в далекое плавание. Над «трактирным парнем» потешались все моряки, но Эдред хмуро молчал и не отвечал на насмешки.

Способ вербовки Гандера оказался исключительно простым. Он не стал отбирать моряков. Расспрашивая людей или наблюдая за ними, невозможно сделать однозначный вывод. Человек слишком сложное существо и далеко не всегда он — именно то, чем кажется.

Поэтому Гандер предоставил сделать за него выбор самой природе. Он поил моряков дешевым вином, и каждый пил, сколько хотел. Те, кто сумел наутро встать и добраться до корабля, получили работу. Прочим Гандер предоставил спать до полудня и проклинать собственную невоздержанность.

Корабль вышел из порта и взял курс на юг.

Следующие несколько лун показались Эдреду настоящим кошмаром. Как и предупреждал Гандер, работы было много, еды — мало, а тумаки и брань выпадали на долю новичка куда чаще, чем это происходило в трактире. Но, как не уставал твердить себе Эдред, все это непременно должно закончиться.

До Стигии они добрались в разгар нестерпимо жаркого лета. Несколько дней корабль стоял в порту Кеми, в устье полноводной реки Стикс. Большинство моряков околачивалось в кабаке, из окон которого были видны мачты их корабля. Один ушел в город и не вернулся: не то попал в беду, из которой не сумел выпутаться, не то решил остаться в городе и попытать счастья на каком-нибудь другом поприще.

Эдред же не сходил на берег. Стигия не нравилась ему, и он предпочитал проводить время на палубе. Работы не было никакой, поэтому Эдред про-

сто лежал на горячих досках, смотрел в небо и грезил наяву.

Да, он не знал, кем были его родители, но не сомневался в том, что происходил от какого-то древнего и знатного рода. При каких обстоятельствах он стал сиротой? Это оставалось тайной. Однако находясь на земле Стигии, в стране, где жило столько колдунов и прорицателей, Эдред даже не подумал обратиться к кому-либо из них. Ему доводилось слышать рассказы о том, какую цену приходится платить колдунам за оказанные услуги. Нет уж, если богам будет угодно, чтобы Эдред узнал правду о своем происхождении, эта правда раскроется без помощи всяких колдунов. Тем более — стигийских.

Когда Эдред размышлял о своем будущем, кровь быстрее бежала в его жилах, и ему представлялось, что кровь эта несет в себе память о череде героических предков. Что ж, Эдред, сам в точности не зная, кто он такой, станет достойным потомком этих героев былого!

И прежде всего ему следует перестать быть мальчиком на побегушках. Хватит. Он вырвался из убогого трактирного мирка и теперь плавает на корабле под командованием по-настоящему благородного и образованного человека. Следующая задача: ему нужно перейти из матросов в офицеры.

Эдред тяжко вздохнул, и вдруг на него упала тень. Он раскрыл глаза. Над лежащим на палубе матросом стоял Гандер.

Эдреда поразили перемены, произошедшие во

внешности этого уверенного в себе, сильного человека в самом расцвете лет.

Сейчас Гандер выглядел глубоким старцем. Нет, он не поседел, и у него не выросла длинная белая борода. Но сеть тончайших морщинок легла на его лицо, а глаза глядели так, словно повидали на своем веку неисчислимое море бедствий и устали от созерцания людского бесчестья.

Эдред сел, потер ладонями лицо и попытался стряхнуть с себя задумчивость. Вид капитана поразил его, и на душе у молодого человека стало тревожно.

— Почему ты не сошел на берег вместе с остальными? — спросил Гандер.

— Не захотел.

— Не захотел?

— Расставаться с кораблем, — пояснил Эдред. — Мне показалось, это здорово: путешествовать и вместе с тем постоянно находиться дома.

— Ты боишься Стигии? — спросил Гандер так просто, словно Эдред не приводил ему только что совершенно другое объяснение своему поведению.

И Эдред так же просто ответил:

— Да.

— Ты прав, — вздохнул Гандер. Он улыбнулся, и тут видение усталости и глубокой старости рассеялось. Перед Эдредом вновь был прежний Гандер, с гладким молодым лицом и проницательным взглядом. — В Стигии творится много необъяснимого. Впрочем, что нам до этого! Я доставил товар купцу,

получил мои деньги и взял новый заказ. Мы плывем еще южнее. Предстоит непростой путь до Субы.

Он повернулся, поглядел в сторону берега.

— Отправляйся в кабак и скажи моим людям, что мы скоро отплываем, пусть заканчивают свои дела и торопятся на корабль. — Гандер помолчал и добавил: — Я знаю, о чем ты мечтаешь день и ночь. Не думай, будто твои мысли остаются загадкой для меня. Ты хочешь рано или поздно сделаться владельцем такого же корабля, как у меня, если не лучше. Ни один из моих матросов об этом даже не подумал, а у тебя только эта идея и засела в голове.

Эдред отвел взгляд. Его пугала догадливость капитана.

А Гандер засмеялся:

— Что ж, эта мечта непременно сбудется! Только постараися, чтобы на твоем пути к осуществлению мечты не валялось слишком много трупов. Совершать подлости позволительно лишь в очень ограниченных пределах.

Он качнулся головой, словно отгоняя какие-то ненужные воспоминания, и быстро скрылся в своей каюте.

Под началом Гандера Эдред плавал еще несколько лет. Капитан никак не показывал, что помнит тот странный короткий разговор, который имел со

своим матросом в Стигии. И Эдред никогда не напоминал ему об этом. Безропотно выполнял всю работу, которую ему поручали, как правило, самую трудную и грязную, и ждал своего часа.

Он не сомневался в том, что удача ожидает его.

Когда Эдреду было зим двадцать, ему подвернулось более выгодное место — на большом торговом корабле требовался навигатор, хорошо знакомый со всеми портами на западном берегу. Работа куда менее опасная, а главное — куда более денежная. Не говоря уж об уважении, которым навигатор пользуется на корабле.

Плавая под командованием Гандаера, Эдред никогда не упускал возможности учиться. Он запоминал очертания береговой линии, расположение маяков; особенности каждой гавани. Он не сомневался в том, что успешно справится с работой.

Прощание с Гандером было коротким. Эдред поблагодарил своего прежнего капитана за милость и науку. Тот лишь махнул рукой:

— Неужто из трактирного мальчишки выйдет толк? В жизни не поверю!

Эдред покачал головой. В этом заключалась главная причина его ухода от Гандера. Гандер помнил его «трактирным мальчишкой» — он никогда не признает за бывшей прислугой моряцких достоинств. Требовалось сменить корабль и окружение. Эдреду нужны были новые люди — люди, для которых он был бы Эдредом-матросом, Эдредом-навигатором.

Так Эдред перешел на свой новый корабль. Это была быстроходная галера. Она совершила рейсы преимущественно вдоль берега, не рискуя отходить слишком далеко от спасительных гаваней и заплывать в открытое море. Здесь, правда, существовала другая опасность — рифы, но имея на борту опытного навигатора, капитан мог не бояться наскочить на них.

Эдред действительно знал здешние воды как свои пять пальцев. За несколько лун плавания он не допустил ни одной ошибки, и галера благополучно проделала весь путь от Кордавы до Мессантии, а затем обратно.

Вернувшись в Кордаву, Эдред узнал о том, что прежний его корабль разбился, а капитан Гандер и добрая половина команды мертвы.

Это случилось во время шторма, который бушевал южнее Бараханских островов в течение нескольких дней. Буря совершенно измотала моряков. У них не было ни мгновения, чтобы передохнуть и собраться с силами. Несколько кораблей затонуло без следа, обломки двух или трех прибило к берегу спустя неделю. Судно, принадлежавшее Гандеру, изрядно потрепанное бурей, прибыло в Мессантию. Там Эдред и узнал подробности о гибели своего бывшего капитана.

Когда буря только разыгралась, Гандер не потерял спокойствия. Он вообще никогда не испытывал страха перед стихией и умел если не покорять ее, то уж, во всяком случае, ей не покоряться. Галера не-

слась по вскипающим волнам в открытое море, где меньше был риск наскочить на рифы и разбиться. Узкий длинный нос галеры разрезал волны, точно нож.

Гандер стоял на корме, смотрел в морскую даль и смеялся. Ветер бил ему в лицо, и морякам казалось, будто их капитан окутан каким-то светом.

И тут на мачте появилась женская фигура. Никто не понял, каким образом она там возникла, но она была там, и яркий зеленовато-золотистый свет исходил от ее волос и рук.

Несколько человек клянутся, что хорошо разглядели ее лицо: с огромными удлиненными глазами, с вертикальным золотым зрачком. Она улыбнулась, завидев Гандера, и обнажила острые зубки.

Гандер встретился с ней взглядом и смертельно побледнел.

— Пора! — закричал он. — Но это слишком рано!

— Нет, — раздался пронзительный свистящий голос женщины. — Ты заключил с нами союз на три зимы. Три зимы прошли.

— Не может быть! — в отчаянии повторил Гандер.

— Нужно было принести более богатые жертвы, — отозвалась женщина. — Пора, Гандер! Боги Стигии не потерпят обмана!

Гандер схватился руками за голову и простонал, негромко, но так, что его услышали:

— Я думал, здесь они меня не отыщут!..

Женщина взвилась в воздух, и тотчас перед ко-

раблем стала растя гигантская волна. Эта волна казалась живым существом, распахнутой пастью, готовой поглотить корабль. Галера взлетела на самый гребень волны и застыла там, покачиваясь, словно не зная, в какую сторону пропасти обрушиться. Затем волна двинулась вперед и потащила корабль с собой.

— И эта демоница летела впереди, — добавил моряк, который рассказывал Эдреду историю гибели капитана. — Клянусь, мы видели ее так же хорошо, как видим сейчас тебя! Она летела, раскинув руки и смеясь, и с ее пальцев сыпались золотые искры! А потом впереди показалась скала. Не знаю, откуда она взялась. Должно быть, она выросла прямо из преисподней. Женщина налетела на эту скалу и растворилась в ней, точно видение, а корабль изо всех сил ударился о нее. Половина матросов погибла сразу, а капитану раздробило голову о мачту при ударе. Ты счастливчик, Эдред, — заключил рассказчик свое повествование. — Кто из богов надоумил тебя оставить нас прямо перед крушением? — Он прищурился, рассматривая Эдреда, слишком спокойного, по мнению моряка. — У тебя такой вид, словно ты обо всем знал заранее.

— Я ничего заранее не знал, — возразил Эдред. — А с галеры ушел потому, что хотел стать кем-то большим, чем просто гребцом у Гандера. Гандер забрал меня на корабль из полного ничтожества и никогда не забывал об этом... Впрочем, для чего я рассказываю тебе свою историю?

— Может быть, для того, чтобы я тебе поверили, — отозвался моряк. Он появился на галере Гандера позднее, чем Эдред, и многое из услышанного стало для него новостью. — Потому что, говорю тебе, ты похож на человека, состоящего в сговоре со жрецами.

— Я не люблю жрецов, — сказал Эдред.

— Говорят, капитан заключил какую-то сделку с богами Стигии.

— Мне об этом ничего не известно.

— Но ведь ты был в Стигии с Гандером?

— Я был влюблен в корабль, — ответил Эдред. — А Стигия мне пришла не по душе. Поэтому пока матросы в прибрежных кабаках пропивали свое жалованье, а капитан ходил по каким-то своим таинственным делам, я оставался на галере. Но почему ты спрашиваешь меня об этом?

— Потому что погибли как раз те, кто был с Гандером в Стигии, — ответил моряк медленно. — Уцелели только новички, которые пришли к Гандеру уже после того плавания. Ну и ты, конечно.

— Я уже объяснил тебе...

— Да, ты объяснил. Ты не сходил на берег. Возможно, здесь и кроется разгадка.

Моряк допил свое вино и ушел, оставив Эдреда в одиночестве.

Эдред долго размышлял над услышанным. Ему было жаль Гандера, но также он понимал теперь смысл сказанных тогда капитаном слов. О том, что «совершать подлости позволительно лишь в очень

ограниченных пределах». Мудреная фраза, заметил тогда Эдред, но теперь она больше не казалась ему таковой. Она обрела смысл, облеклась в плоть и кровь. От нее пахло смертью, и Эдреду это не нравилось.

Собственным кораблем Эдреду удалось обзавестись только через пять лет, и в этом деле помогла ему случайность. Он плавал тогда под началом некоего Сенреда, человека вспыльчивого и тяжелого на руку, но хорошего моряка. Матросы и ненавидели его, и доверяли его решениям. Иными словами, они испытывали по отношению к капитану весьма сложные чувства. По мнению Эдреда, это очень мешало: простые люди не должны испытывать сложных чувств. Подобное противоречие сбивает их с толку и не позволяет здраво смотреть на вещи.

Сенред возил соль. Он заходил в зингарские, аргосские, даже шемские порты, избегая лишь стигийских; нередко ввязывался в местные конфликты и даже перевозил пару раз вооруженные отряды — словом, если поблизости шла война, Сенред никогда не пренебрегал небольшим участием в ней.

С таким капитаном люди неплохо зарабатывали, но никогда не были уверены в завтрашнем дне: Сенред как человек азартный часто рисковал свыше меры.

А потом он умер. Не от раны, не от вражеской стрелы; и не буря убила его, нет — он попросту за-

разился лихорадкой в одном из портов. Когда жар усилился, и тело покрылось испариной, Сенред потребовал, чтобы его перенесли на корабль. «Я не намерен подохнуть на руках у шлюхи!» — объявил он, повергнув в ужас и недоумение хозяина трактира, вполне солидного человека средних лет, с брюшком и лысиной. Менее всего он походил на шлюху, и потому заявление капитана потрясло его до глубины души.

Так потрясло, что он взял двойную плату за постой: «Это из-за риска подхватить хворобу и из-за оскорбления», — сообщил он боцману, который с ним расплачивался.

Корабль с больным капитаном на борту вышел в море.

Несколько человек претендовали на то, чтобы занять место Сенреда. Точнее, их было трое: боцман, опытный моряк, способный встать у штурвала и провести судно через самую страшную бурю; старший помощник капитана — честолюбивый молодой мужчина, отпрыск знатной семьи, рано предавшийся пороку и потерявший связь с богатой аристократической родней; и Эдред Удачливый. Эдред, впрочем, помалкивал и о своих притязаниях никому не говорил. Он выжидал.

Время пришло довольно быстро. Не успел капитан навсегда закрыть глаза, как ссоры на борту уже разгорелись. Тело Сенреда доверили морю, которое столько лет носило его на своей груди. И старший помощник тотчас объявил капитаном себя самого.

У него имелись на то основания: происхождение, положение при прежнем капитане, молодость.

Боцман, однако, представлял собственные резоны: опыт, доверие моряков.

А Эдред молчал...

Утром следующего дня старшего помощника нашли в его собственной постели с перерезанным горлом. На полу валялся нож, в котором без труда опознали вещь, принадлежавшую боцману. И убийцу, связав и даже не выслушав, бросили в море.

Люди были слишком напуганы и возбуждены, чтобы разбираться в том, что же произошло на самом деле. К тому же, к правильным выводам их очень умело подтолкнул человек, который прежде никогда не был замечен ни в интригах, ни в честолюбивых помыслах. Спокойный, сдержанный Эдред.

Это он здраво рассудил об убийстве. И он же предложил казнить преступника, не медля, пока его сторонники не заставили прочих силой признать над собой господство замаранного кровью человека.

— Он быстро заставит нас склониться под его ярмо, — сказал Эдред. — Не позволим им навязать нам свою волю!

Все произошло очень быстро. И капитаном единодушно выбрали Эдреда. Он был и молод, и опытен, и немногословен, и успел приобрести немало друзей среди моряков. Но прежде всего в пользу этой кандидатуры говорило то, что он слыл удачливым — в морском ремесле подобная репутация стоит даже большого опыта.

* * *

Эдред Удачливый водил свою галеру еще три или четыре зимы, всегда с неизменным успехом; но затем случилось нечто, убедившее людей в том, что иногда удачливости капитана бывает недостаточно для всех.

Шторм, разразившийся у зингарских берегов, не был для Эдреда такой уж неожиданностью: он ожидал бури еще два дня назад, хотя ничто, казалось, не предвещало несчастья.

Тем не менее капитан приказал направить галеру ближе к берегу. Он рассчитывал прибыть в Мессантию с грузом еще до того, как поднимется сильный ветер.

Но вышло иначе. По совершенно непонятной причине корабль сбился с курса. Эдред в те дни часто думал о женщинах с вертикальными зрачками в золотых глазах — о женщине, которую никогда не видел, но в реальности которой не сомневался.

Гандер связался с нею в Стигии и предал в ее руки свою судьбу и судьбу своей команды. И все они стали ее жертвами — все, кроме Эдреда, который не ступал на стигийскую землю. Но временами Эдред ощущал ее близость, ее присутствие. Она наверняка подозревает о том, что не всю свою добычу забрала, что остался еще один человек, ускользнувший из ее власти.

Она не знает этого человека. Возможно, она ищет по запаху или по тому неуловимому «излучению»,

которое испускает каждая человеческая личность и которую жрецы называют «аурой».

Эдред не хотел рисковать. Он не знал, кто эта таинственная, призрачная женщина, — богиня, посланница неблагосклонного божества, демоница или просто некая таинственная сущность, пришедшая из глубин иного мира. Эдреду и не нужно было это знать. Он шкурой чувствовал, что она представляет для него огромную опасность.

Наверное, это она замутила его разум, и он повел корабль не прямо к Мессантии, а севернее, и миновал порт, не заметив его ночью в тумане.

Как бы там ни было, а небо почернело и море вздулось валами, когда с борта галеры стали видны Пустоши пиктов. Направлять корабль к берегу было поздно — впереди белая пена вскипала возле рифов. Опасность грозила отовсюду, и Эдред приказал просто повернуть галеру носом к ветру и попытаться переждать бурю, отдавшись стихии.

Моряки, привязав себя к мачтам, как могли, уберегали корабль от несчастья. В трюмах непрерывно выкачивали воду, но это не помогало. Неожиданно оглушительный треск раздался на корабле, и весь корпус затрясся: галера все-таки налетела на подводный риф. И опять же, Эдред так и не понял, каким образом это могло произойти — ведь он старался держаться подальше от любой опасности такого рода.

На мгновение ему показалось, что он видит тень той загадочной демоницы, о которой ему рассказы-

вал моряк с корабля Гандера; но это была лишь иллюзия. Нечто промелькнуло и исчезло в небесах.

Моряки из последних сил боролись за жизнь галеры, но вода хлестала в трюм, и корабль неудержимо шел ко дну. Эдред был, казалось, повсюду одновременно: несколько раз он спасал своих людей от верной гибели — одного удерживал, когда волна накрывала беднягу с головой, другого отталкивал в сторону прежде, чем на него упадет обломок мачты.

Но настал миг, когда всей удачливости и силы Эдреда не хватило для того, чтобы спасти людей и корабль. Сверху на Эдреда рухнул обломок мачты, и капитан потерял сознание.

Когда он очнулся, бури не было и следа. Он лежал на воде, покачиваясь. Морская гладь расстилалась повсюду; берега не было видно. Пустоши Пиктов остались справа: напрягая зрение, Эдред все-таки рассмотрел едва заметную полоску берега.

Ни корабля, ни даже его обломков видно не было. Не оказалось поблизости и тел погибших моряков. Эдред был один в море.

Он не мог понять, как это вышло, что он спасся. И почему он так спокойно лежит на воде? Может быть, он все-таки на плоту?

Нет, невозможно! Он потерял сознание. Он неизбежно должен был утонуть. Кто вытащил его? И на чем он, в конце концов, устроился с такими удобствами?

Он провел руками по воде и неожиданно нашупал нечто действительно похожее на плот. Итак, его

спасли! Кто? Сколько Эдред ни всматривался в мелкую рябь на поверхности воды, он никого не видел. Неужели его матrosы, невзирая на бурю, ухитрились соорудить этот плот, водрузили на него своего потерявшего сознание капитана, а затем все как один погибли?

Немыслимо.

Внезапно из воды вынырнуло человеческое лицо. Это было вполне живое, веселое и дружелюбное лицо, красивое, смуглое, с черной бородкой и блестящими, любопытными черными глазами.

Эдред опустил веки. Он не хотел, не мог верить видению. Достаточно один раз допустить, что все эти фантазии — правда, и человек потеряет рассудок.

Эдред не боялся умереть один посреди моря, так и не добравшись до берега. Но он страшился безумия, которое его подстерегало здесь.

— Приветствую тебя, — проговорил человек, появившийся из моря.

— Кто ты? — сипло выдавил Эдред.

— Меня зовут Джехан, — был ответ. — Мы с братьями видели, как тонет твоя галера. Скажи, ты знал о том, что тебя разыскивала Энетсут?

— Кто такая Энетсут?

— Стигийская демоница, — пояснил Джехан. — Она заключает союзы с моряками на несколько лет — в зависимости от того, насколько богатые жертвы ей приносят, а потом забирает тела и души. Если у капитана недостаточно средств, чтобы заклю-

чить с ней договор, он предлагает ей забрать также членов своей команды.

— Но для чего это делать? — спросил Эдред. Он сразу вспомнил все свои догадки и подозрения. — Разве капитаны не страшатся того, что последует, когда срок договора истечет?

— Страшатся, но, как все люди, они надеются обмануть демоницу. Кстати, у некоторых это получается... — объяснил Джехан. — Слухи о таких хитрецах ходят по морским портам. Разве ты не слыхал?

— Я многое слыхал, — уклончиво произнес Эдред.

— Она разыскивала тебя? — осведомился Джехан, глядя ему прямо в глаза своим ясным, бесхитростным взором.

— Не знаю... возможно. Говорят, мой бывший капитан заключил подобную сделку, когда был в Стигии.

— Она ушла, — заметил Джехан. — Не добилась своего и ушла. Она не может долго находиться вдали от родной земли. Ей необходимо вдыхать курения от своего алтаря, а здесь, в Зингаре да на Пустошах никто не станет приносить жертвы чужой демонице.

— Здесь о ней не знают.

— Кое-кто знает — я, например, — заявил Джехан.

— Это ты меня спас? — Эдред перешел на тему, которая волновала его ничуть не меньше, чем разговор о демонице.

— Я и братья, — был ответ.

— Кто вы такие?

— О, мы морские люди, — сказал Джехан, смеясь. — В море мы в безопасности, а когда поднимается буря, уходим на глубину. Мы ощущаем любое дыхание водной стихии.

— Уходите на глубину? — переспросил Эдред. — Как такое возможно?

— Мы, как некоторые морские животные, можем не дышать по полчаса и более, — отозвался Джехан. — Но мы не демоны. Наверное, мы потомки каких-то давно забытых существ... трудно сказать. Нас осталось слишком мало, чтобы выяснить наверняка.

— А там, под водой, у вас есть города? — спросил Эдред.

Джехан тихо рассмеялся.

— Ты любопытен! Нет, никаких городов у нас нет. Мы предпочитаем жить на берегу, среди людей.

— Почему вы спасли меня?

— Ты — особенный. Ты любишь море почти также сильно, как и мы сами.

Эдред подумал о гнусном кабаке, где прошло его детство, о грубых посетителях, всегда пьяных и раздраженных, о хозяевах, вечно недовольных... Море означало для него свободу. Даже если платить за эту свободу приходилось дорогую цену и подвергать себя вечной опасности, не говоря уж о тяжелой работе, которой никогда не будет конца.

— Да, — промолвил он наконец, — я люблю море.

В этот миг вода вокруг него вскипела, и на поверхности показались другие люди. Они были похожи на Джехана, как родные братья, — такие же красивые, полные сил и жизни, такие же черноглазые и чернобородые.

Но главное, что сближало их между собой и отдало от всех прочих людей, каких прежде встречал Эдред, — они были спокойной, глубокой любви друг к другу.

Среди обыкновенного прибрежного люда такого не встречалось — и, как подозревал Эдред, — такое было редкостью даже в богатых замках и городах, полных роскоши.

— Мы вытащили из-под воды твою галеру, — сказал Джехан. — Она дожидается на берегу.

— А матросы?.. — решился наконец спросить Эдред.

— Что ж, — отозвался Джехан, — они все мертвые, как это ни жаль. Мы похоронили их на дне морском.

— Я доверил себя морю, и море меня спасло, — прошептал Эдред. — Что ж, да будет так.

— Да будет так, — откликнулся эхом Джехан, а его братья повторили эти слова негромкими, звучными голосами.

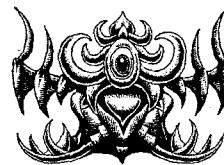
* * *

Так и вышло, что гребцы на галере Джехана оказались такими необычными. Они вполне были дово-

льны своей долей: бороздили море на корабле, получали деньги и покупали себе драгоценности и красивые ткани — это было их слабостью. Не чуждались они и портовых женщин, среди которых слыли щедрыми и добрыми.

И удача больше не отворачивалась от Эдреда.

Глава вторая

Девушка в море

апитан Эдред Удачливый вез груз меховых шкур из Ванахейма в Мессантию. Он стоял на носу галеры и смотрел, как вода расступается перед ним. Это зрелище завораживало — Эдред мог любоваться им до бесконечности.

Они шли так, чтобы не терять из виду берег, и уже миновали широкий пролив между континентом и большим островом Фалль. Впереди было еще несколько островов. Эдред знал здесь каждую пядь. Ветер дул попутный, так что команда сложила весла и отправилась отдыхать.

Солнце садилось. Знакомые мысли неторопливо проходили в голове Эдреда. Он думал о Пламенеющих горах, которые увидит завтра на острове Кардал, о чудесном рассвете, который через несколько колоколов зальет Море Запада и окрасит его воды в цвет крови. О грузе, лежащем в сохранности в сухом, хорошо проветриваемом трюмё. О длинных веслах, которые сейчас бездействуют... Мелькнула мысль о демонице, но тотчас исчезла: стигийская

полубогиня (или кто она там на самом деле) давно вернулась в Стигию и отказалась от последней своей добычи, от Эдреда, который — если уж разбираться по-честному — не может ей принадлежать.

Тихо, покойно было на душе у капитана. Он услышал шаги и повернул голову: Джехан подошел к нему и остановился рядом. Вдвоем с другом они молча смотрели на морские волны.

Уже темнело. На небо высypали звезды. Джехан молчал так дружески и спокойно, что Эдред, ни на миг не забывая о его присутствии, все-таки ощущал себя совершенно расслабленным, как если бы находился в одиночестве.

Должно быть, и Джехан чувствовал то же самое, иначе не подошел бы. Эти морские люди были чрезвычайно чувствительны к эмоциям, своим и чужим. Они избегали общества обычных людей именно по этой причине: слишком грубые и резкие чувства, испытываемые простым людом, заставляли их страдать.

Внезапно Джехан насторожился и показал рукой на какое-то пятно, темневшее на волнах. Пятно это было едва различимо.

— Ты видишь? — спросил он тихо у своего друга.

Эдред прищурился. Каким острым бы ни было зрение моряка, все же оно не могло сравниться с невероятным зрением морского человека.

— Кажется, что-то темное... нет, не вижу, — признался Эдред. — Когда ты показываешь, мне кажется, будто там что-то действительно есть, но стоит

рассматривать внимательнее — и... нет, не буду ли-цимерить. Ничего не вижу.

— Там человек на волнах, — сказал Джехан.

— Нужно спустить шлюпку и подобрать его. Пологаешь, мы сумеем помочь?

— Конечно! — Джехан пожал плечами. — Можно обойтись и без шлюпки, я запросто доплычу.

— Он еще жив?

— Не вижу, — признался Джехан. — Вот этого даже я разглядеть не в состоянии. Может быть, он без сознания.

— Не удивительно, если учесть, сколько всего он, возможно, перенес.

Эдред не успел закончить свою фразу, как Джехан уже с тихим всплеском погрузился в воду. Смотреть, как плывет морской человек, всегда доставляло Эдреду наслаждение. Иной раз он сомневался в том, что Джехан — не божество или демон. У человека не может быть таких плавных, таких мощных движений...

Но тем не менее они с Джеханом оставались друзьями. И кем бы ни являлся Джехан на самом деле — на его дружбу с Эдредом это никак не влияло.

Джехан стремительно рассекал воду. В слабом свете звезд видно было его сильное тело. Он уверенно приближался к терпящему бедствие человеку.

Скоро Джехан — едва различимая подвижная точка среди темных морских волн — уже двигался в обратном направлении. Теперь он плыл медленнее, действуя только одной рукой. Вторая его рука впе-

пилась в большую доску, к которой был привязан человек.

Добравшись до корабля, Джехан отвязал от доски незнакомца и передал его Эдреу. Только теперь Эдред смог наконец рассмотреть спасенного.

Это была молодая девушка, лет семнадцати, не старше. Даже перенесенные испытания не смогли исказить поразительную красоту ее лица. Круглое, с нежными чертами, оно выглядело почти детским. И тем ужаснее казался грубый рабский ошейник, охватывающий тонкую шею девушки.

Она была одета в лохмотья, почти совершенно истлевшие в воде. Исхудавшие руки бессильно лежали на палубе.

— Она сильно пострадала, — сказал Эдред. — Нужно дать ей воды.

Джехан сам принес воды в кувшине и помог Эдреду напоить спасенную. Она по-прежнему оставалась без сознания — хотя, впрочем, на миг все-таки вернулась к действительности и проглотила немногого воды.

— Надо было разбавить вином, это придало бы ей сил, — заметил Эдред.

— Вряд ли, — отозвался Джехан, рассматривая девушку с каким-то странным, напряженным выражением, появившимся на его обычно спокойном лице.

— Поверь мне, вино всегда ставит человека на ноги, — настаивал Эдред.

Джехан двинул бровью, но ничего не ответил. Неожиданно Эдред подумал: «Уж не припоминает

ли Джехан все эти сплетни о том, где и как я провел первые годы моей жизни? Наверняка он презирает меня за то, что прежде я был трактирным слугой!»

Откуда взялась эта мысль, Эдред не знал. Она сама каким-то образом взяла да и заползла в его голову. И это — при том, что уж Эдреду-то отлично было известно: Джехан никогда никого не презирал, если только человек не совершил подлости по собственному почину. И уж меньше всего морской человек склонен был свысока относиться к тому, кого судьба забросила в притон и кто сумел оттуда вырваться.

Тем не менее Эдред покосился на Джехана не-приязненно.

— Мне кажется, мы не о том говорим, — сказал Эдред. — Я считаю, что вино было бы сейчас уместнее, нежели вода. Эта бедная девушка и без того на-гляделась на воду — так что для того, чтобы привести ее в чувство, потребовалось бы нечто иное...

— Ты стал мудрено выражаться, — заметил Джехан спокойно. (Это спокойствие взбесило Эдреда еще больше). — Ты ведь не любишь жрецов?

— При чем тут жрецы?

Эдред закипал все сильнее.

Джехан отозвался:

— Прости, я не хотел тебя обидеть. Скажи мне, почему, по-твоему, она так дурно одета?

— На ней то платье, которое дали ей хозяева, я полагаю, — буркнул Эдред.

Джехан сел рядом с девушкой на корточки, заглянул в ее лицо.

— Она красива, — сказал он.

— Разумеется! — ответил Эдред. — Разве могут быть сомнения? Взгляни на эту округлую линию подбородка, на эти скулы! А глаза! Уверен, очень выразительные. И брови, чуть изогнутые, гладкие — атласные. У нее гладкая молодая кожа. И плечи... А грудь! Очаровательной формы. И бедра чуть полноваты — в самый раз, чтобы...

— Ты говоришь, как работорговец! — удивился Джехан, поднимая взгляд на друга. — Это странно. Ведь ты не собираешься продавать ее?

— Разумеется, нет! — Эдред проглотил слону. Он вдруг понял, что при виде этой юной красавицы его переполняет желание.

Она была совсем не такой, как эти податливые красотки на берегу. В ней присутствовала хрупкость юности, какая-то изумительная чистота. Счастливец, должно быть, тот, кто прикоснется к этой чистоте! Ни одна, даже самая добросердечная, шлюха из тех, что ожидают «морячков» в порту, не в состоянии дать подобного восхитительного ощущения!

Эдред поймал на себе взгляд Джехана. Тот смотрел на друга едва ли не с состраданием. Казалось, Джехан понимает все, что происходит в душе у Эдреда Удачливого, и осуждает его.

— В чем дело? — резко спросил его Эдред.

— Подари мне ее, — попросил Джехан неожиданно.

— Тебе? — Эдред деланно рассмеялся. — На что тебе рабыня?

— Мне не нужна рабыня, — ответил Джехан. — Я не признаю рабства. Наш народ, каким бы малочисленным он ни был, чтит те традиции, которые у нас еще остались. Все живые существа приходят в мир свободными и покидают его свободными. Никто не может принадлежать другому. Это противоестественно.

— Так что же ты собираешься с ней делать? — еще больше удивился Эдред.

— Почему я должен что-то с ней «делать»? — в свою очередь изумился Джехан. — Я помогу ей поправиться, куплю ей одежду и отпущу на свободу. То, что должен сделать любой человек, если к нему в руки попадает подобная красота.

— Но ты... — начал было Эдред.

Джехан перебил его, мягко положив руку ему на плечо.

— Я не сомневаюсь в том, что и ты намеревался поступить с ней точно так же, как и я. Я прошу лишь о том, чтобы это удовольствие было подарено мне.

— Удовольствие? — прошипел Эдред, не веря собственным ушам.

Джехан кивнул.

— Именно это я и имел в виду. Разве ты не получил бы наслаждение, балуя ее? Покупая для нее одежду? Гуляя с ней по улицам? И потом, найдя для нее подходящее пристанище, — проститься с

ней и пожелать ей счастья... Да это огромное удовольствие, Эдред, и я умоляю тебя — я заклинаю тебя — подарить его мне! Вспомни, что я спас твою жизнь. В обмен на это я прошу о такой малости... — Он улыбнулся с обезоруживающей искренностью. — О такой огромной малости!

Эдред покачал головой.

— Я просто не верю собственным ушам, Джехан! Да мы только что выловили из моря настоящее сокровище! Мне даже подумать страшно о том, сколько может стоить подобная рабыня на рынках Аграпура! Нежная, красивая, наверняка девственная... За нее отвалят целый мешок золота.

— Я сам подарю тебе мешок золота, — сказал Джехан. В его голосе зазвучали жесткие нотки.

— У тебя есть мешок золота? Не знал, — покричал Эдред.

— Я достану для тебя мешок золота, — уточнил Джехан. — Можешь во мне не сомневаться, я никогда не обманываю. Отдай мне эту девушку. Сдается мне, ты не на волю хочешь отпустить ее...

— Я хочу... — Эдред облизал пересохшие губы и опять взглянул на девушку. — Я хочу ее! — выпалил он. — Я хочу обладать ею! И, поскольку я хозяин корабля, и я вытащил ее из воды, то она принадлежит мне.

— Из воды вытащил ее я, — напомнил Джехан. — И заметил ее в море тоже я. Если бы меня не было рядом, ты проплыл бы мимо и предоставил ей умирать в море. Ты попросту не заметил бы ее!

— Ну а коль скоро этого не случилось, и она находится на моем корабле, то она — моя!

— Ты хочешь владеть ею? — продолжал удивляться Джехан. Он попытался взять Эдреда за руку, но тот с силой выдернул свою ладонь из пальцев друга. — Улыбнись же, Эдред, скажи, что ты пошутил! Ты не можешь испытывать столь низменное желание!

— Я хочу обладать ею, — сквозь зубы повторил Эдред.

— Ты сможешь обладать ею, если она полюбит тебя, — возразил Джехан. — Полюбит свободно, добровольно. Если она увидит в тебе своего спасителя... Она будет благодарна тебе! И, быть может, боги вложат ей в душу чувство более нежное и глубокое, нежели обычная благодарность.

— А если этого не случится?

Джехан не ответил.

Эдред схватил его за плечи и сильно встряхнул.

— Скажи, ведь этого не случится! Ведь это для себя ты оставляешь роль спасителя и благодетеля! Ты выпрашиваешь ее для себя потому, что желаешь сам оказать ей все благодеяния, которые только что расписывал! Это в тебя она влюбится, когда окончательно сознает все случившееся...

Джехан попытался освободиться.

— Отпусти, ты делаешь мне больно... Нет, Эдред, ты ошибаешься. Я прошу ее для себя потому, что хочу испытать удовольствие, которое всегда приносят добрые дела — что бы там ни говорили цинич-

ные люди. А что касается любви... Это чувство не-предсказуемо. Никто не силах предвидеть, как раскроется человеческое сердце.

— Откуда тебе-то это известно? — рассердился Эдред. — Разве ты человек? Что ты можешь знать о людях?

— Почти все, — спокойно отозвался Джехан. — И кого полюбит эта девушка, мы с тобой предсказать не в состоянии. Это тайна, и ни один смертный не смеет заглядывать в нее.

— Я скажу тебе, что произойдет с этой девушкой! — вне себя закричал Эдред. — Она будет принадлежать мне, захочет она того или нет! Она будет подавать мне вино, чтобы я освежился, и воду для умывания, и одежду, чтобы я оделся! Она будет снимать с меня грязные сапоги, если я этого потребую! Она будет услаждать меня в постели в любой миг, когда только мне этого захочется. И ни слова наперекор мне она не скажет — никогда, иначе отведает хлыста!

— Ты не сделаешь этого, — сказал Джехан. — Я просто не верю... Это говоришь не ты! Это говорит какой-то демон, вселившийся в моего друга!

— Демон? — вне себя закричал Эдред. — Демон? Ты не смеешь... не смеешь стоять у меня на пути, ты, грязный полукровка, порождение развратной рыбачки и какого-нибудь речного божка, из тех, что ползают в вонючей тине!

Джехан смотрел на Эдреда молча и, как показалось взбешенному капитану, с состраданием. Так

глядят на истекающую пеной собаку, которую придется пристрелить, чтобы она не покусала остальных.

Эдред размахнулся. Слишком поздно Джехан понял, что в руке у капитана блеснул нож. Если бы Джехан хотя бы подозревал своего друга в том, что он способен на такое, он успел бы увернуться. Но Эдред застал его врасплох.

С ножом между глаз, морской человек опрокинулся на спину. Мгновение он еще смотрел в глаза своему бывшему другу, а затем взор его потускнел, зрачки затянуло пленкой — последний вздох замер на губах Джехана, и он застыл навеки.

Эдред мгновение смотрел на него, кривясь, а затем ударом ноги выбросил труп за борт.

Девушка по-прежнему оставалась без сознания. Эдред опустился рядом с ней на колени и похлопал ее по щекам.

— Очнись, милая, — сказал он с грубоватой лаской. — Все дурное позади. Ты теперь в безопасности.

* * *

Утро пришло совсем не таким, как ожидал его увидеть Эдред. Небо затянуло густыми серыми тучами. Рассвета не было вовсе. Будничные серые волны плескали за бортом галеры. Корабль молча бежал под парусами на юг.

Девушка пришла в себя в капитанской каюте. Она лежала на кровати, совершенно обнаженная и

закутанная в теплое меховое одеяло. Эдред стоял рядом с ней и грустно глядел на нее сверху вниз.

Она пошевелилась и вдруг распахнула глаза. Встретилась с ним испуганным взглядом.

— Тебе лучше? — спросил Эдред. — Я принес тебе поесть.

— Кто вы? — прошептала она тихо.

— Я капитан этого корабля. Ты в безопасности.

Она взяла из его рук лепешку черствого хлеба и осторожно отломила кусочек. Положила в рот, но глотать медлила.

— Ты ведь голодна, — сказал Эдред, улыбаясь, — ешь без страха. Это не отравлено.

Она даже не сделала попытки улыбнуться в ответ на эту неуклюжую шутку. Вместо этого девушка спросила:

— Что произошло? Вам известно, что со мной случилось?

— Я нашел тебя в море, — сказал Эдред. — Ты была привязана к доске и оставлена на волю волн.

— Да, — она содрогнулась при этом воспоминании. — Наш корабль затонул. Не помню, кто помог мне привязаться. Наверное, кто-то из матросов.

— Я увидел тебя с палубы, — продолжал Эдред, — и, рискуя собой, доплыл до тебя. Впрочем, расстояние было не таким уж и большим. Труднее всего оказалось втащить тебя на борт.

— Ты же мог позвать кого-нибудь из своих людей, господин, — сказала девушка. — Не было смысла подвергать себя такой опасности...

— Вся моя команда спала, за исключением рулевого, а мне нельзя было терять времени — я мог потерять тебя из виду в любое мгновение, — объяснил Эдред. — Я едва различал тебя в волнах, если уж говорить честно. А если бы ты скрылась из виду на всегда, я никогда не простила бы себе такой оплошности.

— Благодарю, — со вздохом прошептала она. — Мне сквозь сон чудилось, будто кто-то меня спасает... Вытаскивает из воды. Только он... не обижайся, мой господин, он не был похож на тебя. Он был черноглазый, с такой вот черной бородкой. — Слабым движением руки она обвела вокруг своего подбородка, показывая, какой была борода у ее спасителя.

Эдред вздрогнул и поскорее отвел глаза. Он надеялся, что девушка ничего не заметила.

— Тебе просто почудилось в бреду, дитя мое, — мягко проговорил он. — Наверное, человека с похожей внешностью ты встречала и раньше. Впрочем, у меня на борту половина команды подходит под твоё описание. Скоро ты и сама во всем убедишься.

Казалось, она легко поверила этому объяснению, потому что прекратила все расспросы.

Эдред сказал, чтобы не возникало никаких недоразумений:

— Поскольку это мой корабль и я вытащил тебя из воды, ты по праву принадлежишь теперь мне. Мне нравится, как ты называешь меня — «господин». Так и продолжай. Я оставлю тебя у себя, не

стану продавать, поэтому привыкай к моему обществу. Ты очень красива, и я не обижу тебя, если ты будешь послушной. Как тебя зовут?

— Ксана, — ответила девушка.

— Красивое имя. Никогда прежде такого не слышал.

Она опустила глаза и не ответила, а Эдред вышел из каюты.

Вся команда уже собралась на палубе и ожидала капитана. Эдред ожидал увидеть нечто подобное и все же, столкнувшись с этим въяве, поневоле испытал ужас. Похожие друг на друга, одинаково рослые и красивые, морские люди стояли плечом к плечу и молча взирали на Эдреда. Затем один из них вышел вперед и заговорил:

— Мы все утро сегодня разыскиваем Джехана, но его, похоже, нет на корабле. Никто из нас не знает, что могло случиться. А ты? Ты знаешь?

Эдред молчал. Наконец он очень естественным — как ему самому казалось — тоном отозвался:

— Джехана нет на корабле? Но как такое могло случиться?

— Мы хотели бы услышать твои предположения, — наступал морской человек.

— У меня нет никаких предположений. — Эдред пожал плечами. — Мало ли куда он мог отлучиться...

— Посреди моря?

— Но ведь он — проклятье, вы все! — вы же морские люди! Вы сами хвастались, что в состоянии

проводить до получаса под водой! Что живете в море, и что море — ваша стихия! Разве он не мог ощутить вдруг непреодолимого желания прогуляться по волнам?

— Если бы такое и произошло, он предупредил бы одного из нас, — был ответ. — Но никто не слыхал от Джехана о подобном его намерении.

— Вероятно, вы все спали, когда он уходил, — Эдред решил не сдаваться и ни за что не сознаваться в совершенном.

Он не знал, какие наказания приняты у морских людей за убийство, но не сомневался в том, что это будет нечто ужасное. Сейчас он уже не понимал, как прежде мог считать этих людей красивыми. Их круглые блестящие черные глаза казались ему глазами животных, а их гладкие лица внушали ему отвращение.

— Если вы считаете, что я в чем-то виновен, — медленно произнес он, — то скажите об этом прямо. Я сумею оправдаться, клянусь Митрой!

Тот из морских людей, кто взял на себя трудвести переговоры с капитаном (прочие молча смотрели на него немигающим взглядом), поднял руку.

— Молчи! Не оскверняй себя еще и клятвопреступлением!

— Вы считаете, что я лгу? — с надменным видом осведомился Эдред.

— Мы не можем этого доказать, — прозвучал негромкий ответ, — но море говорит нам об этом. — Морской человек показал рукой на волны. — Кровь

никогда не молчит, а недавно пролитая кровь кричит, наполняя своим голосом вселенную, и беда многих людей — лишь в том, что они не слышат этого.

— И о чем же кричит эта кровь? — прищурился Эдред. Он усиленно делал вид, будто не понимает и половины из сказанного.

Но с морскими людьми эта игра не приносила ни малейшего успеха.

— Мы думаем, что ты убил Джехана, — сказал его собеседник.

— Если я убил его, покажите мне тело, — выкрикнул Эдред.

Он вдруг потерял терпение, и самообладание оставило его. «Дурной знак, — подумал он, пытаясь взять себя в руки. — Я не должен горячиться. Эти вспышки выдают меня с головой».

Он посмотрел на свою команду со страхом. Их было одиннадцать человек. Им ничего не стоит наброситься сейчас на того, кого они считают виновным, и покарать. Их никто не остановит, никто не вступится за капитана — и потом, когда галера придет в порт, никто не станет задавать вопросов. «Эдред погиб», — бесстрастно доложат они деловым партнерам своего бывшего командира. «Ах, какая жалость! Но что поделаешь, море таит в себе немало опасностей...» — только и ответят те, а затем начнут вести дела с преемником Эдреда. Такое уже было — когда сам Эдред занял место прежнего капитана. Такое может и повториться.

Но произошло нечто иное.

— Мы не имеем права поднять на тебя руку, — сказали ему морские люди. — Наши боги прогневаются, если по нашей вине в море выльется человеческая кровь. Наши боги не любят, когда в море выливается человеческая кровь, потому что она кричит слишком громко. Громче, чем кровь животных.

— Вот как? — чуть осмелел Эдред.

— Да. Только кровь китов и дельфинов сопоставима с человеческой... Но ты нам больше не капитан. Мы не можем находиться рядом с тобой на твоем корабле. Ты нам отвратителен. Прощай, Эдред, мы уходим и забираем с собой твою удачу. Отныне ты будешь Эдредом Плачевным — если только люди успеют дать тебе это прозвище.

Один за другим они подходили к борту и бросались в море. Эдред стоял, онемев, не в силах шевелнуться, и смотрел, как его команда — лучшая команда на всем Море Запада! — исчезает в пучине.

Волны принимали моряков так естественно и с такой лаской, что на миг Эдреду показалось, будто те уходят домой. Впрочем, вероятно, так оно и было. Эдред ничего не знал об истинном образе жизни этого народа. Какое-то время они жили бок о бок, затем расстались — вот и все.

«Никто никому ничего не должен», — подумал Эдред, скаля зубы. Ему вдруг пришло на ум, что теперь, если он благополучно доведет галеру до места назначения, ему не придется выплачивать команде ни жалованье, ни долю от выручки.

Осталось одно: молить богов о попутном ветре. Потому что если ветер стихнет, галера встанет на мертвое. Оставшись в одиночестве, Эдред не сможет вести корабль на веслах.

* * *

К вечеру девушка выбралась из каюты и устроилась на палубе. Эдред не сразу заметил, что его прекрасная добыча расположилась на свежем воздухе. Она была тихая и держалась незаметно. Заслышив шаги капитана, она подняла к нему голову и чуть улыбнулась.

— Мне стало лучше благодаря твоим заботам, — сказала она.

Мысленно Эдред отметил, что девушка не встала при приближении своего хозяина и забыла назвать его «господином». Похоже, она попала в рабство совсем недавно. Что ж, у нее будет хороший учитель.

— Тебе следует помнить о том, кто я такой, — мягко напомнил Эдред. — И вести себя соответственно.

Она улыбнулась.

— Я помню, кто ты, — ответила она. — Ты спас меня в море, когда я погибала. Но все-таки, — она нахмурилась, — мне кажется, там был кто-то еще...

— Наверное, тебе мерещился кто-нибудь из близких, кого ты потеряла еще раньше, — сказал Эдред сухо. — Мы уже обсуждали эту тему. Помолчи.

Она испуганно моргнула. Девушка видела, что

капитан сердится, но она не могла понять, почему. Ведь она спрашивала об очень простой вещи...

Некоторое время она просто сидела на палубе и смотрела на волны. Эдред потихоньку любовался ею. Какой чистый профиль! Какой ясный взгляд у нее! И мысли в голове наверняка простые и чистые... Похоже, она совершенно забыла о том, что говорил ей Эдред утром. Насчет ласки, которой она обязана одаривать своего господина по первому же повелению, насчет кнута, которого она отведает, если не будет послушной... Все эти вещи попросту вылетели из ее головы.

Может быть, она слабоумная? Но девушка не производила такого впечатления.

Эдред внезапно почувствовал себя слишком уставшим для того, чтобы чему-то «учить» свою рабыню. Довольно с него было и того, что произошло ночью, а затем имело такое неприятное продолжение утром. Он был совершенно вымотан.

Девушка, казалось, поняла это.

— Ты выглядишь уставшим, — сказала она. — Если у тебя есть время, присядь. Поговори со мной.

Он уселся рядом, взял ее за руку.

— Ты очень красива.

Она вздохнула.

— Мало толку от красоты, если она не приносит радости.

— Красота не может не приносить радости! Не гневи богов, которые наделили тебя такой привлекательной внешностью, — возразил Эдред.

Она чуть вздохнула и вдруг спросила:

— Скажи, а где твоя команда?

— Моя команда? — Эдред огляделся по сторонам, как будто ожидал увидеть на корабле еще кого-то и только теперь заметил, что они с Ксаной остались одни. — Похоже, ты вздумала поговорить о том, в чем совершенно ничего не понимаешь!

— Я действительно не понимаю в морском деле, — согласилась девушка, — но одно мне ясно: корабль не плывет по морю сам по себе. Кто ставит здесь паруса? Кто стоит у руля? Кто гребет на вспахах? На корабле должна быть команда!

— Она есть, — нехотя проговорил Эдред.

— Но где она? Я никого не вижу!

— Ты и не должна никого видеть, ведь все заняты работой и каждый находится на своем месте.

Она пожала плечами.

— На том корабле, который... — Она содрогнулась при воспоминании о работоговце, который вез ее на чужбину, но все-таки нашла в себе силы закончить фразу: — На моем первом корабле повсюду были матросы. Я все время видела их. Они громко переговаривались — так что даже когда я не видела их лица, я все равно слышала их голоса.

— Ну а здесь люди работают молчаливо, — отрезал Эдред.

Она посмотрела на него так пристально, что ему стало не по себе.

— Что? — не выдержал он. — Почему ты так смотришь?

— Ты ведь солгал мне, — спокойно ответила она. — Здесь никого нет, кроме тебя и меня. Ты закрепил руль, чтобы корабль держался одного направления. Поэтому у руля тоже никого нет. Мы одни. Верно?

Эдред кивнул.

Она вся сжалась, побледнела. Эдред подумал с удивлением, что девушка до последнего надеялась услышать отрицательный ответ. Ей так хотелось бы, чтобы Эдред сумел убедить ее в ошибке! Но он признался и открыл ей жуткую правду.

Кроме самой Ксаны и ее нового хозяина на корабле никого нет.

Эдред обнял ее за плечи.

— Ты не должна бояться.

— Но я боюсь, — вздохнула она, невольно прижимаясь к нему. — Почему мы одни?

— Ты уверена, что хочешь услышать ответ?

Она чуть отстранилась.

— Неужели это будет так ужасно?

— Не ужаснее всего, что случилось с тобой и со мной... — Он погладил ее по волосам и подумал о том, что стоило бы все-таки снять с нее этот отвратительный рабский ошейник. — Моя команда... Это были не вполне люди. Я и сам толком не знаю, кем они были на самом деле. Они... в общем, они вышли из моря. И сейчас они вернулись в море.

— Почему?

— Они оставили меня, — уклончиво ответил Эдред. — Не захотели больше плавать на моем кораб-

ле. Я с ними поссорился. И не спрашивай об этом больше, Ксана. Ответ действительно не понравится тебе — а я не хотел бы этого...

— Что ж, — согласилась она, — если не хочешь, то не говори. Важно одно: они ушли, бросили тебя.

— Они ничего не знали о тебе, — добавил Эдред. — Возможно, если бы я показал им тебя и объяснил, насколько ты беспомощна, они изменили бы свое намерение.

— Но ты этого не сделал... Почему?

— Потому что я хотел оставить тебя себе.

Она вздрогнула.

— Я не вполне понимаю...

— Напротив, здесь все совершенно ясно, Ксана, — сказал Эдред и крепко сжал ее плечи. — Эти люди ненавидят рабство. Они ни за что не позволили бы мне оставить тебя. Они потребовали бы дать тебе свободу.

Она вздохнула.

— Я все время забываю об этом... — Она коснулась пальцами своего ошейника. — Ты не похож на работорговца, вот мне и подумалось: раз ты меня спас, значит...

— Боги, сколько же раз повторять тебе одно и то же! — потеряв терпение, вскричал Эдред. — Ты теперь принадлежишь мне! Ты — моя, понятно тебе? Моя! Я буду делать с тобой все, что захочу, и ты подчинишься!

Она опустила голову, сникла. Ему стало жаль, что он неосторожным словом разрушил то доверие,

которое начало было возникать между ними. «А вдруг Джехан был прав? — невольно подумалось Эдреду. — Варуг она полюбила бы меня — по доброй воле? Я не хотел рисковать, но... Она ведь действительно могла выбрать меня и отдаваться мне по собственному желанию, а не потому, что к этому ее принудил господин! И это было бы куда слаще...»

Он представил себе Ксану в своих объятиях — плачущую, привязанную к постели, со следами кнута на нежной коже. Зрелище странно возбудило его.

Он провел рукой по ее плечу, хоряжски прикоснулся к ее груди.

С тихим криком она вскочила и отшатнулась. Он насмешливо смотрел на нее. Ксана тяжело дышала, капельки пота выступили на ее лбу.

— Не трогай меня! — прошептала она. — Иначе я брошусь в воду, как это сделала твоя команда!

— Моя команда — нелюди, — спокойно отозвался Эдред, — и море не причинит им вреда. Это их родная стихия. А ты попросту утонешь.

— Лучше я утону, чем уступлю насилию, — сказала Ксана. — Так и знай.

— Что ж, — ответил Эдред, пожимая плечами с деланным равнодушием, — я подожду, пока мы окажемся на суше. Там тебе будет куда труднее исполнить эту глупую угрозу. А со временем ты свыкнешься со своим новым положением и даже начнешь находить его приятным.

Девушка ничего не ответила. Она обхватила колени руками, уткнувшись в них подбородком и затихла.

Глава третья Мессантия

о сих пор предсказание морских людей не исполнилось: удача по-прежнему сопутствовала Эдреду. Ветер дул попутный, и погода стояла хорошая. На третий день этого опасного плавания галера бросила якорь в маленьком городке Илнот неподалеку от Мессантии.

Эдреду совершенно не хотелось отвечать на вопросы, которыми его непременно забросали бы в большом порту. Куда подевалась команда? Почему галера пришла пустая? Как это Эдреду удалось довести корабль до порта в целости, если он был на борту один?

Мда. Рассказы о пиратах здесь не помогут: на галере не имелось никаких следов нападения. Да и после боя, каким бы он тяжелым ни был, всегда остаются не только убитые, но и раненые.

Поведать правду?

Какую правду? О том, что вся команда дружно прыгнула за борт, но не утонула, а уплыла? Эдреда попросту поднимут на смех.

Поэтому он вошел в небольшой порт ночью и некоторое время стоял в отдалении от прочих кораблей. Ночь галера простояла у дальнего пирса. Утром капитан неторопливо сошел на берег. Его сопровождала молодая девушка, одетая по-мужски, в тунику и плащ. На ногах у нее красовались сапоги, которые были ей великоваты, а волосы она перетянула кожаным шнуром.

Она шла за своим спутником, как привязанная, словно боялась потеряться. То и дело она бросала по сторонам быстрые взгляды.

Многое, казалось, было ей здесь в диковину: и потрепанные рыбачьи баркасы, что покачивались у пристани, и женщины в подоткнутых юбках, что чинили сети на берегу, и покосившиеся хибары, навсегда провонявшие рыбой...

Они поднялись по кособокой улочке повыше и очутились в зажиточной части — если применительно к Илноту вообще возможно подобное слово. Здесь имелось несколько таверн, один большой постоянный двор, а чуть выше на склоне горы — целый квартал, занятый складами.

Эдред вошел в таверну, кивком головы велел девушке сесть и направился к стойке.

Там его узнали.

— Эдред Удачливый! — обрадовался трактирщик. — Давно тебя не было в наших краях! Всегда ты проходил мимо Илнота, двигаясь прямиком в Мессантию. Я уж подумал было, что ты совсем возгордился... Какой груз на сей раз?

— Шкуры из Ванахайма, — ответил Эдред, — и ты прав, я опять в Мессантию. Там уже ждут.

— Наверное, у тебя появилась серьезная причина остановиться в Илноте, а? — проницательно спросил трактирщик. — Что тебе нальть?

— Вина, и получше, — сказал Эдред. — Со мной подруга.

Трактирщик ухмыльнулся.

— Красотка! Где ты ее раздобыл?

— Где раздобыл — там таких больше нет, — ответил Эдред. — Впрочем, тебе как другу сознаюсь: выловил ее в море. Она от меня без ума. Хочу оставить пока у себя. Может, женюсь на ней.

— Женишься? Ты? — Трактирщик громко расхотался, нимало не заботясь о том, что своим приступом неумеренной веселости, быть может, смертельно ранит чувства Эдреда.

Эдред, скрывая обиду, с деланным пренебрежением пожал плечами.

— А что в этом такого? По-твоему, морской волк не может иметь жену?

— Морской волк может иметь... подругу в каждом порту, куда только засунет свой нос! — все еще смеясь, ответил трактирщик. — Впрочем, мое дело сторона. Тебе досталась прехорощенская девчонка... Кажется, у нее на шее след от рабского ошейника?

— Да, — сказал Эдред.

— Ну что ж, и это меня не касается.

Трактирщик налил в кувшин из бочки и подал Эдреду.

Капитан наклонился к нему через стойку.

— Скажи, кто из работорговцев нынче в Илноте?

— Есть парочка... — Трактирщик почесал бровь в задумчивости. — Поднимись к складам и спроси там Диармайда. А что, есть надобность?

— Да, — сказал Эдред. — Появилась вдруг такая надобность. Какой у него груз?

— Всего понемножку, и мужчин, и женщин... Есть черномазые, есть, по слухам, красотки из Вендии, редкие штучки. Но за них он наверняка заломит большую цену.

— Красотка из Вендии должна жить в богатом доме, а не на корабле, — сказал Эдред, забирая кувшин и выкладывая перед трактирщиком несколько золотых. — Я благодарен тебе, дружище.

— Твоя благодарность практически бесцenna, — заявил трактирщик, сметая деньги с прилавка.

Скоро уже перед Ксаной и Эдредом лежали свежие пшеничные лепешки с дымящимся мясом. Эдред сам налил вина в большие глиняные кружки.

Девушка жадно набросилась на еду. Хотя на галере Эдред и кормил ее всем самым лучшим, что только мог отыскать в своих капитанских запасах, все же это не шло ни в какое сравнение со свежеприготовленной пиццей. Да и во время своих злополучных приключений она настрадалась и наголодаилась.

Эдред не внушал ей ни страха, ни отвращения. Это ставило капитана в тупик. Он ведь определенно дал ей понять, каковы его намерения. Она, впрочем,

объяснила ему, как собирается реагировать на любое насилие. И с тех пор держалась так, словно между ними установилось полное взаимопонимание, едва ли не дружба.

— Очень вкусно, — сообщила Ксана. — Твой друг трактирщик — превосходный человек.

— Я ему передам, он будет польщен, — пробормотал Эдред.

— Для чего мы зашли в этот порт? — спросила вдруг девушка. — У тебя же здесь нет заказчика?

— Ты права, — сказал Эдред. — Но у меня также нет команды. Мои люди оставили меня, помнишь? Я не могу появиться в Мессантии вот так, без людей. Это вызовет нежелательные расспросы, а я хотел бы избежать любых кривотолков. Надеюсь, ты меня понимаешь.

— Да, — кивнула Ксана. — Я должна держать язык за зубами и не болтать о твоих делах.

— Именно, не то я отрежу тебе этот милый розовый язычок.

— Не отрежешь, — она выглядела не испуганной, а удивленной.

— Почему? — Он поднял брови и уставился на нее с любопытством.

— Потому что женщина без языка нехороша...

— Напротив, хороша, потому что меньше болтает.

Ксана покачала головой.

— Есть тысячи способов сделать жизнь мужчины невыносимой. Поверь мне, если ты лишишь женщи-

ну возможности болтать, она станет куда более изобретательной — и в конце концов сведет тебя в могилу куда более жестоким образом.

— Хочешь проверить? — Он уставился на нее.

Она ответила дерзким взглядом в упор.

— А ты? Не боишься?

Неожиданно Эдред сдался. Он рассмеялся, немного натянуто:

— Боюсь. Ты окончательно запугала меня, Ксана. Так что ешь свой обед... и не мешай мне насыщаться. У меня еще очень много дел.

* * *

Он оставил Ксану отдыхать в том же трактире, нимало не сомневаясь в том, что девушка никуда не сбежит. Она уже начинала испытывать к нему симпатию. Кроме того, у нее, кажется, возникла приятная иллюзия: она воображает, будто может вертеть Эдредом по собственному желанию. Неизвестно еще, каким окажется следующий мужчина, который встретится на ее пути, а этого она уже подчинила себе. От добра добра не ищут. Так что сидит себе Ксана в трактире, угощается виноградом и ждет своего повелителя.

А «повелитель» тем временем отправился к складам и действительно спросил Диармайда.

На зов явился детина в кожаном жилете на голое тело. Он обладал гигантским волосатым брюхом и все время как будто беспокоился об этом брюхе: то

чесал его, то поглаживал, то похлопывал по нему. За широким поясом у него имелся кнут. «Ему не хватает надписи «Работорговец» прямо на лбу», — подумал Эдред.

— Ты меня спрашивал? — осведомился Диармайд.

— Да, — Эдред ухмыльнулся в ответ. — Говорят, ты привез неплохой груз рабов.

— Неплохой? Просто отменный! — Диармайд заметно оживился. — У меня есть такие девочки — при одной только мысли о них начинают течь слюнки...

«Да, — мелькнуло у Эдреда, — теперь я понял. «Работорговец» — это слишком ничтожное звание. Скорее, ему подошла бы надпись «Людоед». И брюхо соответствующее. Как будто прямо сейчас там переваривается обед из двух-трех аппетитных девочек...»

Но вслух он произнес нечто совершенно иное:

— Оставим девочек. Вот уж что мне ни к чему.

— Да? — Диармайд озадаченно хмыкнул. — А ведь это самый лучший товар, самый лакомый!

«Вот опять! — подумалось Эдреду. — Точно, людоед!»

— Учи, — продолжал Диармайд, — я ведь о них забочусь. Есть такие работорговцы, для которых рабы — неудобный и скоропортящийся товар. Я не из таких. У меня все сыты и напоены. Да я их разве что языком не вылизываю!

— Угу, — сказал Эдред. — Языком вылизываешь. И на зуб щупаешь.

— Что? — не понял Диармайд. И, не дождавшись ответа, вернулся к излюбленной теме: — Нет, я серьезно. Я не запихиваю их в трюм по сто человек в тесное помещение, где они дохнут от недостатка воздуха и пищи. У меня все аккуратно. Спят, конечно, прямо на палубе, и опять же прикованные, но это и все. Еда два раза в день, и не гнилая, а приличная. И умывание. Раз в два-три дня. Я слежу. Поэтому они у меня просто очаровашки, особенно — девочки...

— Мне нужны не девочки, — сказал Эдред, чувствуя, что его изрядно утомила вся болтовня работорговца. — Я намерен купить десять человек. Мужчин. Мне нужны гребцы. Понимаешь? Гребцы на весла. Люди, способные повиноваться, сильные и неприхотливые.

— В таком случае, ты говоришь о партии молодцов из Куша, — сказал Диармайд. — Мне будет жаль расставаться с ними! Проклятье, я привязался к ним, как к родным братьям!

Тут он вытер настоящую слезу, которая выкатилась из уголка его глаза. Эдред изумленно наблюдал за ним. Ему доводилось много видеть на своем веку лицемеров и обманщиков, но Диармайд превзошел всех: он по-настоящему верил в то, что говорил.

— И сколько вы хотите за родных братьев? — жестковато спросил Эдред.

Дiarмайд всхлипнул, провел ладонью по своей обширной рыхлой физиономии и совершенно спокойным, деловым тоном ответил:

— По пятнадцать золотых за каждого, если возьмете всех, и по двадцать — если только одного или двух.

— Мне нужно десять человек, — сказал Эдред.

— Сто восемьдесят золотых за всю партию, — определил Диармайд, с хрустом почесывая густую черную шерсть на своем замечательном брюхе. — Идемте, выберете сами, какой вам глянется.

* * *

Галера с десятью кушитами на веслах медленно входила в порт Мессантии. Диармайд не обманул: все десять черных рабов оказались хороши — высокие, широкоплечие, с длинными сильными руками. И, судя по всему, работоговец действительно обращался с этим ценным товаром бережно — насколько такое обращение вообще возможно на подобных кораблях.

Ксану слишком хорошо поняла, что именно сделал ее новый хозяин и покровитель. Когда Эдред вернулся в сопровождении десяти кушитов, девушка так и замерла. Мгновение она рассматривала этих людей, словно выискивала в их лицах след глубокой печали, снедающей ее самое. Но кушиты выглядели вполне довольными. Во всяком случае, они не производили впечатление людей, которых постигла внезапная и ужасающая катастрофа. Эдред распорядился о том, чтобы их сътно накормили, а затем вместе с ними отправился на корабль.

К утру галера вышла из гавани, чтобы на закате следующего дня уже бросить якорь в Мессантии. Рабы остались на судне — они были прикованы к веслам, и Эдред не пожелал снимать с них оковы.

— Я вернусь через пару колоколов, а пока — отдыхайте, — сказал он тому, кого сам назначил старшими над остальными.

Эдред уже успел выяснить, что среди его рабов нет родственников и, стало быть, пока что можно не заботиться о том, что они объединятся против своего хозяина. Старшего же Эдред выбрал из тех, кто пользовался среди своих соотечественников наименьшей любовью. Установить это Эдреду не составило труда — недаром в ранние годы он прошел довольно жесткую школу в трактире и научился разбираться в людях!

Ксану Эдред взял с собой. Она ни о чем не спрашивала. Большой портовый город Мессантия, казалось, совершенно заворожил ее. Можно подумать, прежде она никогда не видела ничего подобного. Девушка без устали смотрела по сторонам и иногда с трудом удерживалась от восхищенного взглаза.

Почти все повергало ее в изумление: большие дома, храмы богов, роскошно украшенные дворцы, прочные склады, просторные рыночные площади. И везде — многолюдье! Пестрая многоликая толпа окружала их с той самой терции, как они сошли на берег.

Ксану чутко прислушивалась к речи, звучавшей вокруг, словно надеялась уловить звуки знакомого

языка или знакомого голоса; но пока что ее ожидало одно лишь разочарование. Эдред нарочно провел ее по самым великолепным улицам, чтобы девушка окончательно убедилась в том, что попала в какую-то странную сказку и что единственный проводник и близкий человек в этой сказке — тот, кто находится рядом с нею.

И эта уловка отчасти удалась. По крайней мере, восхищение Ксаны Мессантией распространилось отчасти и на Эдреда, коль скоро он так ловко ходит по этим улицам и так умело ориентируется среди окружающей их роскоши.

Эдред привел ее в небольшой дом, стоящий ближе к окраине, возле одного из рынков — там прода-вали преимущественно товар из Ванахейма. Дом этот капитан купил несколько лет назад, но почти там не жил.

Это было одноэтажное жилище с выбеленными глинобитными стенами. Несколько комнат имели довольно скромную обстановку — преимущественно ковры, низкие скамейки, невысокие кривоногие столики. Имелось также большое, неуместное в Мессантии ложе (доставленное из Аквилонии) — с балдахином, огромным матрасом, с кистями и резными украшениями, оно занимало целую комнату, так что входить в нее приходилось, сразу запрыгивая на постель.

Все комнаты не имели четвертой стены и выходили на маленький внутренний дворик, где был небольшой фонтанчик и рос чахлый розовый куст.

Дом этот оставался на попечении старого домоправителя. Эдред почти не жил здесь, только наезжал в тех случаях, когда волей судьбы оказывался в Мессантии.

Пока что Эдред собирал средства, намереваясь как следует отдельать свое жилище, где он предполагал провести вторую половину жизни. «Вот уйду на покой — и заживу как король», — говорил он себе и домоправителю.

Домоправитель этот был куплен Эдредом на распродаже имущества одного разоренного купца. Купец запутался в долгах и покончил с собой. Вина его перед обществом оказалась настолько велика, что зингарские судьи постановили продать для погашения долгов не только дом, все имущество покойного, но также его дочерей и слуг.

Дешевле всех просили за старика — мол, никуда не годится. Считалось, что Эдред выложил за него два золотых просто из сострадания. На самом деле старик был одним из главных помощников своего покойного господина и довольно ловко устраивал его дела — это могло бы продолжаться и дальше, не будь купец таким высокомерным и не пожелай он поступить на собственный страх и риск.

— Ты старый пройдоха, — сказал Эдред старому жулику, — но этим-то ты мне и нравишься. Я наводил о тебе справки.

— Мой новый господин мудр, — поклонился старик.

— Будешь управлять моим домом, — сказал ему

Эдред. — Я оставлю тебе деньги. Постарайся увеличить сумму, я знаю, тебе это по плечу.

Старик скрчил неопределенную гримасу, которую можно было истолковать как согласие.

— Я хочу, чтобы в каждый мой приезд дом становился все краше, — продолжал Эдред. — Я не буду требовать от тебя полного отчета — этого не нужно; но мне необходимо чувствовать себя здесь уютно. В безопасности, понимаешь?

— Все будет сделано, — обещал старик.

И у Эдреда не было повода для недовольства домоправителем. В доме всегда было прибрано, имелся припас съестного и выпивки (весьма недурной). Да и состояние Эдреда постоянно росло. О том, сколько денег старик присвоил, Эдред никогда не спрашивал. Он считал, что если домоправитель и ворует, то... то считать это кражей было бы несправедливо. Старый жулик просто берет свое.

Пускай. Заслужил.

Эдред привел Ксану в свой дом не без гордости, однако девушка вся сжалась, едва лишь дверь закрылась за ней.

Эдред огляделся по сторонам, отмечая обновы. Так, новые шторы в дверном проеме. Очень красивые. Кхитайский шелк, не иначе! И узор замечательный: драконы, охотящиеся на рыб.

Новая скамья взамен старой, тоже весьма изящная. Да, старик потрудился. А вот и он сам.

Домоправитель спешил навстречу господину, простирая руки.

— Счастлив вас видеть! — кричал он, спотыкаясь на ходу.

— Я тоже рад, что вернулся, — отозвался Эдред. — Смотрю, ты кое-что сделал в доме.

— Я стараюсь изо всех сил, — поведал домоправитель. Тут он заметил Ксану и отшатнулся, как бы в изумлении.

— Какая несравненная красота! Кто это?

— Моя рабыня, — ответил Эдред. — Возможно, когда-нибудь я назову ее женой. Но не сейчас. Сейчас мне некогда — дела еще не закончены...

Ксана молча смотрела на домоправителя. Он проницательно шурился, разглядывая девушку. И, как заметила Ксана, хотя лицо домоправителя расплывалось в дружеской и немного подобострастной улыбке, глаза его оставались серьезными.

— Отчего ты держишься так, словно тебе здесь нехорошо, дитя мое? — спросил домоправитель.

— Мне действительно... нехорошо, — ответила Ксана тихо и оглянулась на дверь. — Я не люблю закрытых комнат. Слишком тесно. И... здесь нет воздуха.

Она побледнела и раскрыла рот, как рыба, выброшенная на берег.

— Она задыхается! — удивленно проговорил Эдред.

— Я помогу. — Домоправитель взял Ксану за руку повыше локтя и потащил во внутренний дворик.

Здесь ей действительно стало легче. Она слабо улыбнулась старику.

— Благодарю.
— Не за что. Полагаю, дитя мое, прежде ты никогда не жила в городе?

— Нет...

— Хорошо. В доме господина Эдреда нет запертых комнат. Смотри, каждая из них выходит сюда. Ты поселишься вон в той, — старик указал на небольшое помещение в углу, — и сможешь в любой миг выйти сюда, под открытое небо.

— Это прекрасно, — проговорила Ксана, оглядываясь на Эдреда.

Капитан показался во дворике, морщась.

— Мне не нравится рабыня, которая падает в обморок, — сказал он. — И если это будет продолжаться, я ее продам кому-нибудь, кто не станет с нею возиться, как я. Я и без того потакаю слишком многим прихотям моих рабов.

Домоправитель покачал головой.

— Мы все уладили, мой господин. Думаю, скоро эта девушка ко всему привыкнет. Она хороша — у нее крепкая порода, она недурно приспособлена и для постельных утех, и для деторождения. Такая женщина дорого стоит.

Ксана устроилась возле фонтана. Она села, обхватив руками колени, — это была ее обычная поза, как установил Эдред.

— Я позабочусь о ней, — обещал домоправитель. — Господин может идти и спокойно заканчивать свои торговые дела.

— Что ты знаешь о моих торговых делах? — при-

шурился Эдред. — Учи, мне не нравится, когда мои люди проявляют излишнее любопытство.

— О, господин может поверить — никакого любопытства я не проявлял. Вот еще! У меня довольно и своих собственных дел... — старик засмеялся. — Нет, просто заходил человек от купца, который ожидает товары из Ванахейма. Он говорил, будто галеру господина видели в Илноте. Его это удивило. Обычно господин не заходил в Илнот. Обычно господин с товаром на борту прямым ходом направляется в Мессантию. Торговца беспокоило — не случилось ли с господином какого-нибудь несчастья. Может быть, что-то с галерой? Уж не пропал ли товар? Вот о чем спрашивал присланный им человек.

— С товаром из Ванахейма все в порядке, — сквозь зубы выговорил Эдред. — Были небольшие неприятности с кораблем.. Говоря попросту, взбунтовалась команда, и я всех высадил на берег. Пришлось брать новых людей. Сам не понимаю, для чего я перед тобой в этом отчитываюсь.

— Новых людей? — удивился старик. — Но где же нанять столько моряков в Илноте?

— Ты слишком любопытен, старый демон. Попробуй догадаться! У тебя голова неплохо варит, и ты соображаешь быстрее, чем иной лавочник.

— Господин купил в Илноте рабов, — спокойно проговорил старик. — Это единственный способ заставить галеру идти на веслах.

— Хвала богам, ты догадался! Да, именно так я и поступил. И именно так ты и будешь рассказывать

всем, кого это заинтересует и кто начнет задавать тебе вопросы...

— Господин может не сомневаться, что... — начал было домоправитель, поглядывая в сторону Ксаны.

Он не договорил. Эдред перебил его:

— Эта девчонка досталась мне не в Илноте! И не спрашивай ни о чем. Меньше будешь знать — спокойней будет тебе за свою шкуру.

— О, я вполне понял господина! — кивнул домоправитель.

— За нее отвечаешь головой. Учи, я не шучу: эта девушка нужна мне в целости и сохранности. Чтобы она была сыта и довольна. Чтобы ей не захотелось никакой другой жизни, кроме здешней.

— Да, да, я все понял...

— Вот и хорошо. — Эдред оставил домоправителю мешочек с деньгами, наказав расходовать по собственному усмотрению, и вышел из дома.

Ему предстояло переговорить с заказчиком. Самая простая часть работы.

* * *

Как ни странно, Ксана внушала Эдреду некоторое почтение. «Сам виноват! — корил он себя. — Дал рабыне слишком много воли. Для чего, спрашивается, я облачил ее в мою собственную тунику и позволил носить пояс? Рабы не носят поясов! Это — привилегия свободного человека. Пояс охраняет от злых сил — злым силам нет никакого дела до рабов, коль скоро те собой не распоряжаются! Пояс нужен

для того, чтобы носить на нем оружие, — а рабы никакого оружия не носят! И вот уж конечно девчонка возомнила о себе... А сапожки? Зачем ей сапожки? Ходила бы босая — на колола бы ноги, исцарапала бы пятки, глядишь, меньше помышляла бы о том, как сбежать...»

Но он знал, что пытается сейчас обмануть сам себя. Несмотря на все испытания, постигшие девушку, она не утратила чувства внутренней свободы. Для того, чтобы сломать ее, превратить в истинную рабыню, душой и телом, придется сильно постараться. И когда «работа» будет закончена, то от прежней Ксаны не останется почти ничего. Ее личность будет уничтожена.

И Эдред не был уверен в том, что действительно этого хочет.

В рабском ошейнике или без него, в жалких лохмотьях или в мужской одежде — Ксана оставалась верна себе. И с Эдредом она держалась дружески, сдержанно и ровно.

Он пришел навестить ее перед сном. Свой матрасик девушка вытащила из глубины комнаты и устроилась так, чтобы в любой момент можно было протянуть руку и ощутить свежий воздух во дворике. Здесь слышно было тихое пение струй фонтана.

Эдред присел рядом с ней на корточки.

— Тебе удобно?

— Благодарю тебя, — отозвалась она тихо.

— Ты сводишь меня с ума, — признался Эдред.

— Не спеши, — произнесла она. Не попросила да-

же, а посоветовала. — Не спеши, и ты получишь все, о чем мечтаешь. Мне нужно привыкнуть.

Он скрипнул зубами. Да, Джехан не ожидался в оценке этой девушки. Джехан... А ведь морской человек видел спасенную из воды красавицу всего несколько мгновений...

Эдред поймал себя на том, что думает о Джехане как о живом. Это было странно. Он ведь точно помнил, как убил своего друга. Убил и бросил труп в воду, чтобы его не нашли.

И все же сейчас, тихим вечером, в доме, который принадлежал ему самому, в разговоре с красивой девушкой, — которая также рано или поздно будет его собственностью, — Эдред ощущал такой глубокий покой, словно ничего дурного в его жизни не происходило.

Разве мог он убить своего друга? Разве злосчастная ссора вообще когда-либо возникала между ним и Джеханом? Нет, нет, это всего лишь морок, наваждение... Завтра Эдред откроет глаза и убедится в том, что все случившееся — лишь сон. Он увидит Джехана и его собратьев с их круглыми черными глазами, таких внимательных и молчаливых... И галера полетит по волнам, бесстрашная галера Эдреда Удачливого...

Эта греза на несколько терций стала реальностью в сознании Эдреда.

Он поцеловал девушку в лоб.

— Спи, Ксана. Здесь тебя никто не тронет.

Она вдруг тихо рассмеялась.

— Я сказал что-то смешное? — удивился и немного даже обиделся Эдред.

— Нет, прости... Мне вспомнилось, как ты грозил мне кнутом, господин!.. Это по-настоящему смешно...

— Почему?

— Потому что ты не можешь никого обидеть. Ты — добрый, — сказала Ксана и поцеловала его в висок. — Я желаю тебе светлых снов.

Она улеглась на матрасик и почти тотчас тихо засопела.

«Спит, — подумал Эдред. — Спит доверчиво, как щенок. Ей даже в голову не приходит, что я мог... — И снова лицо Джехана мелькнуло перед его внутренним взором. Эдред с ожесточением качнул головой, отгоняя видение. — Нет, это слишком больно! Ничего не было! Мы просто... просто расстались... Я ведь не убийца, нет!»

Он еще раз посмотрел на спящую Ксану.

«Разве она стала бы так спокойно спать в присутствии дурного человека, убийцы и предателя? Нет, невозможно. Это дитя обладает звериным чутьем на злое и доброе, как все дети и все зверьки... Как она смеялась над моими угрозами наказать ее!..»

Его сердце сжалось. Эдред встал и вышел во дворик. Вечерний ветерок студил его лицо, и Эдред вдруг понял, что оно залито слезами.

Глава четвертая

Пираты

ВМессантии Эдред провел восемь дней. За это время он лишь пару раз виделся с пленницей. Ксана все время проводила во дворике возле фонтана. Несколько раз домоправитель брал ее с собой за покупками — показывал ей рынки, площади, дворцы.

Девушка подолгу рассматривала каждую вещь, встреченную на пути, а потом задавала множество вопросов. Домоправителя, казалось, это все очень забавляло. Во всяком случае, стариk получал от общения с девушкой огромное удовольствие и вовсе не скрывал этого.

Что касается Эдреда, то он был занят совершенно другим: неожиданно ему подвернулся чрезвычайно выгодный заказ — нужно было доставить в Асгалун груз превосходного вина. Отплывать предстояло быстро, поскольку вино ждали к началу ярмарки. Но командовать кораблем в одиночку Эдред не мог. Гребцов было явно недостаточно, и Эдред торопился нанять второго офицера.

Он обошел несколько таверн, куда захаживают моряки в поисках работы, но ничего подходящего не нашел. Все эти люди либо обладали скверной репутацией, либо ни на что не были годны.

Наконец Эдреду повезло. Он совсем уж было отчаялся, когда встретил человека, который сразу же вызвал у него доверие.

Звали его Колгу. Он был средних лет, невысокого роста, коренастый, с густой черной бородой. Колгу изъяснялся немногословно, но с первого взгляда было очевидно, что моряк он опытный и что ему не впервые выходит в море с незнакомым капитаном.

— Сколько ни плавал, так и не довелось обзавестись собственной посудиной, — делился с Эдредом Колгу. — Так и останусь вторым офицером, помощником. Видать, судьба такая. Одному на роду написано стать капитаном, а уж мне... Но я не жалуюсь, — добавил он после некоторого молчания (за это время Эдред как раз успел подлить собеседнику вина). — Нет, я вполне доволен. О тебе наслышан. Как же! Эдред Удачливый! У тебя, помнится, была интересная команда... Я разок видел их, издалека. Похожи на братьев.

— Да, они все из одного клана, — сказал Эдред. — Но в последний раз у нас с ними вышла размолвка. Не поделили собственность. Они сочли, что я несправедливо заплатил им за работу, хотя — Митра свидетель! — я всегда стоял за честную дежку.

— Наверняка так и было, — поддакнул Колгу. — Я тебе так скажу: я — офицер и потому всегда на стороне капитана, что бы там ни утверждали прочие. Капитан всегда прав! Вот мое мнение.

— На сей раз я действительно был прав, — сказал Эдред. — Учти, я не требую безоговорочного подчинения, но...

— Нет, безоговорочное подчинение необходимо! — горячо возразил Колгу. — На корабле должна быть дисциплина!

— В нашем случае все будет еще проще, — обещал Эдред. — Поскольку ты будешь единственным, кому я плачу жалованье. Остальные все рабы, так что справиться с ними не составит труда.

— Превосходно! — объявил Колгу.

Они пили вино и обменивались разными историями из своей прошлой жизни. Каждому нашлось что рассказать. Колгу, обычно неразговорчивый, выпив, сделался весьма словоохотливым и поведал, как однажды усмирил бунт. «А было их не десять, а двадцать шесть, вот так-то! Они связали капитана и хотели вздернуть меня, но я...»

Эдред тоже хвастался напропалую.

... Он вернулся домой уже под утро. А днем галера уже вышла из порта Мессантия и взяла курс на Асгалун. Новый помощник капитана стоял на корме у руля и зорко всматривался вдаль.

Плавание шло без всяких помех. В это время года штормов на Море Запада почти не бывает. Корабль весело бежал по волнам, направляясь на юг. Слева постоянно виден был берег, отдаленная привлекательно изрезанная линия. Гребцам почти не приходилось утруждать себя на веслах, и Эдред позволил им выйти на палубу и отдохнуть.

Чернокожие охотно воспользовались этим разрешением. Колгу обучал их работать на мачтах и управляться с парусами. Под вечер первого дня плавания старший офицер доложил капитану:

— Кое из кого выйдет толк. Я разумею этих чернокожих. Сообразительные ребята. Особенно парочка, один с бородавкой на носу, а другой — такой со шрамом на боку. Говорят, это его носорог подрал.

— Отлично, — кивнул Эдред. — Чем больше они умеют, тем лучше для корабля. И для капитана.

Колгу прищурился.

— Смотри, как бы не пришлось в конце концов платить им жалованье.

Эдред решил, что это шутка, и посмеялся.

Ночь прошла спокойно, но рассвет принес неприятности. Эдред проснулся от того, что его тормошил один из чернокожих. Сперва капитан ни за что не хотел просыпаться, но негр несколько раз произнес слова «чужой корабль», и наконец Эдред раскрыл глаза.

Кушит был из числа тех, кого Колгу определил как «толковый», — с бородавкой на носу. От этого «украшения» нос чернокожего казался горбатым.

— Там чужой корабль! Колгу говорит, что это может быть опасно.

— Опасно? — переспросил Эдред.

— Колгу говорит, это могут быть пираты.

— Проклятье! — взревел Эдред.

Прежде ему всегда удавалось уходить от пиратов. Он ни разу даже не побывал в настоящем сражении с этими морскими разбойниками. Еще бы! Ведь он недаром считался «Удачливым». Неужели предсказание Джехана сбылось, и Эдред сделается «Плачевным»?

Или люди даже не успеют дать ему это прозвище?

Чужой корабль приближался на всех парусах. Теперь у Эдреда уже не оставалось сомнений в том, что это пираты. Эдред в отчаянии взглянул на паруса своего корабля. Уйти от пиратов не получится, враг обладает слишком быстроходным судном. Но все же следует попытаться.

Эдред велел всем спуститься в трюм и налечь на весла.

— Я никого не буду приковывать, — сказал он, обращаясь к гребцам. — Я знаю, многие приковывают своих рабов к веслам, так что люди знают: они пойдут ко дну вместе с кораблем, если не сумеют грести как следует. Я не стану этого делать, слышите вы? Но я прошу вас постараться, потому что за нами гонится пират, и вряд ли его намерения дружелюбны.

А Колгу прибавил:

— Страйтесь хорошенько, свиньи, иначе я отправлю вас на корм рыбам!

Но несмотря на все усилия моряков, пираты догоняли их. Через несколько поворотов клепсиады стало очевидно, что погоня скоро закончится.

Тогда Эдред решился на отчаянный шаг. Он раздал людям оружие.

— Сражайтесь! — кричал он вне себя. — Сражайтесь за свою жизнь!

Кушиты брали мечи и копья и трясли ими в воздухе, словно призывая демонов ярости войти в их тела и превратить их в доблестных воинов. Но Эдред видел, что ничего подобного не происходит. Кушиты могут быть по-настоящему опасными бойцами, когда дух битвы и гнева овладевает ими. Сейчас же этого не происходило, и непонятно было, по какой причине: то ли дело в том, что они оказались чересчур далеко от своей родины, то ли — в том, что они не видели смысла сражаться за человека, который купил их за деньги и в любой момент может убить или продать.

Как бы там ни было, а корсар с ходу пробурил борт галеры и намертво застрял в ней. На палубу галеры начали прыгать пираты. Впереди всех мчался предводитель морских грабителей — рослый, широкоплечий варвар с копной черных волос и ярко горящими синими глазами. В руках его сверкал длинный меч с прямым клинком — редкость в здешних краях, где люди предпочитали изогнутые сабли.

Колгу храбро бросился ему наперерез и почти тотчас пал к его ногам. Кровь хлестала из рассеченной груди старшего офицера.

Эдред отступил на шаг и прижался спиной к мачте. Он видел, что галера обречена. Кушиты бросали оружие. Варвар остановился посреди палубы, широко расставив ноги и сложив крепкие ладони на рукояти меча. Его зубы блеснули в веселой ухмылке.

— Не слишком-то здесь сопротивляются, а? — проговорил он. — Кром, мне это даже неприятно. Можно подумать, мы не заслуживаем внимания!

Он еще раз оглядел чернокожих и вдруг заговорил с ними на их языке. Их глаза сразу просияли, и один ответил на том же наречии. Варвар принялся расспрашивать о каком-то племени, где ему довелось гостить, и негры обступили его, точно старого знакомца.

— Ладно, — сказал наконец предводитель пиратов. — Об этом после... Где ваш хозяин? Я хотел бы кое о чем его спросить.

Но Эдреда на корабле уже не было.

Эдред понял, что проиграл, в тот самый миг, когда заметил пиратский корабль, настигающий его галеру. Он сразу понял: это судьба. Он сам накликал на себя беду. Джехан предупреждал его.

Мысль о Джехане обдала его жаром. Эдред не мог поверить в то, что совершил. Призрак убитого друга вдруг предстал перед капитаном. Эдред точно знал, что не спит и не грезит. Перед ним действите-

льно возник Джехан, и никто иной. Каждая черта его спокойного лица была Эдреду знакома, он с радостью узнавал каждый жест. И когда Джехан обратился к нему, Эдред радостно потянулся к нему душой.

— Ты не сумасшедший, — сказал Джехан. — Это я.

— Разумеется, я не безумен! — подтвердил Эдред. — Я и не думал об этом.

— Я пришел сказать тебе, что настала пора... — продолжал Джехан.

— Пора? Для чего?

— Пора собирать урожай, — объяснил Джехан. — Ты убил меня, Эдред. Помнишь?

— Я не делал этого, — убежденно произнес Эдред. — Если бы я поступил так с тобой, с моим лучшим другом, то я покончил бы с собой. Нет, такого просто не могло случиться! Послушай, Джехан, кто-то оклеветал меня. Не верь ему, он солгал. Я — твой друг. Я всегда останусь твоим другом.

— Да, мой друг, ты убил меня из-за женщины, которой хотел обладать любой ценой, — ровным тоном произнес Джехан. — И как, удалось тебе овладеть ею?

— Джехан, Джехан, какие ужасные вещи ты говоришь! В каком недостойном поведении ты меня обвиняешь!

— Значит, ты не прикоснулся к ней?

— Клянусь тебе, нет! Ты был совершенно прав, — горячо заверил его Эдред.

— Хорошо, — с полным равнодушием сказал Джехан. — Сегодня мы встретимся.

Он повернулся и шагнул за борт. Эдред хотел было крикнуть: «Нет!» — но не смог, язык словно прилип к горланию. Джехан исчез в волнах. Ни всплеска, ни расходящихся кругов. Ничего.

Эдред поднял глаза и увидел рослого черноволосого варвара с длинным мечом. Тот бежал по палубе галеры, уверенно впечатывая в нее каждый шаг, словно утверждая право своей собственности.

А за плечом варвара возникла тень женщины. Еще один призрак!

Но то был не призрак, в отличие от видения Джехана. То была та самая стигийская демоница, о существовании которой Эдред столько лет тщетно пытался забыть и встречи с которой так страшился. Золотые глаза с вертикальными зрачками пылали демоническим огнем.

Теперь Эдред отчетливо видел ее развевающиеся волосы — их пряди, казалось, распростерлись на половину неба.

Они были подобны облакам, подсвеченным закатными лучами. Лицо женщины казалось нечеловечески прекрасным, однако в следующее же мгновение оно искажалось отвратительной гримасой и превращалось в поистине демоническое; но и это длилось недолго, и внезапно оно становилось маниющим, призывающим.

— Нет! — тихо вскрикнул Эдред, закрываясь руками.

Варвар смотрел на него с презрением — наверняка считал, что капитан галеры испугался его самого. Эдред не замечал этого презрения. О, Эдред Удачливый — или, лучше сказать, Эдред Плачевный? — никогда не испугался бы обычного человека, даже очень сильного и вооруженного длинным мечом.

Нечто более достойное предстало сейчас перед ним.

— Иди ко мне, — прошептали розовые губы с небес, и Эдред шагнул с борта навстречу протянутым к нему рукам.

Наверное, со стороны казалось, будто капитан галеры, обезумев от ужаса перед пиратами, бросился в море. Но на самом деле Эдред, не в силах больше противостоять той, которой был обещан много лет назад, метнулся навстречу к ней, к той ласке, которую она сулила.

«Число подлостей на пути к цели должно быть ограничено...» — Что-то в этом роде говорил Эдреду его первый капитан, Гандер. Совершив убийство Джехана, Эдред открыл демонице путь к своей душе — и предался древнему монстру, как и все остальные, кто был тогда с Гандером в Стигии.

* * *

— Здесь больше никого нет, кроме рабов! — крикнул один из пиратов, вернувшись из трюма. — И груз отменный — сотня бочек превосходного вина!

Предводитель быстро повернулся к возбужденно-му пирату. Синие глаза варвара блеснули.

— Отлично! Полагаю, пару бочек мы опорожним прямо на корабле...

— В Мессантии будет ярмарка, — вступил в разговор другой пират, немолодой человек с крепкими, чрезмерно длинными руками, что придавало ему сходство с обезьяной. — Вероятно, он вез бочки туда.

— Не будем разочаровывать посетителей ярмарки, — хмыкнул варвар.

— Что будем делать с рабами, Конан? — спросил третий. Он указал на полубак, где столпились все десять чернокожих. — Смотри, товар отменный! Все как на подбор, крепкие и здоровые. Сразу видать — на кораблях недавно, не успели еще выработаться.

Конан сощурился, глядя на говорящего. Тот пока не замечал настроения своего капитана, настолько увлекла его мысль о том, какую выгоду можно извлечь, продав этих рабов.

— Нет, ты только глянь! — продолжал он. — А тот, с косицами, — золотых на пятьдесят потянет, если довезем до Аргоса. Там такие ценятся. Помнишь ту красотку, которая ездила на своих куши-тах, как на лошадях? Она еще запрягала их в повозку, а на голову им прикрепляла такие смешные сultanчики...

— Замолчи, — негромко проговорил варвар.

— А что я такого сказал? — удивился пират.

— Ничего особенного, — ответил Конан. — Просто мы никого продавать не будем. Я без особенных

угрызений совести отправлю человека в Серые Миры, но никогда не стану лишать его свободы.

Пират скривился.

— Как хочешь, только ты отказываешься от целого состояния. Ребятам это не понравится.

— Ребята поступят так, как я скажу! — взревел Конан. — Кое-кто из них тоже был прикован к веслу, пока не очутился на моем корабле.

Пират хмыкнул.

— Возможно, ты переоцениваешь силу их воспоминаний.

— Зато не переоцениваю силу моего меча, — сказал киммериец.

Пират отступил на шаг, широко развел руками и деланно засмеялся.

— Ладно, ладно, Конан. Я ведь только предложил.

Не слушая его, Конан обратился к кушитам.

— Откуда вы шли?

— Из Мессантии, господин, — ответил один из них.

— В ваших краях меня знали под именем Амра, а здесь и повсюду меня зовут Конан, — сказал киммериец. — Вот так и называйте меня.

— Хорошо, — кивнул кушит. — Мы шли из Мессантии, Конан.

— Почему вас было так мало?

— У капитана что-то случилось с прежней командой. — Чернокожий понизил голос. — Они бросили его — так он говорил.

Конан глянул в сторону убитого Колгу.

— Поэтому он и нанял...

— Купил нас, — поправил кушит. — Да. Он торопился уйти из Мессантии. Поднял паруса на второй или третий день.

— Ага, — сказал Конан, почесав переносицу. — Что можешь сказать о грузе?

— Бочки. — Кушит стукнул босой пяткой о палубу, как бы указывая на трюм. — Мы загрузили бочки.

— И все?

Неожиданно Конан почувствовал чье-то близкое присутствие. Он глянул через плечо — один из его людей, новичок, взятый в Мессантии по имени Гже-гош, приблизился и прислушивался к разговору с напряженным вниманием.

Это он спросил кушита: «И все?»

Негр глянул на него с удивлением.

— Ты спрашиваешь так, словно на корабле должно быть что-то еще.

— Возможно, — пробормотал Гже-гош.

— Клянусь, молодой господин, — чернокожий приложил к груди широкую ладонь и улыбнулся, блеснув ослепительно белыми зубами, — здесь только бочки с вином.

— И вы, — добавил Гже-гош тихонько.

Конан резко повернулся к нему, ожидая, что и этот пират намерен потребовать, чтобы негров продали и выручку разделили между всеми разбойниками. Но у того совсем другое было на уме.

— Я хотел узнать, не было ли на корабле еще кого-нибудь, — пояснил Гже-гош. — Например... — Он опустил глаза и как бы через силу закончил фразу: — Например, не было ли у капитана рабыни, с которой он не хотел расставаться?

— Рабыни? — негр явно был удивлен. — Кто же берет с собой в плавание женщину? О женщине нужно заботиться и...

Конан громко расхохотался. Когда-то у него была соратница по морскому разбою, пиратка по имени Бэлит. В ее память киммериец и назвал свой корабль — «Бэлит».

Кое-кто думал, что это имя дано пиратскому кораблю в честь богини любви, но Конан не почитал чужих богов. Он и своего собственного бога, киммерийского Крома, не слишком чтил; это имя срывалось с уст варвара лишь в мгновения ярости или сильного удивления, и никогда оно не звучало молитвенно.

Для чего бы ему почитать Бэлит? Конан и без этой богини пользовался немалым успехом у женщин. Редкая могла устоять перед непобедимым обаянием варвара. И богиня здесь была ни при чем.

Другое дело — та женщина, носившая такое же имя, — Бэлит. Конан до сих пор вспоминал ее. Впрочем, своими воспоминаниями он предпочитал ни с кем не делиться.

— Женщина? — сказал Конан. — Да, о женщинах нужно заботиться. Они ведь такие беспомощные, нежные существа...

Перед его мысленным взором прошли воительницы, с которыми он имел дело за свою жизнь. Карела, степная разбойница по прозванию Рыжий Ястреб, — с ней Конан встретился в Кезанкийских горах, когда преследовал людей-змей. Акробатка и воровка Зонара с ее неистовыем нравом. И многие другие...

Да, весьма слабые существа.

И все же Конан не мог относиться к ним так, как относился к воителям-мужчинам. Под оболочкой доспехов у них была нежная кожа, а под обликом видавшего виды бойца скрывалась женщина, неизменно жаждавшая любви.

Эту жажду женского сердца и тела киммериец всегда уважал — как уважал он жажду убийства и приключений в мужчине.

Гжегош, нимало не подозревая о том, какие сложные мысли посещают его капитана, настойчиво повторил, встярхнув кушита за плечо:

— Этот негодяй мог держать у себя девушку — в каюте или где-нибудь в особенной тюрьме. Неужели никто из вас ее не видел?

— Пусти! — вырвался кушит. — Ты просто сумасшедший! Я ведь уже сказал тебе, что здесь нет никаких девушек, ни в каюте, ни в особенной тюрьме.

— Но ведь вы в своем гребном трюме могли не знать... — начал было Гжегош.

Конан остановил его.

— Ты слишком назойлив. Это не такой большой корабль, чтобы здесь можно было спрятать человека

надолго. Впрочем, я не возбраняю тебе осмотреть все еще раз. Галера не пострадала, — киммериец глянул на пробитый борт корабля и прикинул: пробоина приходилась выше ватерлинии, так что при неплохой погоде галера вполне может добраться до ближайшего порта. — Во всяком случае, мы не будем ее топить. Продадим вместе с грузом. У тебя будет время обшарить здесь каждый закуток.

— Благодарю тебя, — сказал Гжегош.

Он хотел было уйти, но киммериец задержал его.

— Я назначу Олдвина главным на галере. Временно перейдешь под его команду. Я скажу ему, что тебе разрешается шарить по кораблю в поисках несуществующей рабыни, которой ты так жаждешьвладеть.

Конан хмыкнул, не слушая возмущенных протестов Гжегоша. Он уже отвернулся от молодого человека и обратился к чернокожему:

— Пятеро кушитов останутся здесь, а пятеро перейдут на «Бэлит». Мне все равно, кто это будет. Правда, мне хотелось бы видеть на «Бэлит» тебя.

Кушит весело ухмыльнулся и кивнул.

* * *

Несколько дней два корабля плыли бок о бок. Скоро впереди показался залив Нэайси, такой узкий и так глубоко вдающийся в берег, что незнающий человек вполне мог бы принять его за устье реки. Тем не менее это был именно залив. Конан любил

это место потому, что корабль, заплыvший достаточно далеко, был здесь совершенно не заметен с моря.

Отличное убежище для пирата, за которым гоняются. Да и вообще пристанище хоть куда. Одно плохо — во время штормов здесь нельзя было укрыться. Сильный ветер нагонял волны в пролив. Скалы сжимали воду со всех сторон, а снизу били мощные подводные ключи.

Все это в совокупности приводило к образованию сильных водоворотов, и корабль мог разбиться об отвесные каменные стены.

Но сейчас никакого шторма не было, и Конан уверенно зашел в залив. Нужно было «подлечить» борт галеры. Ремонт занял несколько дней.

Киммериец не утруждал себя работой — на «Бэлит» имелся хороший корабельный плотник. Единственным, что помешало мирной жизни на берегу для этого превосходного человека, был его отвратительный нрав. Жадность сочеталась в нем с завистливостью, склонностью подозревать всех и вся в мошенничестве, а также обыкновением чинить физическую расправу над всеми, кто по той или иной причине оказывался ему неугоден. Справляться с плотником было под силу только Конану, причем киммериец давно уже понял: уговоры здесь не помогают. Поэтому как только плотник начинал показывать свой характер, Конан попросту опускал ему на голову свой огромный кулак. Это быстро приводило ворчуна в чувство. Он даже испытывал к варвару определенную благодарность.

— Если бы не Конан, я поубивал бы целую кучу народа совершенно ни за что, — признавался он за кружкой пива. — Ох, страшно подумать, как они встретили бы меня в Серых Мирах! Да и наяву бы являлись. У нас в деревне был один плотник, вроде меня... Ну, честно сказать, это был мой отец. Так вот, говорю вам, он одного парня бросил в колодец. Потом скелет нашли. Говорили, будто парень тот сам в колодец упал, но мне отец признавался — нет, он сам его туда бросил. «Разозлил он меня», — говорит. Я спрашиваю: «Чем разозлил?» — «А рубанок взял без спросу». Ну вот, и я в него пошел. Такой же характер. А парень тот убитый — он в виде скелета отцу моему часто являлся. Как выпьет отец ляшку, так все, готово дело: стоит скелет и челюстями лязгает.

Над плотником смеялись — но втихомолку. Впрочем, многие рассказу верили. Да и у Конана не было причин сомневаться. Киммерийцу приходилось иметь дело с призраками и видениями, и он знал, насколько те бывают назойливы и неприятны.

Все время, пока шел ремонт, двое чернокожих и один белый были у плотника на подхвате, а прочие отдыхали, как умели. Несколько человек занималось рыбной ловлей, другие целыми днями только и делали, что спали. Но кто бы чем ни занимался, к ногам все уже были пьяны.

И только Гжеош почти ничего не пил. Он выглядел потерянным и печальным. В конце концов Конан подозвал его к себе и поставил перед ним ог-

ромный бокал, до краев наполненный отменным вином из бочки.

— Пей.

— Я не хочу, — отказался молодой человек.

— Что значит — «не хочу»? — удивился Конан. — Я тебе приказываю! Ты должен напиться, как свинья, иначе какой ты пират!

— Но ведь на самом деле я вовсе не пират, — сказал Гжегош.

— В этом твоя беда, — глубокомысленно заметил Конан. — И еще, я пригляделся тут к тебе... ты слишком много думаешь. Если я услышу о том, что ты — философ, я собственными руками сверну тебе шею.

— Философ? — удивился Гжегош.

Конан поднял палец, словно учитель, призывающий учеников ко вниманию.

— А как ты думал? Воображаешь, будто я философов в своей жизни не встречал? Да я эту братию за милю чую! Нет большего удовольствия, чем отыскать такого философа-самозванца и поиздеваться над ним вволю... Потому что подлинного мудреца я всегда узнаю, из тысячи мудрецов ложных. Таковой истинному воину не враг и не обуза, но помощник и брат... — киммериец хмыкнул. — Знаешь, что объединяет философов и воинов?

— Что? — Теперь Гжегош выглядел совершенно растерянным.

— Не знаешь? — Конан рассмеялся.

Молодой человек смотрел на предводителя пира-

тов широко раскрытыми глазами. Конан, в свою очередь, внимательно рассматривал его. Под маской простодушного громилы-варвара скрывался человек проницательный и хитрый, но Гжегош понял это только сейчас.

Он взял бокал с вином и начал пить.

Гжегош нанялся на пиратский корабль всего за два дня до отплытия. Людей у Конана не хватало, поэтому он взял парня. Хотя на первый взгляд этот Гжегош выглядел не слишком подходящим для подобного занятия.

Он был молод, не старше двадцати. Длинные пушистые волосы пшеничного цвета упрямо свивались в локоны. Эта женственная прическа контрастировала с выражением его лица, отчаянным и упрямым.

У Конана не было обыкновения вести со своими людьми долгих разговоров «о жизни»: доцтываться, какая злая судьба вынудила человека встать на кривую дорожку и заняться морским разбоем. Киммериец считал так: повернулась у человека жизнь подобным образом — что ж, кому какое дело. Нужно пользоваться обстоятельствами, которые посылают на «Бэлит» неплохого бойца и сильного парня, способного ворочать веслами или в случае нужды взяться за оружие.

А уж что там происходит у него в душе и отчего так сложились обстоятельства — это никого не касается.

Но сейчас странное поведение Гжегоша заставило Конана приглядеться к парню более внимательно.

Для начала Конан решил сбить его с толку. Озадаченный человек скорее проговорится, чем человек, уверенный в правильности созданной им «картины мира».

— Ну так что, — сказал Конан, — что общего между философом и воином? Ты догадался?

— Нет.

— Я скажу тебе, если ты согласишься ответить кое на какие мои вопросы.

— Это игра в вопросы и ответы? — спросил Гже-гош.

— Пей вино. — Варвар кивнул, указывая на бокал, отставленный было Гже-гошем. — Это не игра, парень. Просто я буду задавать тебе вопросы, а ты — давать на них ответы. Если тебе удобнее, называй это развлечением, но, по-моему, это просто разговор.

— Интересные у тебя разговоры, — заметил Гже-гош. — Ты спрашиваешь, а я отвечаю.

— А что это, по-твоему? — удивился Конан.

— Допрос.

— Допрос — еще одна игра, которая мне нравится, — заявил киммериец. — Особенно когда второй собеседник связан, а у меня в руках раскаленный прут или железные щипцы. Способствует искренности беседы.

— Я в чем-то провинился?

— Нет, — ответил Конан. — Но ты ведешь себя странно, и меня это беспокоит. Для начала скажи-ка мне всю правду: зачем ты нанялся на «Бэлит»?

— Я ушел из дома. Оставил родных и семью, — сказал Гже-гош. — Куда, по-твоему, я должен был податься?

— Понятно. — Конан прищурился с откровенной насмешкой. — Любой поссорившийся с отцом юнец сразу же бежит и становится морским разбойником. Самый естественный путь.

— У меня такое ощущение, будто ты осуждаешь собственное занятие! — воскликнул Гже-гош, немало раздосадованный.

— Нет, — ответил Конан. — Вот еще! Можно подумать, я — какой-нибудь жалкий ханжа из храма Митры, старик с обвисшим брюхом и трясящимися щеками. Но ведь ты не любишь море.

— Не обязательно любить глиняную миску, чтобы съесть кашу.

— Кстати, о миске и каше. Пей вино.

— Ты хочешь, чтобы я был пьян?

— Да. Это входит в воспитание пирата.

— Ты смеешься надо мной! — воскликнул Гже-гош.

Конан изобразил глубочайшее удивление.

— Ничуть. Я никогда не смеюсь над людьми, Гже-гош. Я — самый серьезный человек на свете. Серьезнее сборщика милостыни из храма Сета.

— Неужели бывают и такие? — удивился Гже-гош и взорвался на Конана как на диковину.

— Понятия не имею, — невозмутимо отозвался тот. — Но если бы они существовали, то, я уверен, были бы страшно серьезными людьми.

Гжегош не удержался и фыркнул.

— Я не думал, что смогу смеяться, — признался он. — Мне казалось, после того, что со мной случилось, я всегда буду печален...

— Вот ты и проговорился! — обрадованно сказал Конан и сам допил вино, которое так настойчиво предлагал Гжегошу. — Так что с тобой случилось?

— Женщина, — сказал Гжегош. И горько усмехнулся. — Юная девушка, почти девочка. Мы вместе росли, вместе играли, а когда стали постарше — полюбили друг друга. Она должна была стать моей женой.

Он замолчал, борясь со слезами.

Конан не торопил его. Ждал, пока Гжегош придет в себя.

Наконец молодой человек сказал:

— Она пропала. Я знал, что ее похитили. Я шел по ее следу. Выяснил, что она попала на один корабль — ее увозили в Мессантию. Я точно не знаю. А потом мне сказали, что тот корабль, на котором находилась Ксанна, потерпел крушение.

— Ксанна? Так ее зовут? — жадно переспросил Конан. — Красивое имя.

— Она и сама красивая! — доверчиво сказал Гжегош. — Если бы ты ее видел... — Он вдруг замолчал и насупился.

Конан налил еще вина.

— Я не увожу чужих невест, — сказал он. — И никогда не прикасаюсь к женщинам против их воли. На этот счет можешь не беспокоиться.

Гжегош неопределенно пожал плечами и предпочтел не углубляться в эту тему. Он вернулся к своим поискам:

— Я был уверен, что она находится на этой галерее.

— Почему? — удивился Конан.

— Говорю же тебе, я шел по ее следу. Если ее не оказалось на этой галерее, то... возможно, нет больше нигде.

— Не следует впадать в отчаяние, — назидательным тоном проговорил Конан. — До тех самых пор, пока ты не видел ее трупа, ты не имеешь никакого права считать ее мертвой.

При этой фразе Гжегоша передернуло. Он поскорее схватил бокал и осушил его одним залпом. Конан одобрительно следил за ним.

— Так-то лучше, — заметил варвар. — Расказывай в подробностях, что произошло с тобой и с твоей невестой. Возможно, мы сумеем ее найти. Но для этого мне необходимо знать все детали.

Глава пятая

По следу

огда Гжегош возвращался в дом своего отца на берегу реки Запорожки, случилось несчастье. Ничто не предвещало беды: к седлу молодого козака были приторочены сумки, полные битой птицы, небо над головой раскинулось синее и безоблачное, и так же радостно было на душе у Гжегоша. В поселке его ждала невеста. Свадьбу назначили на следующую луну, когда будет собран урожай. Недавно Ксана под большим секретом сообщила суженому, что из Самарры доставили десять локтей дорогой красной ткани для того, чтобы сшить свадебное платье. «Я уже придумала вышивку тебе на свадебную рубашку», — добавила она, лукаво блестя глазами.

Об этой рубашке они тоже беседовали подолгу. По обычаю, Ксана должна была вышить для будущего мужа особенный узор, собственное изобретение. Считалось, что по этому узору можно определить, сильно ли будет любить жена мужа, какие у

них рождаются дети и как сложится их будущая совместная жизнь.

Тайну толкования узоров знали только старухи. Напрасно юные девушки пытались выспрашивать своих бабушек и прабабушек — те, объединившись против юности, упорно хранили секрет. Ни одна молодая красавица так и не получила возможности «подделать» будущее, каждая вышивала то, что боги положили ей на сердце, — а старухи давали свое истолкование.

«Нет никакого секрета, — сказала Ксана ее бабушка, когда девушка попыталась, по примеру подруг, допытаться до правды. — Те же самые боги, что подают тебе намек и заставляют выводить особые узоры, позволяют нам, старухам, видеть в этих узорах предзнаменование. Это происходит само собой, по воле духов, и приходит к женщине с годами. Ни житейский опыт, ни мольбы, ни мудрость, ни добродетельная жизнь, — ничто не помогает. Духи сами выбирают старух, которым дают подсказки. И самое неприятное во всем этом — то, что ни одна старуха не проживает на земле достаточно долго, чтобы узнатъ, сбылось ли данное ею предсказание».

«В этом тоже — мудрость богов?» — спросила Ксана.

Бабушка только кивнула. Она не сомневалась в том, что боги устроили на свете все весьма разумно.

Гжегош, в свою очередь, приставал к невесте, чтобы та хотя бы пальчиком в пыли начертила ему заветный узор. Ксана только смеялась и качала го-

ловой. «Нельзя, Гжегош, иначе все колдовство разрушится...»

«Колдовство, может быть, и разрушится, но ничего не в состоянии убить нашу любовь!» — думал Гжегош, направляясь к дому.

Но уже издали, еще не видя строений родной деревни, он понял, что случилась беда. В пустынном небе вдруг появились птицы. Они медленно кружили над одним и тем же местом. У Гжегоша сжалось сердце. Он слыхал, что поблизости, вроде бы, начала разбойничать шайка туранцев. Эти бандиты высакивали из степи, забирали добычу и бесследно исчезали. Поговаривали, будто они похищают молодых женщин и продают их на восток, на рынки Аграпура.

Но никогда прежде они не забирались так далеко...

Радостное настроение мгновенно оставило Гжегоша. Томимый ужасным подозрением, он погнал коня галопом. Молодой человек мчался, не разбирая дороги. Все сливалось перед его глазами. Одно желание горело в его душе: скорей, скорей! Он должен убедиться в том, что Ксаны жива, что с ней ничего не случилось...

Ему даже представить было страшно, что она могла попасть в беду. Жизнь без Ксаны казалась Гжегошу черным, бессмысленным адом.

Он примчался в деревню и не соскочил, а мешком свалился с коня. Несколько домов сгорело. На дороге лежал убитый человек, чуть поодаль — еще

один. Копье все еще торчало в его груди. Гжегош узнал отца Ксаны.

Не помня себя, он ворвался в ее дом и сразу же споткнулся о тело матери Ксаны. Несчастная женщина лежала, раскинув руки, как будто хотела закрыть кого-то собой. Разбойник перерезал ей горло.

Гжегош испустил громкий звериный крик. Так рычала бы раненая тигрица, обнаружившая, что, пока она охотилась, ее логово нашел другой хищник и убил всех ее детенышей.

В ответ на этот стон раздался тихий голос:

— Ты вернулся...

Гжегош вздрогнул. На миг ему почудилось, будто некто обращается к нему из могилы. Но говоривший был еще жив и скоро предстал перед молодым человеком во плоти. Это был дед Ксаны, глубокий старик.

Гжегош бросился к нему.

— Где все остальные?

Он обхватил старика, помогая тому сесть, и ощутил под ладонями влагу. Старик был ранен и истекал кровью. Жить ему оставалось недолго.

— Кто уцелел — ушли, но они вернутся... Люди всегда возвращаются. Твоя мать жива, Гжегош. И отец... Он убил двух туранцев прежде, чем бежал вместе с прочими.

— Мой отец — храбрый человек, — слабо улыбнулся Гжегош.

Сейчас он старался не думать о мертвеце с копьем в груди, которого видел по пути сюда. Отец Кса-

ны тоже был отважным человеком, но ему повезло меньше, и он погиб. Гжегож повернулся в сторону мертвой женщины.

— Ксана с ними?

— С ними? — странное выражение появилось на лице старика, как будто он не понимал, о ком идет речь. Затем морщины разгладились, и дед закивал головой: — О да, да, конечно, она с ними... Они забрали ее, туранцы ее забрали, но это, может быть, и к лучшему — теперь, когда оно вернулось за ней. Говорю тебе, оно вернулось! — Он с силой, которую трудно было подозревать в умирающем, схватил Гжегоша за руку. — Я надеялся, оно никогда уже не вернется, но разве оно отступится от того, что считает своим?

Старик еще раз вздохнул, и вдруг пена выступила на его губах. Он тихо захрипел, откинулся на спину и замер.

Гжегош встал. Со всех сторон его окружала смерть. Следовало бы предать мертвых погребению, но у Гжегоша на это не было времени. Нужно было спешить, пока туранцы не далеко уехали вместе с пленницей.

Молодой человек сбросил на землю сумки с битой птицей, вскочил в седло и погнал коня по следу бандитов.

Ему не составляло труда находить этот след в степи. Туранский отряд был небольшой, но двигался он медленно: мешала телега, тяжело нагруженная награбленным. Примятая трава, глубокая колея,

продавленная телегой, — все это без всяких слов ясно сообщало Гжегошу о том, в какую сторону направляются разбойники.

Он прижался щекой к гриве коня, словно надеясь отыскать в этом прикосновении какое-то утешение. Напрасно! Сердце в груди молодого запорожца горело, как будто его объяло неугасимое пламя. Картины, одна страшнее другой, рисовались в его уме.

Ксана в руках насилиников... Ксана, связанная, мучимая жаждой... Ксана, тщетно зовущая на помощь... Мысли об этом убивали его. Он стонал и скрежетал зубами от невыносимой боли. Лучше бы он умер!

И снова черные птицы кружили над его головой. Гжегош взглянул наверх. На мгновение ему подумалось, что он мертв и, сам того не зная, путешествует по Серым Мирам. Когда-то давно они с Ксаной слышали такую историю. Рассказывал, кстати, дед девушки — тот самый, что только что испустил дух на руках у Гжегоша...

Некий воин в пылу битвы не заметил, как стрела пробила ему горло, и вернулся домой, как ни в чем не бывало. Родные и жена побоялись сказать ему об этом, и десять дней покойник жил среди живых, не зная о собственной смерти. Только небо над ним становилось все более темным, да пейзаж вокруг постоянно изменялся, и наконец он перестал видеть родную деревню и близких людей и узрел демонов и мертвые деревья на выжженной равнине...

Гжегош с ужасом провел рукой по своему телу в поисках какой-нибудь раны, которую можно было бы счесть смертельной. Но он был цел и невредим, да и степь оставалась все той же. Голубое небо украшало два или три легких облачка, трава гнулась под ветром, а далеко впереди блестела речка.

Нет, он жив — он по-прежнему на берегу моря Вилайет. И след, по которому он идет, — реальный след, оставленный разбойниками, захватившими в плен Ксану...

Птичий крик сделался громче, назойливее. Почему стервятники преследуют Гжегоша? Что происходит?

Был только один способ получить ответ на эти вопросы. Гжегош приблизился к лагерю бандитов ближе к вечеру, когда солнце уже перевалило за полдень, и яркий дневной свет как бы наполнился усталостью. Впереди дымились костры, а над ними низко кружили черные птицы.

При появлении Гжегоша несколько стервятников с возмущенным воплем взлетело в воздух. Он придержал коня.

Страшная картина открылась молодому запорожцу. Повсюду на траве лежали мертвцы. С первого же взгляда Гжегош понял, что это — туранцы. Невысокие коренастые разбойники были облачены в кожаные безрукавки и широкие штаны, у многих на ногах были хорошие сапоги из мягкой кожи.

«Как странно, — подумал Гжегош, — никто не польстился ни на одежду их, ни на сапоги...» Моло-

дой человек знал: грабители обычно забирают у жертв все, что только может представлять ценность. Иначе убийство попросту лишается всякого смысла.

Разве что оно совершено из мести...

Но кто обладает достаточной силой, чтобы внезапно напасть на бандитов и перебить их всех? Сколько Гжегош ни всматривался, он не видел никаких следов преследователей. За бандой никто не гнался.

Все это было более чем удивительно. У молодого человека мороз пробежал по коже, когда он всерьез задумался над всем этим.

Неожиданно до его слуха донесся тихий стон. Гжегош спешился и пошел на звук. Под перевернутой телегой он обнаружил туранца, еще живого. Этот человек был так изранен, что смотреть на него было жутко. На нем буквально не осталось живого места. Кто-то изрезал его ножом. Каким извращенным умом нужно обладать, чтобы терзать клинком раненого, который уже не в силах сопротивляться?

— Кто здесь? — пробормотал туранец.

Гжегош уселся рядом с ним на корточки.

— Кто ты? — повторил туранец, содрогаясь всем телом.

— Я твой враг, — стараясь говорить равнодушным тоном, ответил Гжегош.

Неожиданно для него туранец успокоился.

— Ты человек, — выдохнул он. — Хвала всем богам! Я боялся, что ты...

Он не договорил. В его горле что-то булькнуло.

Гжегош осторожно тряхнул его за плечо.

— Не умирай! Ты должен кое-что сказать мне...

— Человек, — прохрипел туранец. — Не уходи, пока я не умру. Будь рядом, иначе мне слишком страшно.

— Тебе и должно быть страшно, негодяй! Ты разорил мою деревню, убил близких мне людей!

— Что ж, все они отомщены, — тихо сказал туранец. — И клянусь, отомщены так ужасно, как еще никто и никогда... не мстил.

— Кто же уничтожил вас?

— А, ты понял! — туранец затрясся, плюясь кровью, и неожиданно Гжегош понял, что разбойник смеется. От этого демонического хохота у Гжегоша все заленедело в груди. — Ты понял, запорожец! Да, все они мертвы, все! Я остался последний. Я лежал здесь и слушал, как они стонут. Потом их голоса становились все тише. Они умолкали один за другим... Наконец я остался в одиночестве. В одиночестве! Как страшно уходить в Серые Миры, если никто не держит тебя за руку!..

— Ты убийца, — сипло проговорил Гжегош. Самообладание оставило его. — Я не стану держать тебя за руку, чтобы успокоить. Ты убил...

— Да, я знаю, что я уничтожил немало людей, — нетерпеливо перебил туранец, — но все, кого я убивал, имели близких, они умирали, оплаканные... Я же уйду один.

— Я останусь рядом, — обещал Гжегош. — Проклятье, я хотел бы перерезать тебе глотку, но эту

грязную работу уже кто-то выполнил за меня, так что мне осталось лишь проводить тебя... Я ненавижу себя, но... мне тебя жаль.

Разбойник глянул на молодого человека. В темных глазах умирающего туранца блеснуло нечто похожее на иронию. Должно быть, при жизни этот человек был смешлив, да и женщины его любили. Неуместная мысль о характере туранца мелькнула в голове у Гжегоша, и он тряхнул волосами.

— Тебе меня жаль? — прошептал разбойник. — Ах, бедный щенок... Это тебя следует жалеть. Ты прожил жизнь, ничего в ней не видя, а... я видел! Я видел покорных женщин и храбрых мужчин, я видел города, золото, дальние походы, прекрасных лошадей...

— И где это все? — спросил Гжегош. — Через несколько мгновений от тебя останется лишь гора праха, который расклюют птицы.

— Да, это так... — Туранец перевел дыхание и заговорил почти спокойно. — Слушай меня, запорожец. Мы разогнали ваших мужчин, как глупых куриц, мы захватили ваш хлеб и все ценное, что нашли в домах, мы забрали красивую девушку...

— Это моя невеста.

— Невеста? — Туранец выплюнул сгусток крови и посмотрел на него негодяюще. — Итак, у тебя была невеста... О, не хмурься, не тянись за ножом, никто из нас и пальцем к ней не прикоснулся, ведь она девственна. Такая красавица дорого стоит на рынках Аграпура...

— Кто напал на вас? — нетерпеливо сказал Гжегош. — Кого мне искать? В каком направлении они увезли ее?

Туранец долго кашлял и закатывал глаза. И наконец с трудом выдавил:

— Это другая банда... Гирканцы. Предводитель у них — точно гирканец, горбоносый такой, нрава бешеного... Они все были бешеные... — Он вдруг приподнялся и стиснул пальцы Гжегоша. — Они не люди! Люди не могут быть такими злобными тварями!

— Откуда ты знаешь? — Гжегош с досадой высвободил свою руку. — Самая злобная тварь на свете — это человек!

— Нет, это была нечеловеческая злоба... посмотри на меня, посмотри!.. Он уже ударил меня в грудь, вот сюда, он уже понял, что я никогда не оправлюсь от раны и умру в степи, выкашливая из себя свою жизнь по капле, — но продолжал наносить удар за ударом! Он резал на мне кожу просто из удовольствия смотреть, как я корчусь, как кровь течет из моих ран, как я кричу от боли и ужаса... И он был там не один такой! Но хуже всего была та тварь, что летала над ними!

— Тварь? — пробормотал Гжегош.

— А, теперь и ты понимаешь... Тварь. — Туранец шептал, как в горячечном бреду, и водил темными, подернутыми влажной пленкой, глазами из стороны в сторону. — Да, жуткая тварь, с длинным хвостом, похожим на змеиный... Чешуя... Лапы с перепонками... И человеческое лицо. Слышишь? Мужское ли-

цо, с бородой, с густыми бровями... Ему было смешно. Ты понял? Он смеялся! Мы умирали, а он смеялся! Но ты — ты человек, ты не станешь смеяться...

Туранец вдруг громко захрипел, выгнулся — и упал на траву неподвижный. Все было кончено.

Гжегош снова сел на коня. Некоторое время он объезжал поле боя. Все были мертвы. Телеги, взятые в деревне, валялись опрокинутые, наполовину сожженные. Добро, нагруженное на них, исчезло. И ни следа Ксаны, только легкий платок, который она носила на шее, — разорванный, втоптанный в грязь.

Гжегош медленно двинулся вперед по степи. Он наконец нашел след — подобие следа: в одном месте была слегка примята трава.

* * *

Дорога вела в одном направлении — к побережью Моря Запада. Некоторое время Гжегош скакал без устали, но затем даже его силы начали истощаться. Невозможно питаться одним лишь отчаянием да жаждой мести.

Несколько раз в степи Гжегош слышал демонический хохот, доносившийся издалека. Молодой человек следовал за этим хохотом как за путеводной звездой. Он был уверен в том, что умирающий туранец говорил правду, что все услышанное в разоренном лагере бандитов — не бред человека, стоящего на пороге смерти, но правдивое описание картины событий.

И злобный торжествующий смех незримого существа только укреплял Гжегоша в его уверенности. Гжегош больше не испытывал страха — даже перед той лютой тварью, которая превратила людей в подобие себя самой и натравила их на других людей.

Молодой человек знал и помнил одно: он должен нагнать негодяев прежде, чем те продадут Ксану.

Но на второй день погони силы оставили Гжегоша, он вынужден был признать необходимость небольшого отдыха.

Гжегош заглянул в маленький городок, попавшийся ему по дороге. Денег, чтобы расплатиться за ночлег и еду, у него не было, и он проклял себя за неосмотрительность. Нужно было забрать у убитых разбойников хотя бы их украшения и сапоги.

Однако мысль о мародерстве показалась молодому человеку отвратительной даже теперь, когда он умирал от голода. Впрочем, его щепетильность была вознаграждена: какая-то пожилая женщина привела его к себе, умыла и заставила съесть целую миску похлебки.

— У меня есть сын твоих лет, — объяснила она. — Тоже, небось, где-нибудь шатается, голодный и бесприютный. Когда я привецаю таких, как ты, я всегда думаю: может быть, и моего парня какая-нибудь добросердечная женщина угощает...

— Может быть, — пробормотал Гжегош. — Я сейчас засну, матушка, а вы меня разбудите на рассвете. Мне нужно ехать.

— Куда ты так торопишься?

— Разбойники похитили мою невесту, и я гонюсь за ними. — В одной короткой фразе Гжегош описал все случившееся с ним. Он сам удивился тому, как мало слов понадобилось для того, чтобы передать то горе, которым он был сейчас охвачен.

Женщина все поняла. Она действительно подняла своего гостя на ноги еще до света.

— Поезжай! — сказала она. — Да хранят тебя боги!

— Пусть они помогут мне найти мою невесту, — пробормотал Гжегош, садясь в седло.

Он уехал, а пожилая женщина долго смотрела ему вслед, и по ее лицу катились слезы.

Несколько раз Гжегошу казалось, что он настигает своих врагов, но они всегда оказывались за горизонтом — он ни разу их так и не увидел. Только хотят незримого существа звучал ближе.

Наконец, обессиленный от голода и усталости, он свалился с коня и потерял сознание. Это произошло на четвертый день погони.

Гжегош очнулся ночью от холода. Конь исчез — должно быть, убежал и сейчас спокойно пасся где-нибудь вдалеке.

Гжегош с трудом поднялся.

Ноги его дрожали, как у новорожденного теленка. С трудом он сделал несколько шагов. Перед глазами все плыло. Прохлада и темнота оказывали на молодого человека живительное действие: скоро он уже с удивлением обнаружил, что худо-бедно тащится вперед.

Конечно, с утратой коня Гжегош потерял всякую надежду настичь похитителей. Но, может быть, он все-таки успеет... Может быть, он окажется в городе прежде, чем Ксану продадут.

У него не было никакого плана. Он просто шел за ней, как будто привязанный невидимой нитью, и не существовало на земле такой силы, которая могла бы оборвать эту связь.

Он проделал долгий путь до берега Моря Запада. Для того, чтобы не умереть от голода в пути, Гжегош нанялся в караван, идущий на запад, носильщиком и слугой. Гордый молодой воин, никогда в жизни никому, кроме стариков своей деревни, не угождавший, вынужден был носить вещи совершенно чужого ему избалованного человека да еще выслушивать его, с позволения сказать, шуточки:

Наниматель Гжегоша был чудаковатый бритунский аристократ, которому вздумалось отправиться в путешествие. Он набрал с собой целую гору бесполезных предметов, запакованных в корзины, и нанял только одного верблюда. Сам он ехал верхом на лошади, присоединившись — за плату — к большому торговому каравану. Место в караване обеспечивало ему защиту от разбойников, которые могли бы напасть на одинокого путешественника, а также избавляло от необходимости каждый вечер заботиться о ночлеге.

Скоро выяснилось, что путешествовать без слуги — некомфортно. Поэтому господин Олдин (таково было имя бритунца) начал озираться по сторонам в поисках подходящего человека.

И очень скоро его взор натолкнулся на Гжегоша.

Произошло это в захолустной гостинице крохотного городка неподалеку от Самарры. Гжегош сидел на ступенях, свесив голову и бессильно уронив в пыль руки. Он совершенно отчаялся. Ни коня, ни еды, ни денег, ни даже возможности заработать. Как он будет продолжать погоню?

Но тут боги, к которым он до сих пор взывал совершенно тщетно, кажется, решили снизойти до горя молодого человека. На Гжегоша упала чья-то тень.

Он поднял голову и увидел, что на него с интересом взирает прелюбопытнейшая личность. Менее всего Гжегош ожидал увидеть нечто подобное в такой глупи. Олдин был одет с изысканностью, которая сделала бы честь и королевскому дворцу. В руке он держал маленький хлыстик с костяной рукояткой. За поясом, там, где все нормальные люди носят кинжал, у него торчали восковые таблички для заметок.

— Кажется, ты в некотором жизненном затруднении! — произнес Олдин, рассматривая Гжегоша.

Молодой человек в ответ двинул бровями и покривил рот. Ему показалось, что этот богатый, благополучный бездельник попросту издевается над ним. А давать кому бы то ни было пищу для насме-

шек Гжеош не собирался. В той ситуации, в которой он оказался, любой ответ поставил бы его в глупое положение. И потому Гжеош попросту промолчал.

Олдвин хмыкнул.

— Кажется, ты считаешь меня невежливым, но, с моей точки зрения, куда более невежливо было бы пройти мимо и сделать вид, будто не замечаешь собрата в затруднительном положении.

Гжеош наконец снизошел до разговора:

— Кажется, ты назвал меня «собратом»? Спешу развеять заблуждение! Я вовсе не собрат какому-то богачу, у которого всех забот — запылившиеся сапоги!

— Кстати, о запылившихся сапогах, — невозмутимо произнес Олдвин. — Мне позарез нужен кто-то, кто чистил бы мои сапоги. Куда ты направляешься, мой юный друг? Только не пытайся говорить мне, будто ты местный житель! Ты совершенно на них не похож. Твое лицо носит отпечаток страдания, в то время как лица окружающих представляют собою как бы некие стертые подушечки, лишь ожидающие, когда кто-нибудь милосердно нанесет на них отпечаток...

— Я голоден, — сказал Гжеош. — Я не стану говорить с тобой на голодное брюхо.

— Превосходно! — вскричал Олдвин. — Дело пошло! На такой ответ я и рассчитывал.

Очень скоро он уже сидел рядом с Гжеошем и угощал его запасами из своей походной сумки —

преимущественно то были сладости и фрукты, а также сыр, отвратительный на вкус, с комочками плесени. По словам Олдвина, это был очень дорогой сорт, пользующийся популярностью в некоторых странах. «Даже в Аквилонии небольшой кусок такого сыра стоит целое состояние!»

— По-моему, это сущая гадость, — отозвался Гжеош, поглощая «страшно дорогой сорт» с устраивающей быстротой.

— Итак, — сказал Олдвин, когда с трапезой было покончено, — тебе нужен кто-то, кто будет давать тебе еду, а мне необходим человек, который будет чистить сапоги, выслушивать мои жалобы и выполнять тысячу моих никчемных распоряжений. Без такого человека я чувствую себя неполноценным.

— Тебе нужен слуга, — подытожил Гжеош.

— Ты весьма догадлив. Я хочу сказать — догадлив для неотесанного мужлана, — заявил Олдвин.

— Оскорблении обязательны? — поинтересовался Гжеош. — Учти, теперь я сыт и могу передумать.

Он не ожидал, что его угроза произведет такой эффект: Олдвин испугался.

— Я разве оскорбил тебя? — вопросил он с видом искреннего раскаяния. — Прости, я не знал, что правда может быть оскорбительна.

Поразмыслив, Гжеош пришел к выводу, что бритунский аристократ прав.

Они ударили по рукам. В их соглашение входили: еда, питье и место в караване для Гжеоша — в обмен на «тысячи мелких услуг».

Как ни странно, они поладили. Разговаривали они немного, в основном все беседы сводились к длинным монологам Олдвина. Аристократ скучал и, скучи ради, описывал в своих заметках все, что встречал на пути. Он оказался довольно наблюдательным, а его слог отличался язвительностью. Вечерами Олдвин читал Гжегошу свои заметки — эта часть вечера молодому человеку нравилась, потому что он слушал и ел. Затем они с Олдвином менялись местами: Олдвин вкушал заслуженную трапезу, а Гжегош должен был изобретать все новые и новые комплименты. Ибо хвалить написанное хозяином было одной из главных обязанностей слуги. Хвалить искренне и разнообразно.

Иногда Олдвин обижался. «Что значит — «все понравилось»? — кричал он, в гневе отбрасывая от себя недоеденный кусок ветчины. — Это общие слова! Мне нужна конкретика! Назови те места, которые вызвали твоё наибольшее восхищение!»

«Ну-у... — озадаченно тянул Гжегош. — Очень живо получился диалог между погонщиком верблюдов и толстым купчиком, едущим верхом на осле».

«Да? — Олдвин ревниво щурился и глядел на своего «критика» с подозрением. — Правда? А как насчет описания рассыпавшейся посуды, которая выпала из порванного мешка? Как она катилась, подпрыгивая, а за ней под аккомпанемент проклятий, скакали слуги и сам торговец? Разве это не смешно?»

«Очень выразительно».

Наконец, удовлетворенный, Олдвин оставлял Гжегоша в покое, доедал свою ветчину и остаток вечера ковырял в зубах.

Гжегош только диву давался — как это Олдвину удавалось замечать столько любопытного и забавного там, где сам Гжегош, да и прочие путешественники, не видели ничего, кроме повседневной скучки.

Наконец они прибыли в Зингару. Возле Мессантии Олдвин расстался со своим слугой. Он обнял Гжегоша и немного прослезился.

— Ты скрасил мне долгие колокола пути, — сказал бритунец. — Ты вырос в истинного ценителя художественного слова. Я расстаюсь с тобой с легким сердцем. Я спокоен за твое будущее. Отныне никто и ничто не испортит твоего вкуса.

Ни денег, ни припасов бритунец, впрочем, своему бывшему слуге не дал. Гжегош не был в обиде — подобная плата их договором не предусматривалась. Что ж! Каждый получил, что хотел: Олдвин — попутчика, Гжегош — возможность добраться до Моря Запада.

Он хотел войти в Мессантию и начать расспросы там, но немного перепутал дороги и в конце концов очутился неподалеку от городка под названием Илнот.

* * *

Поднявшись на вершину холма, Гжегош мог уже видеть море. Он не знал, где сейчас находится Ксана, — попросту не мог этого знать, — но не сомневался, что она где-то поблизости.

вался в том, что близко. И скоро он отыщет ее. Правда, он уже давно не слышал того зловещего хохота, который сопровождал его поиски в самом начале, но у Гжегоша имелась другая «путеводная звезда»: сердце неизменно подсказывало ему, что он на правильном пути.

Неожиданно за спиной Гжегоша раздался приглушенный смешок. Молодой человек обернулся и увидел, что на склоне холма стоят трое и внимательно разглядывают его.

Эти трое очень не понравились Гжегошу. Судя по всему, они были из Зингары, одетые с крикливой роскошью, с золотыми серьгами в ушах, с крупными перстнями на грязных пальцах.

Гжегош догадывался, как выглядит в их глазах. Юный франтик с завивающимися волосами. Бритунец подарил своему слуге «приличную одежду», и сейчас Гжегош был похож на богатенького бездельника: в тунике из тонкой шерсти, с изящными пряжками на плечах, в коротком темно-синем плаще с бронзовой застежкой в виде сплетенных ладоней.

— Что вам угодно, господа? — спросил Гжегош, незаметно опуская руку под пояс. Он нашупал нож и быстро сунул его в рукав туники, прижав ладонью.

Трое зингарцев дружно расхохотались. Один из них передразнил Гжегоша: «Что вам угодно, господа?» Остальные так и покатились со смеху.

Потом они стали серьезны.

— У тебя есть деньги?

— Клянусь, ничего ценного! — сказал Гжегош.

— А если ты лжешь? — с угрозой в голосе поинтересовался старший из грабителей. У него был перебит нос, и оттого он говорил несколько гнусаво.

— Но я не лгу, — ответил Гжегош спокойно. — Самая ценная вещь из всех, что при мне, — вот эта пряжка, но и она медная. Мой господин, который подарил ее мне на прощание, человек довольно скучной. Если не сказать — очень скучной... Впрочем, у него щедрая душа.

— Что это значит? — прищурился другой грабитель.

— Это значит, что он охотно делился со мной сокровищами своей души, — ответил Гжегош. — Но вот что касается всего остального, и прежде всего денег, — здесь его сердце было заперто на замок.

— По-моему, эта птичка чирикает разную чушь, — сказал старший грабитель.

А младший вскричал:

— Да он просто издевается!

Старший, с перебитым носом, поднял руку.

— Хорошо, — сказал он, — итак, поспорим. Если ты нам солгал и мы найдем при тебе драгоценности или деньги, мы убьем тебя.

— Но я выиграю, — заметил Гжегош.

— Твое счастье.

Они ощупали его пояс, сунули руки ему за пазуху. Тщетно.

Раздосадованный, зингарец со шрамом на щеке —

он до сих пор помалкивал, — сказал очень спокойным тоном:

— Что ж, кое-что цённое мы все-таки нашли. Тебя самого! За молодого раба дадут неплохие деньги.

— Что? — удивился Гжегош.

И снова они засмеялись.

— Ты далеко от дома. Судя по твоей одежде, ты проделал долгий путь. Кто будет искать тебя здесь? К тому времени, когда твои близкие ~~тебя~~ хватятся, ты будешь уже далеко...

— Вы работорговцы? — еще больше изумился Гжегош.

Их веселости не было предела. Они даже стонали от смеха. Наивность чужака немало их позабавила.

Но вся эта веселость исчезла как по мановению волшебной палочки, когда молодой запорожец явил себя во всей красе. Молнией вылетел нож из рукава, и Гжегош стремительно ударил первого из разбойников — старшего.

Удар пришелся тому прямо в горло. Брызнул алый фонтан. С хриплым стоном разбойник рухнул к ногам своей несостоявшейся жертвы, а Гжегош, испустив яростный воинский клич, набросился на второго.

Этот сумел худо-бедно дать отпор, в то время как третий обнажил меч и попытался атаковать Гжегоша сзади.

Запорожец пригнулся, и клинок просвистел у него над головой. Гжегош отскочил. С одним ножом против двух противников, вооруженных короткими

кривыми мечами, запорожец долго не выстоит. Тем не менее он решил сражаться до последнего.

Он бросился на землю и перекатился вперед. В прыжке он успел полоснуть младшего из врагов по ногам. Тот взвыл и от неожиданности выронил меч, так что Гжегош вскочил уже с мечом в руке. Он держал меч в левой руке, а нож — в правой.

Третий зингарец напал на него. Молодой человек уклонился от удара и метнул нож в раненого противника. С неприятным хрустом лезвие вошло в грудь младшего из бандитов.

Гжегош метнулся в сторону, подвижный и гибкий, как змея. Теперь перед ним был лишь один враг.

Противник атаковал молодого человека стремительно и уверенно. Каждое движение выдавало в зингарце опытного фехтовальщика. Поначалу Гжегош только отражал удары или уклонялся от них по мере сил. Он знал, что поединок не должен длиться долго, поэтому лихорадочно выискивал возможность завершить бой. Для этого ему требовалось понять, где у врага слабое место.

И Гжегош увидел это. Увидел совершенно неожиданно. Нападая, зингарец всегда открывался. Ненадолго, быть может, на долю мгновения. Он предпочитал наносить рубящие удары сверху, как рубит всадник. И когда враг замахнулся для очередного удара, уже уверенный в своей победе, Гжегош, нагнувшись, нанес ответный удар, целясь в подмышку.

Зингарец упал. Меч со звоном выпал из его руки.

Гжегож подобрал оружие и пошел прочь. Он не обернулся и не вернулся к поверженным врагам — ни для того, чтобы добить разбойников, если те еще живы, ни для того, чтобы забрать у них деньги. Какие испытания ни перенес молодой запорожец, он по-прежнему брезговал ремеслом мародера.

* * *

Гжегож пришел в Илнот под вечер. Маленький порт, где находилось сейчас несколько кораблей, продолжал жить своей жизнью, несмотря на то, что солнце уже садилось. При свете десятка факелов, воткнутых прямо в прибрежный песок, на баржу спешно грузили бочки — капитан этой посудины явно намеревался поднять якорь с первыми лучами рассвета. Детина в одной набедренной повязке стоял, подбоченясь, поблизости и покрикивал на грузчиков, понукая их работать скорее и суля им все возможные блага, если они закончат работу до света.

Гжегож прошел мимо и остановился поодаль. Он вглядывался в те корабли, что покачивались у причала. Нет ли на одном из них его Ксаны?

Неожиданно какой-то человек, подойдя к парню сзади, сильно хлопнул его по спине:

— Эй! Не узнаешь старых друзей?

Гжегож резко повернулся. Стоящий перед ним был ему не знаком. Да оно и не удивительно: в здешних краях у молодого запорожца и не могло

быть никаких знакомых. Ведь прежде он никогда не покидал родной Запорожки.

Человек, окликнувший Гжегожа, отошел на шаг и вдруг громко расхохотался.

— Прости, брат! Я обознался. Больно уж ты похож на одного моего приятеля... Взял у меня деньги, свел мою наложницу — и был таков. А я ведь тебя зарезать хотел! Ну, думаю, подберусь теперь сзади и полосну по горлу... А потом как будто милосердная богиня подтолкнула меня, вот я и окликнул тебя. Захотел поглядеть тебе в глаза. Не тебе — ему, я хотел сказать. Хорошо, что так вышло, не то, глядишь, убил бы неповинного человека.

Гжегож не выдержал — улыбнулся в ответ. Больно уж заразительным казалось веселье головореза..

— Со здешним людом не соскучишься! — сказал Гжегож. — Только что меня хотели ограбить, еле отбился, хоть у меня и брать-то нечего, кроме меня самого...

— А, знаю... — небрежно отозвался человек, едва не убивший Гжегожа по ошибке. — Шайка работогорговцев. Мелочь. Если тебя действительно интересуют рабы, лучше доберись до Мессантии. Там хороший рынок.

— Сказать по правде, я ищу одну девушку, — Гжегож решил говорить начистоту.

Весельчак даже взмыл от хохота.

— Одну? — переспросил он. — Всего только одну?

— Мне довольно и одной, — резко ответил Гжегож.

Его новый знакомец сразу посеръезнел, дружески потрепал его по плечу.

— Прости. Я не предполагал, что для тебя это так серьезно. Одну, говоришь... — Он с трудом удержался от улыбки. — Я тебе вот что скажу. Когда разыскиваешь «что-нибудь» — к примеру, пару девчонок, более-менее симпатичных и податливых в постели, — найти это куда проще. А вот если — да упасут тебя от этого милосердные боги, если таковые найдутся! — если тебе нужна какая-то определенная девушка, и при том только она одна... Вот это хуже всего. Хоть сто красавиц тебе повстречайся, а все не то.

— Ты очень точно обрисовал мою ситуацию, — слабо улыбнулся Гжегош. — Та девушка — моя невеста. Ее похитила банда гирканцев...

Он подробно описал внешность Ксаны и в конце концов, поддавшись настойчивым уговорам нового приятеля, подробно рассказал о том, как преследовал похитителей. Гжегош умолчал только о демоническом хохоте, который слышал в степи. Теперь, когда столько всего осталось позади, молодой запорожец и сам начал сомневаться в том, что действительно слышал этот смех.

Некоторое время весельчак слушал рассказ Гжегоша с праздным любопытством, но затем он насторожился.

— Погоди-ка... Кажется, я знаю, о ком ты говоришь.

У Гжегоша так и подпрыгнуло в груди сердце.

— Правда?

Он схватил весельчака за плечи, развернул к себе. Лицо Гжегоша побледнело, безумная надежда исказила его черты.

— Ты знаешь, где Ксана?

— Да погоди ты, выпусти меня! — отбивался его собеседник. — Какой ты бешеный! Положим, я помню гирканцев и девушку... Тебе повезло, парень! Они здесь побывали, точно. Красивая девушка, немного на тебя похожая — как я сейчас соображаю.

Гжегош стиснул его руку, точно клемшами.

— Как она выглядела?

— Красивая. Разве ты глухой? Я ведь только что это сказал!

— Она была здорова? Не казалась больной? Они хорошо с ней обращались?

— Боги, да ты обезумел! Разумеется, они обращались с ней хорошо. Стал бы ты портить добротный товар? Гжегош отчетливо скрипнул зубами.

— «Товар»? Ты называешь ее «товаром»?

— Я пытаюсь рассуждать, как они... Никто не бросит кхитайский шелк в грязь и не будет мять тонкую серебряную посуду, не так ли? Так почему же ты воображаешь, будто с красивой рабыней кто-нибудь поступит иначе? Нет, она была тепло одета и сытно накормлена.

Он вздохнул.

— Впрочем, боюсь, это сейчас не имеет значения.

— Почему? — Гжегош так и сверлил его глазами.

— Я только что сообразил, что ее приобрел

купец, который погрузился на «Морскую лошадку». Точно.

Собеседник Гжегоша опечалился так искренне, что молодой запорожец едва не заплакал.

— Рассказывай, что случилось, — глухо проговорил он. — Рассказывай все как есть. Может быть, ты еще и ошибся.

— Нет, — тот покачал головой. — Никакой ошибки. Я запоминаю все новости. Я — лоцман. Могу провести корабль вдоль здешних берегов, заплыть в любую бухту, обойти любой из ближайших рифов. На «Морскую лошадку» меня не взяли, хоть я и просился. Дело в том, что накануне я сильно перебрал, а когда наутро пришел наниматься, они уже нашли другого лоцмана... И, кстати говоря, напрасно. Взяли бы меня — не случилось бы... — Он вздохнул. — Лучше уж я тебе расскажу, потому что иначе ты до конца жизни будешь разыскивать свою Ксану. Потратишь лучшие зимы на погоню за призраком, представляешь? И это — когда вокруг столько красивых женщин! — Он покачал головой.

— Говори же, что случилось!

— А? — Болтун поднял глаза и заморгал с виноватым видом. — Кораблекрушение. Гирканцы продали девушку, которая очень похожа на твою Ксану, купцу. Купец сел на «Морскую лошадку». Взял глупого лоцмана, польстившись на то, что тот был трезвым. Да я, даже мертвцыки пьяный, не совершил бы и половины тех ошибок, которые этот бедный болван наделал совершенно трезвым!.. Резуль-

тат — кораблекрушение. Говорю тебе, «Лошадка» разбилась. Они погибли все. Обломки видели в море, а людей — ни одного.

Гжегош отшатнулся от лоцмана, как будто тот был прокаженным.

— Эй, погоди! — крикнул весельчак в спину молодому человеку. — Погоди, пойдем, выпьем! Я угощу тебя! Человеку не стоит оставаться в одиночестве, когда он узнает подобные вещи... Слышишь ты меня?

Но Гжегош даже не обернулся. Медленно шел он к берегу моря, подальше от порта и людей. Скоро огни Илнота остались позади. Наступила ночь. Гжегош усился один на берегу. Только море и он, и никого поблизости.

Черное небо расстипалось над ним, созвездия начали свое величавое шествие. Луна показалась над горизонтом, огромная и кровавая. По воде протянулась широкая бледная дорога. И Гжегошу казалось, что можно ступить на эту дорогу и пойти вперед, в бесконечность, туда, где ожидает его Ксаны.

Столько препятствий позади, столько бед и трудностей он перенес — и тщетно! Ксана погибла из-за того, что трезвый лоцман наделал глупостей, которых избежал бы другой лоцман, хотя бы и пьяный...

От каких пустяков зависит жизнь человека!

Гжегош тяжело вздохнул и заговорил, обращаясь к безмолвному морю:

— Ты — огромное, могучее, ты — колыбель тысячи живых существ, их логово и кормилица! На что

тебе была моя Ксана? Неужели твоим рыбам было без нее голодно?

Он представил себе, как тело девушки медленно опускается на дно, как развеваются в воде ее волосы, как любопытные рыбки подплывают к ней, тычутся в нее своими раскрытыми ротиками — и вот уже они начинают отщипывать от нее кусочки... Зрелище было невыносимым, Гжегош застонал сквозь зубы.

Море вдруг отзывалось — плеснуло шумной волной на берег.

И снова все стало тихо.

Гжегош встал.

— Коли так повернулась моя судьба, то забери, море, и меня! Верни мне мою Ксану!

Он сделал первый шаг по белой дорожке, на встречу горизонту и луне.

Шумный плеск повторился. Гжегош невольно повернулся на звук и замер.

Из моря медленно выходили люди. Один, два... Гжегош метнулся за камень, лежавший на берегу, бросился на песок и замер, боясь, чтобы его не увидели.

Он насчитал девять человек. И они не приплыли сюда на какой-нибудь лодке или плоту. Они вообще не приплыли — они именно вышли из воды. Как будто добрались сюда, шагая по морскому дну.

Один из них сказал:

— До Мессантии еще сутки пути.

Другой отзвался:

— Полагаю, это Илнот. Если бы я остался без команды, я отправился бы именно сюда, чтобы прикупить гребцов.

— Он уже уплыл отсюда, даже если и побывал здесь, — заметил третий.

— Не хочу его видеть, — воскликнул четвертый. — Он отвратителен. Он, с его коварством и враньем!

— Думаешь, он убил Джехана?

— Не сомневаюсь в этом.

Они помолчали. Гжегош затаил дыхание. Только бы его не обнаружили! Он слишком вымоган всем пережитым и слишком устал, чтобы дать достойный отпор сразу девятерым противникам.

Гжегош никогда не был склонен обольщаться на свой счет. Один против троих — это его предел. Четверо для него уже многовато, а пятеро убьют его без труда. Девять не оставляют ему никаких шансов. Если это морские чудовища, они съедят Гжегоша, и он даже руки не поднимет, чтобы защититься.

«Странно, — мелькнула у него мысль, — только что я хотел умереть, и вот уже прячусь от незнакомцев, спасая жизнь, которая мне стала не нужна! »

Он поразмыслил немного над этим, но затем нашел ответ: «Умереть я хотел по собственному выбору. И тем способом, который избрал для себя сам. А принять смерть от руки незнакомцев означало бы уронить себя».

Внезапно один из них повернул голову и долгим взором уставился на камень, за которым прятался Гжегош.

— Там кто-то есть, — спокойно проговорил он. И, повысив голос, произнес: — Кем бы ты ни был, выходи и присоединяйся к нам! Мы сейчас разведем костер, и у нас есть при себе свежая рыба. Если ты голоден, мы угостим тебя.

Гжегош понял, что прятаться дальше было бы глупо. Он встал, стряхнул песок со своей одежды.

Все девять лиц были обращены к нему. Они были похожи между собой, как близкая родня или давние единомышленники. Но не их сходство удивило и немного испугало Гжегоша, а какая-то нечеловеческая манера держаться. То, что они почти не моргали, к примеру, или обыкновение смотреть на собеседника пристально и доброжелательно, как смотрят мощные звери, уверенные в своем физическом превосходстве.

Гжегош приблизился к ним. Неожиданно он понял, что не испытывает страха. Известие о гибели Ксаны как будто переместило его за грань обычного существования. По ту сторону грани жизнь и смерть, боль и благоденствие, хворь и здоровье, свобода и рабство еще имели какое-то значение; но там, где сейчас находился Гжегош, все это утратило всякий смысл.

— Присядь, отдохни рядом с нами, — предложил один из морских людей. — Сейчас мы разложим костер.

— Мы любим огонь, — подхватил другой. — Хоть и предпочитаем воду.

— Некоторые считают, будто огонь и вода во всем противоположны, но ведь это не так, — добавил еще один, доселе молчавший. — Нам нравится и то, и другое. Нельзя жить без огня, воды или воздуха.

— Нельзя жить без любви, — вырвалось у Гжегоша.

Они одновременно уставились на него.

Но Гжегош не пожелал давать никаких объяснений своим словам. Он просто устроился на песке и молча стал наблюдать за тем, как морские люди раскладывают костер и нанизывают на гибкие прутки принесенную из моря рыбу. Рыба была не речной, а морской, глубководной, с выпученными глазами.

Потом один из них сказал:

— Мы больше никогда не увидим Джехана.

И заплакал. Он не всхлипывал и не утикал слез; они выкатывались из его огромных круглых глаз и падали в песок.

После недолгой паузы Гжегош тихо спросил:

— Кто такой Джехан?

И снова они повернули к нему головы и устремили на него взгляды. Наконец тот, кто плакал, отозвался:

— Джехан был один из нас. Он пустил в свое сердце человека по имени Эдред, и несколько лет мы плавали все вместе на корабле этого Эдреда. Но

недавно случилась большая беда. Мы даже не подозревали о том, как важны бывают для людей их желания.

— Эдред захотел женщину, — пояснил еще один из морских людей.

— Но в этом нет ничего дурного, — заметил Гжегош.

— Да? Ты так думаешь? — Его собеседники стали пожимать плечами и переглядываться, как бы желая сказать друг другу: «Вот еще один человек! А люди ничего не понимают. И этот — такой же, как все. Непонятный и неприятный».

Гжегош понял смысл их переглядываний и потопропился исправить ошибку:

— Я ведь ничего не знаю о том, что случилось на самом деле. Расскажите мне!

— Мы подобрали в море женщину. Эдред не говорил нам об этом, но мы видели. Мы видели ее на борту. Да, это была красивая женщина.

Они говорили все вместе — одновременно или друг за другом; этого Гжегош уже не понимал. Он слышал несколько голосов, сливавшихся в один голос; голоса, обращавшиеся к нему попеременно, хором, по два и по три... И все они сообщали одно и то же, не противореча друг другу даже в мелочи.

— Красивая женщина! О, мы видели ее потом, хотя капитан не сказал нам ни слова. Наверное, он боялся, что кто-нибудь из нас захочет ее себе. Да, ведь у нас принято делить все, что мы зарабатывали. Мы недурно зарабатывали, ведь наша галера

всегда приходила в срок, и мы ни разу не потеряли товар, и не попали в бурю. Мы умеем чувствовать приближение непогоды и знаем все укрытия, где может спастись корабль. А она, бедняжка, натерпелась страха! Красивая девушка, очень красивая. Он называл ее «Ксану».

Хоть Гжегош и надеялся услышать это имя, все же, когда оно прозвучало, он содрогнулся всем телом, как будто его ударили.

— Ксана? — прошептал он немеющими губами. — Боги! Каким бы я был глупцом, если бы действительно покончил с собой, как собирался!

Морские люди опять обменялись быстрыми взглядами. Один из них коснулся плеча Гжегоша — молодой человек поразился тому, каким ласковым и в то же время сильным было это прикосновение.

— Мы так и подумали, что ты хочешь умереть, — сказал морской человек спокойно. — Это было преждевременное решение. Боги не любят тех, кто умирает до срока.

— Расскажите еще об этой женщине, — попросил Гжегош.

— Ты тоже хочешь ее? — прищурился морской человек.

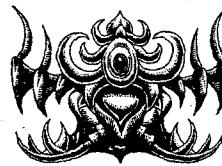
— Она моя невеста, — объяснил Гжегош. — Если это та Ксана, о которой я думаю, то она и сама меня хочет.

— О, — серьезно отозвался морской человек, — ведь это называется любовью, не так ли? Свободной любовью! Это хорошо. Любовь без принуждения.

Они закивали, дружески ухмыляясь.

Гжегощ увидел, что рыба уже готова, и вдруг ощутил страшный голод. Морские люди, казалось, читали его мысли, потому что скоро уже их гость торопливо насыщался, а они наперебой рассказывали ему обо всем, что успели увидеть на корабле Эдреда, пока капитан полагал, что за ним никто не наблюдает.

Глава шестая

Пожар в Мессантии

онан не мог бы внятно объяснить, почему ему была так интересна история молодого запорожца и его невесты. Возможно, все дело было в Гжегоше, в его упорстве и бесстрашии, — эти качества не могли не вызывать у киммерийца самого искреннего уважения.

Но кроме того Конан ощущал во всем происходящем еще нечто сверхъестественное. Его варварское чутье подсказывало ему: дело похищенной Ксаны не такое простое, каким выглядит на первый взгляд. Почему, например, на банду туранцев напали какие-то гирканские грабители? Почему эти гирканцы действовали так жестоко? И почему — если то были настоящие грабители — они не обобрали убитых до нитки?

Эти подробности из повествования Гжегоша беспокоили Конана.

— Сдается мне, дружище, ты сам того не зная вступил в противоборство с силами, куда более могущественными, чем можно было бы вообразить на

первый взгляд, — сказал Гжегошу киммериец. — Я должен хорошенько поразмыслить над этим.

— Ты... ты поможешь мне отыскать ее? — осторожно спросил Гжегош.

Конан, смотревший в огонь, повернул голову и рассеянно глянул на запорожца.

— Полагаю, это ты поможешь мне, — отозвался он. — Да, я намерен найти Ксану, потому что, сдается мне, в этой девушке — ключ к какой-то древней тайне. И тайна эта темна и опасна.

Гжегош содрогнулся.

— Мы говорим о юной девушке! — воскликнул он. — О невинном существе...

— Да, — перебил Конан, — я и не утверждаю, что Ксана в чем-то виновата. Но так уж случилось, что она оказалась замешана в жуткую историю. И наша задача — выяснить до конца, что произошло на самом деле.

Он помолчал, наливая еще вина, себе и Гжегошу. Затем сказал:

— Расскажи еще немного про тот демонический хохот, который ты слышал в степи.

— Это был злой и громкий смех, — сказал Гжегош. — Я не видел существа, которое смеялось. Только слышал. Впрочем, я уже все тебе об этом рассказал. Теперь я вообще сомневаюсь в том, что что-то слышал. Может быть, я просто обезумел от отчаяния.

— О нет! — Конан покачал головой. — Поверь мне, Гжегош, ты слышал то, что слышал. Не припи-

сывай себе сумасшествия. У тебя вполне ясный взгляд на вещи. Уж я-то умею разбираться в людях! Некое незримое и злобное создание желало завладеть Ксаной.

— Почему, в таком случае, оно не забрало ее сразу?

— Помнишь, что сказал тебе дед? «Оно вернулось». Оно вернулось! И не сомневайся, Гжегош, оно побывало в вашей деревне! Просто оно предпочитает действовать руками людей, а не собственными силами. Может быть, оно не обрело еще воплощения в нашем мире, а может — вообще бесплотно и нуждается в посредниках. Это еще предстоит выяснить.

— Но Ксана никогда не интересовалась ни духами, ни демонами... Она была самой обычной девушкой, только очень красивой, — Гжегош говорил так, словно мог убедить судьбу переменить решение и вернуть ему Ксану прямо сейчас.

Конан пожал плечами.

— Ксана, вероятно, вообще понятия не имела о том, что связана с темными силами. Такое случается, хотя и нечасто. Быть может, она была обещана в жертву злому духу...

— Нет, — Гжегош покачал головой, — мы бы знали об этом! Да в нашей деревне никто не поклонялся злым духам. Исключено!

— Мне нравится, с каким жаром ты упорствуешь в своем невежестве, — задумчиво проговорил Конан. — Завтра мы с тобой отправимся в Мессантию.

Попробуем что-нибудь разузнать о капитане галеры. Как его звали — Эдред? Жаль, что он мертв. Было бы намного проще, если бы мы могли его порасспросить.

Конан широко зевнул.

— Я буду спать, — сообщил он. — Последи за костром, чтобы не погас. Не хочется ночью окоченеть от холода, а ты так возбужден всеми этими разговорами, что все равно ведь не заснешь.

Киммериец растянулся у костра и заложил руки себе за голову.

Он уже начал похрапывать, когда Гжегош легонько потряс его за плечо.

— Что тебе? — Конан приоткрыл глаза.

— Я ответил на все твои вопросы, — сказал запорожец, — ответь и ты на мой.

— Ладно.

— Что общего между истинным солдатом и истинным философом?

— А, это... — Конан ухмыльнулся. — И те, и другие занимаются вопросами смерти.

Он перевернулся набок и оглушительно захрапел.

* * *

В Мессантию Конан прибыл в сопровождении Гжегоша и одного из кущитов по имени Фланд. Оба корабля, и «Бэлит», и захваченная галера, остались в заливе Нэйси — ремонтироваться в ожидании ка-

питана. Поговаривали, будто новичок — имелся в виду Гжегош — знает тайну какого-то сокровища и что Конан непременно найдет способ к этому сокровищу подобраться.

Киммериец не стал опровергать эти слухи. Тем более, что они вполне могли оказаться правдой.

Несмотря на бессонную ночь, Гжегош был полон сил и решимости. Бледный, с плотно сжатыми губами, он выглядел как человек, которому нечего терять и который не отступится от цели ни при каких обстоятельствах.

Чернокожий Фланд был человеком иного склада: немного ленивый, слегка трусоватый, он мог, однако, при случае проявить чудеса отваги. Из всех кущитов он был наименее суеверным. Это и заставило Конана остановить выбор на нем.

Фланд не вполне понимал, вернули ли ему свободу, но выяснять это, задавая прямые вопросы, не стал. Он обращался к Конану по имени, не прибавляя «господин», и, поскольку киммериец не возражал, здорово приободрился.

Конан действительно не хотел оставлять кущитов в рабстве. Он предвидел некоторые возражения со стороны команды, однако не сомневался, что преодолеет сопротивление своих людей. В конце концов, из кущитов получатся отличные моряки. Конану доводилось плавать с чернокожими, и варвар успел оценить их силу и способность быстро учиться.

В Мессантии, не задерживаясь для того, чтобы поглязеть на чудеса, выставленные на рынках, ким-

мериец сразу нырнул в самую зловонную и темную дыру из всех возможных. Впрочем, над лазом в эту дыру красовалась вывеска, призванная вводить в заблуждение добрых людей и убеждать их в том, что перед ними — таверна, где можно выпить недурное пиво.

Гжегош последовал за своим капитаном не без опаски. Уроженцу степей, ему не нравились такие тесные и темные места. Он чувствовал себя в них как в ловушке. Что касается Фланда, то кушит шел за Конаном доверчиво и спокойно. Он не сомневался в том, что капитан выведет их из любой ловушки, где бы они ни очутились.

Оказалось, что в таверне Конана хорошо знали. Сам хозяин, пришурившись и рассмотрев в новом посетителе давнего знакомца, устремился к нему на встречу. Они обнялись. Жирная лапа хозяина гулко похлопала киммерийца по лопаткам.

— Надолго в Мессантию? — пророкотал он. — Впрочем, не отвечай. Я и сам знаю, что на пару дней. Ну, садись, заказывай. Что будешь пить? Это твои друзья? Что будут пить они? И, кстати, есть ли у тебя деньги, чтобы расплатиться?

Конан засмеялся.

— Деньги есть, не сомневайся. Неси пиво на всех. Хозяин прищурился.

— А этот черномазый — тоже с тобой?

— Да.

— Черномазому здесь нельзя.

— Брось ты, он мне прислуживает.

— А, — хозяин почесал бровь, — ну тогда ладно. Пусть сидит на полу. И тихо!

— Странно, что ты сделался таким ненавистником черномазых, — заметил Конан.

— Ну, иногда приходится... Здесь бывает приличная публика. Такие люди, которым не нравится, когда черно...

— Ясно, — перебил Конан. — А вот еще одна странность: что ты называешь эту публику приличной...

Хозяин добродушно засмеялся.

— Ну, не варвару-киммерийцу учить меня, какая публика является приличной...

Фланд уселся на пол, как ему и было приказано.

— Нам нужно кое-что выяснить, — сказал Конан. — И потом мы отсюда уйдем. Нехорошие вещи творятся поблизости. Я это шкурой ощущаю. А шкура у меня хоть и варварская и дубленая, но крайне чувствительная.

Хозяин притащил один кувшин пива на всех, придирчиво осмотрел монету, которую подал ему Конан. Киммериец хлопнул ладонью по скамье рядом с собой.

— Садись, поболтаем.

Хозяин охотно присел на кончик скамьи.

— У меня времени нет — рассиживаться да болтать, — предупредил он, наливая себе в кружку Конана.

— Ничего, я не займу тебя надолго, — утешил его варвар. — Так, пару сплетен узнать.

Хозяин выпил одним махом сразу половину кружки.

— Слушаю тебя, Конан.

— Эдред, — сказал Конан и посмотрел на хозяина в упор.

Тот покачал головой.

— Впервые слышу это имя.

— Да брось ты! — развязно произнес Конан. — Конечно, ты его знаешь. Наверняка он сюда заглядывал. Это капитан одной галеры. Эдред Удачливый. Моряк, которому всегда везло. У него была знаменитая команда — отважные ребята, как на подбор. Ну, вспоминай!

— А, Эдред, — протянул хозяин. — Да, я его знаю. Конечно, знаю. Так бы сразу и сказал — Эдред Удачливый. И команда у него приметная, ему все завидовали. Хотя для меня от его команды толку мало — они ведь пива не пили, вино брали только разбавленное, так, чуть-чуть, да и ели немного. У Эдреда есть дом в Мессантии. Домоправитель — такой же жулик и пират, как и сам хозяин.

Конан насторожился.

— Почему ты называешь его жуликом?

— Да как еще его называть! — воскликнул хозяин. — История, что называется, гнусная. Пока Эдред в море, этот его «управитель» чем только в городе не занимается! Продает одни вещи, покупает другие, и уж наверняка всегда с выгодой для себя. А тут затеял новую сделку... Одним словом, ему все завидуют. Даже я.

— Расскажи, — попросил Конан, подливая ему еще пива из своего кувшина.

Хозяин покосился на киммерийца.

— Учти, это твое пиво, Конан. Я за него платить не буду.

— Конечно, нет, — поспешил успокоить его киммериец. — Я ведь тебя угощаю. К тому же я заплатил за выпивку, помнишь?

— Деньги не верну, — предупредил хозяин.

— Зачем тебе возвращать эти деньги? Они — твои. Ну так что за сделку заключил домоправитель Эдреда?

— Хозяин оставил ему рабыню. Сам-то я ее не видел, но кое-кто встречался с ней на рынках. Она всегда ходит с этим самым домоправителем. И кутается в длинный плащ, а лицо скрывает вуалью. Но ни плащ, ни вуаль не в состоянии скрыть то, что так и бросается в глаза.

— Она калека? — спросил Конан.

— Калека! Скажешь тоже! — хозяин оглушительно расхохотался. — Всем бы быть такими калеками — эдак и несчастий на земле бы не осталось. Нет, она красавица, точно тебе говорю. У работорговцев глаз опытный, они сразу это приметили. Понходка, осанка, особенные ужимки... Так держится только красавица. Словом, стало нам любопытно...

— Как? — с деланным удивлением воскликнул киммериец. — Ты в этом тоже участвовал, старый пройдоха?

— Ну конечно, — отозвался тот, скаля зубы. —

Куда же без меня! Подстроили мы этой красотке ловушку. Как пошла она на рынок, мы ее выследили. Был с нами один смышленый малый, мастер рыбу бить острогой. У него рука твердая и глаз верный. Он крюком зацепил ее одежду, дернул — р-раз! — и вот уже девица стоит без плаща и вуали, в одном только платье и с распущенными волосами.

Он зажмурился и покрутил головой.

— Хороша! Очень хороша! Но мы представили ей дело так, что, мол, обычное уличное хулиганство. Вроде — грабеж. Она, кажется, поверила. Бедняжка. Она ведь сама не догадывается, какие покупатели на ее красоту нашлись.

Гжегош скрипнул зубами, но Конан властным взглядом велел ему молчать и просто слушать. Как ни странно, молодой человек повиновался.

Конан кивнул своему собеседнику.

— Кажется, сейчас я слышу именно то, что хотел услышать... Продолжай, прошу тебя. У меня при себе еще пара серебряных монет и есть красивое колечко с изумрудом.

— Колечко? — хозяин изобразил на физиономии величайшее презрение. — Одно колечко с изумрудом! Да эта девушка стоит целого царства!

— Я ведь не девушку хочу купить, а разговоры о ней, — напомнил Конан. — Не подменяй мне товар и не лей воды в мое пиво, я умею различать истинное от поддельного.

— Твоя правда, Конан, — вздохнул хозяин и ловко прибрал несколько монет, выложенных кимме-

рийцем на стол. — У домоправителя состоялся интересный разговор с одним дельцом. Я об этом знаю потому, что разговор проходил как раз здесь, за этим самым столом, где ты теперь сидишь. — Он мельком глянул на Гжегоша и кивнул ему, как бы показывая, что не забыл, сколько у него посетителей на самом деле. — Ну, я даром времений не терял, околачивался возле соседнего столика и все слышал.

— О чём они говорили? — продолжал Конан, вытаскивая из-за пазухи маленький сверток и вынимая из него изумрудное колечко. Киммериец зажал колечко в пальцах и поднес к свету. Лучик, чудом проникший в это закопченное темное помещение, заиграл на ярко-зеленом камне.

Как завороженный, хозяин смотрел на этот огонек.

— О чём говорили? Сперва о разной мелочи, вроде здоровья, погоды...

— Ай-ай, — проговорил Конан, сжимая пальцы и пряча колечко в кулаке. — Какие скучные они вели разговоры...

— Они говорили о девушке. Знаешь маркиза Синрика с острова Илей?

Конан неопределенно пожал плечами.

— Мой приятель, — он показал на Гжегоша, — плохо разбирается в здешних островах. Он с моря Вилайет.

— Вот оно что! — Хозяин, прищурившись, пристально уставился на Гжегоша. Конан недвусмысленно дал ему понять, что на парня следует обра-

тить внимание. — Что ж, дружок, остров Илейв — это маленький островок, скорее — голая скала, севернее острова Фоморов. Земля эта принадлежала роду маркиза Синрика много лет. С тех самых пор, как предок нашего маркиза, Синрик-Мореплаватель, разбился возле этого самого острова и там и остался. Он уцелел единственный из всей команды и в полном одиночестве прожил на островке несколько лун, прежде чем его нашли. И поскольку островок никому не принадлежал, Синрик заявил свои права на него. Мол, он это право выстрадал — и все такое. Несколько поколений никто не жил на этих соленых скалах, но теперешний маркиз Синрик изменил ситуацию. Он выстроил там замок...

— Замок? — удивился Конан. — Для чего?

— Чтобы жить, — объяснил хозяин. — Я ведь там не был, так что не пытай меня! Все равно больше, чем знаю, рассказать не смогу. У Синрика там жилище, говорю тебе. И не простое. Говорят, он там развлекается с женщинами... А что ему? Он достаточно богат, чтобы каждую луну покупать себе новую рабыню.

— Сколько же там у него рабынь? — изумился Конан.

— Этого никто не знает, но вряд ли много, — был хладнокровный ответ. — Потому что нрав у маркиза капризный и переменчивый. Сегодня одна девочка, завтра — другая. Это и в одежде проявляется, кстати, можно проследить... Сегодня на нем красный бархат, завтра — синий шелк, сегодня он

одет как бродяга, завтра — как принц какой-нибудь... Говорят, он даже переодевается женщиной, когда ему взбредет такая фантазия.

— Убийцы, которые переодеваются женщинами, — самые опасные субъекты, если не считать демонов, — заявил Конан.

— Заметь, киммериец, здесь никто не говорит об убийствах, — возразил хозяин трактира. — Я рассказываю лишь то, о чем слышал собственными ушами. Домоправитель Эдреда вознамерился продать рабыню своего хозяина этому самому маркизу. А что? Эдред в море. Когда он вернется и спросит о девушке, ничего не стоит рассказать байку о том, что она, дескать, умерла. Эдред поверит. Он глуп и легковерен. Если домоправитель покажет ему могилу, Эдред будет носить туда цветы, молоко и мед для жертвенных возлияний, и ему в голову не придет проверить — похоронен в этой могиле хоть кто-то или нет! Старикан домоправитель обманывает своего глупого хозяина, сколько я их обоих помню. Вероятно, в этом и заключается секрет их дружеского взаимопонимания: один врет, а другой про это не знает.

— Стало быть, эту девицу домоправитель спроворил Синрику с острова Илейв? — уточнил Конан.

— Да.

— Сделка состоялась?

— По слухам, Синрик собирается увезти свою новую игрушку на остров. Если только он уже ее не увез.

Гжегош тихо застонал сквозь зубы. Он едва мог владеть собой. Опять Ксану увезли у него из-под носа! Ему вдруг показалось, что он вечно будет гнаться за нею, обреченный на это безнадежное преследование до конца дней своих.

Конан, впрочем, не разделял его настроения. Всего лишь еще одна преграда! Киммериец увидел в ней лишний повод не отступать. Судьба, кажется, вздумала бросить вызов Конану-варвару? Как бы ей, судьбе, не пожалеть о своей неосмотрительности! До сих пор Конан всегда одерживал верх...

Колечко выпало из руки киммерийца и улеглось на столе. Хозяин уставился на изумруд жадным взглядом, однако хватать кольцо не спешил. Знал, что Конан успеет его опередить. Нужно было ждать дозволения.

И он знал, что получит это дозволение.

— Стало быть, тебе неизвестно, где именно сейчас находится девушка, — спокойно уточнил Конан.

Гжегош с трудом переводил дыхание. Ему казалось, что он находится в темной, тесной яме, в преисподней, где дымно и чадно. Сюда нет доступа солнечному свету, и человеческая радость никогда не переступит этого порога.

А Конан продолжал свои разговоры с гнусным типом — как ни в чем не бывало:

— Но если ты не знаешь, где она находится, — что толку в твоих откровениях...

Он накрыл колечко ладонью. Хозяин забеспокоился:

— Эй, погоди! Я же рассказал тебе про девчонку все, что знал! Тебе теперь известно, кому она принадлежит и где ее, в случае чего, следует искать.

— На острове Илей? — прищурился Конан.

— Или в доме Эдреда, если Синрик еще не забрал ее, — уточнил хозяин. — Вы легко отыщете этот дом...

Он начал перечислять приметы, по которым даже совершенно чужой в Мессантии человек, как полагал хозяин, без всякого труда найдет дом Эдреда: пивная с кривыми ставнями — от нее налево — далее зеленая лавка с одноглазой хозяйкой — от нее направо, по переулку вверх, мимо дома с цветником, там еще хозяйка горбатая... и так далее, так что в конце концов Гжегошу стало казаться, будто в Мессантии живут сплошь кривые, одноглазые и горбатые, не говоря уж о хромых и одноруких.

Конану, очевидно, был известен этот специфический взгляд хозяина на людей и дома. Киммериец слушал его описание совершенно невозмутимо. А как еще можно смотреть на вещи, если сидишь на пороге преисподней?

Колечко осталось у хозяина, а трое спутников выбрались из кабака и остановились, прислонившись к стене и моргая, не в силах сразу приноровиться к яркому солнечному свету. Попутно выяснилось, что, пока оба белых посетителя вели беседы с хозяином, их черный собрат, сидевший на полу, ухитрился выпить все пиво, до какого только дотянулся. Теперь по лоснящейся физиономии Фланда

гуляла счастливая улыбка, в то время как Гжегош выглядел несчастным, а Конан — озабоченным.

— Попробуем отыскать этот проклятый дом до заката, — предложил запорожец. — В темноте, боюсь, нам ни почем не разглядеть всех этих кривых и горбатых.

— Ты прав, — неожиданно для парня согласился с ним Конан. — Найдем его поскорее и засядем где-нибудь поблизости. Может быть, нам повезет, и мы увидим, как девушку оттуда выводят. Тогда останется только перебить всех и забрать ее... Пустяковое дело.

Гжегош покосился на киммерийца, но промолчал. Конан знал, что происходит у него в душе, и дружески добавил:

— Ты ведь не думаешь, что за купленной рабыней Синрик отправит целую армию? Он считает, что довольно будет пары слуг да телохранителя, а с такой охраной мы разделяемся в два счета.

Гжегош просветлел лицом и улыбнулся. Впервые за все это горькое время он начал по-настоящему верить в успех.

Небольшой дом Эдреда показался Конану до странности непохожим на владельца. Обычно дома приобретают некоторое сходство с теми, кто в них живет. У хвастуна и фасад жилища раскрашен в яркие цвета, у неряхи дом заляпан пятнами грязи, у

скупердяя все выкрашено темной краской и нет никаких украшений...

Дом Эдреда ничем не напоминал самого Эдреда. Это было скромное на вид, уютное, хорошо обустроенное жилище. И еще этот дом так и призывал оставаться в своих стенах навсегда, расположиться со всем своим скарбом и в тишине и спокойствии ожидать прихода старости.

Когда Конан поделился этими соображениями с Гжегошем, молодой человек только пожал плечами.

— Но ведь Эдред почти не живет здесь, — заметил он. — Домом занимается его управляющий... домоправитель... Как там этого прохвоста называют! А он — старик и любит комфорт.

— Кажется, ты не так глуп, как я боялся, — ответил Конан. — Что ж, это приятное открытие.

Они втроем сидели у стены соседнего строения, полуобвалившейся хижины, и изображали двух чужаков, у которых нет ни гроша, чтобы переночевать в гостинице. Так, отдыхали и глазели по сторонам. На них обратят внимание только через три-четыре колокола, не раньше. А то и вовсе пройдут мимо.

Потому как подавать таким милостыню в подобных кварталах не любят — жители считают себя недостаточно богатыми для благотворительности. А гнать с насиженного места такого здоровенного детину, каким был киммериец, — себе дороже. Детина-то может и рассвирепеть.

Нет уж, пусть себе сидит, коль никого не трогает и драк не затевает.

Конан неустанно наблюдал за домом, а Жегош места себе не находил от беспокойства. Что касается Фланда, то чернокожий кушит преспокойно заснул, свесив голову на грудь.

— Пока никакого движения в доме, — сказал Жегош после долгого молчания.

— Я заметил, — коротко откликнулся Конан.

— Может быть, ее там уже нет?

— Подождем до темноты.

— А дальше?

— Как только солнце сядет, заберемся внутрь.

— Как? — удивился Жегош. — Ворота закрыты, дверь прочная. Не будем же мы ломать дверь!

— Зачем ее ломать, когда можно просто открыть? — Конан пожал плечами. — Люди часто совершают эту ошибку. Пытаются отобрать то, что можно попросить добром.

— А ты сумеешь... — начал было Жегош, но осекся.

Конан хмыкнул.

— Второго такого вора, как я, еще поискать! Ты мало обо мне знаешь, парень, и в этом, быть может, твое счастье...

Они помолчали еще некоторое время. Затем, в такой же тишине, съели имевшиеся у них припасы: кусок лепешки, немного вяленой рыбы и мятую гроздь винограда.

Темнело мучительно медленно, но затем Мессантия сразу, в мгновение ока, погрузилась во мрак.

Конан поднялся с места и огляделся. Никого и

ничего. Переулок пуст, с далекой площади не доносится ни звука. Конан наклонился к Фланду, тряхнул его за плечо. Тот распахнул огромные черные глаза.

— Мы сейчас пойдем в дом, — сказал ему киммериец, наклонившись к самому его уху. — Жди нас тут. Если увидишь, что мы выбегаем, и за нами погоня, поддержи нас, понял? Не бросайся бежать.

— Я не трус, — с достоинством ответил негр.

— Я просто объясняю тебе, как поступить, чтобы ты в случае чего не растерялся, — невозмутимо пояснил киммериец.

Фланд кивнул. Крадучись, варвар приблизился к двери. Жегош наблюдал за ним издалека. Крупный, массивный, киммериец, тем не менее, двигался с грацией дикой кошки, а шаги его были совершенно беззвучны.

Конан уже ощупывал руками дверь, выискивая «слабое место» у замка. До Жегоша донесся тихий удовлетворенный смешок, затем — едва различимый скрип. Дверь отворилась.

Молодой человек сорвался со своего «насеста» и метнулся к двери.

— Тише, — зашипел киммериец. — Всех окрестных кошек распугаешь.

Жегош замер.

И неожиданно он ощущил, как киммериец больно стискивает его пальцы.

— В доме кто-то есть! — прошептал Конан.

— Домоправитель?

— Нет, кто-то посторонний... Дышат испуганно...
Неужели не слышишь?

Запорожец поразился тому, какой у варвара тонкий слух. Сам он различал только собственное дыхание, да еще изредка — дыхание Конана.

— Вот, опять!.. Мы не одни сюда забрались, Гже-гош. История становится все более интересной.

— Идем. — Молодой человек решительно двинулся вперед. — Мы теряем время.

— Ты видишь в темноте? — спросил Конан.

— Нет.

— В таком случае я пойду первым. Следуй за мной, шаг в шаг. Будь внимателен и не натыкайся на мебель, а паче остального — постарайся не ронять медные кувшины и другие гремучие предметы.

Наделенный умением видеть в темноте почти так же хорошо, как днем, киммериец скользнул в комнату. Они миновали два жилых помещения, затем вышли во внутренний дворик. Здесь было светлее. Луна еще не взошла, звезды горели тускло, озаряя маленький фонтан и открытые входы в комнаты слабым сиянием.

— Мы можем осмотреться прямо здесь, — прошептал Конан.

Гже-гош оглядывался по сторонам, пытаясь угадать, в какой из комнат живет — или жила — его ненаглядная Ксана.

— Вон там! — вдруг сказал он, показывая на одну из них.

Киммериец резко обернулся.

— Где?

— Она спала в той комнате. Видишь? Постель придвигнута к самому выходу. Ксана, как и все мы, ненавидит тесноту. Она любит степь. Любит, чтобы везде был воздух, простор.

— Боги, да ты просто герой, если решился жить на корабле и ночевать в каюте! — с легкой иронией заметил киммериец.

— Честно говоря, да, — кивнул Гже-гош. — Мне сильно не по душе мое нынешнее жилище, но тут уж ничего не поделаешь...

— Надеюсь, ты правильно угадал комнату, — сказал Конан. — Но, по-моему, она пуста, и...

Дикий крик разрезал тишину. Кто-то лохматый, в развевающемся плаще, прыгнул на середину двора. В тусклом свете звезд блеснуло лезвие меча, занесенного над головой.

От неожиданности Гже-гош замер на месте. Но киммериец выхватил меч, который носил за спиной, и отразил первый выпад неприятеля.

— Защищайся, Гже-гош! — крикнул Конан, пробуждая своего спутника от оцепенения.

Спина к спине они приготовились биться с неведомым врагом не на жизнь, а на смерть. Со всех сторон на них налетали бесшумные тени в косматых плащах. И все они, казалось, были одержимы одной-единственной мыслью: уничтожить обоих дерзких пришельцев.

— Сколько же их тут? — выкрикнул, задыхаясь, Гже-гош.

— Сколько бы ни было, отбивайся! — ответил киммериец. — Отбивайся любой ценой! Бейся! Не дай им зацепить тебя!

С громким боевым кличем «Ксана!» Гжегош опустил клинок на голову ближайшего врага. Брызнула кровь. По-прежнему безмолвный, он упал на землю к ногам запорожца.

Конан нанес неотразимый рубящий удар и рассек другого нападавшего наискось, отрубив ему руку и часть плеча. Душный ночной воздух наполнился новым запахом — запахом крови.

— Я задержу их, — сказал своему соратнику Конан, — их, кажется, всего шестеро... Беги, ищи Ксану! Дом небольшой, успеешь вернуться, пока я раздеваюсь с двумя-тремя! Половина твоя, учти, так что возвращайся быстрее.

Гжегош рубанул еще несколько раз, прежде чем увернуться от очередного неприятеля и броситься бежать. Один из атакующих погнался за ним, но Гжегош обернулся и на бегу ударили того мечом. Он целил в шею, но попал по руке врага. С громким яростным воем тот упал и покатился по земле, пока не очутился на пороге комнаты.

Гжегош влетел в то помещение, которое, как ему показалось, занимала Ксана. Он отчаянно всматривался в темноту, но ничего вокруг себя не видел.

— Ксана! — закричал Гжегош. — Это я, Гжегош! Отзовись, Ксана! Пожалуйста, отзовись! Тебе нечего бояться, я пришел за тобой. Я заберу тебя домой, Ксана!

Ответа не было.

Он метался по комнате, ощупывая вещи. Теперь ему казалось, будто он знает эту комнату очень давно, будто провел здесь много зим. Все здесь лежало на своих местах: подушки, сосуды, коробочки с украшениями, даже одежда. Не было только самой Ксаны...

Завывая от горя, он выскочил в другое помещение, и неожиданно из темноты на него набросился кто-то незримый. Гжегош ощутил удар клинка по предплечью, а затем — холод и жгучую боль одновременно. Он вскрикнул и вслепую нанес несколько ударов ножом, который держал в левой руке. Невидимый враг с глухим стоном отскочил в сторону. Но он явно не собирался сдаваться.

Со стороны дворика доносился боевой клич киммерийца: «Кром!» — и звон мечей. Конан продолжал сражаться. Неизвестно, сколько врагов сейчас находится в доме. И где же сам домоправитель?

Ответ на этот вопрос Гжегош получил почти тотчас же. Внезапно вспыхнул тусклый свет масляной лампы. Кто ее зажег — осталось неизвестным. После совершенной темноты этот жалкий огонек показался невероятно ярким.

И первое, что он выхватил из темноты, был труп старика со свернутой шеей. Чересчур хозяйственный домоправитель завершил свой жизненный путь.

Гжегош в ужасе отшатнулся. Ему почудилось, будто мертвец следит за ним внимательными злыми глазами.

С потолочной балки на запорожца прыгнул еще один недруг. Гжегош краем глаза уловил движение и в последний миг успел отскочить в сторону, так что прыжок, который должен был сломать ему шею, завершился ничем. Враг пружинисто приземлился в двух шагах от молодого запорожца и выхватил длинный кинжал.

Гжегош хорошо видел его лицо, смуглое, с тонкими правильными чертами. Негодяй смотрел на Гжегоша с равнодушием, которое было куда хуже злобы: он не видел перед собою человека, равное себе существо, он видел лишь добычу, предмет, который ему приказали уничтожить...

Гжегош отступил еще на пару шагов и зацепил лампу. Она опрокинулась, горящее масло разлилось. Вспыхнуло сразу несколько занавесок.

Враг приподнял верхнюю губу, как это делает тигр, собираясь зарычать, и испустил сдавленное шипение. Гжегош набросился на него с мечом в руке. Он пытался нанести удар — то мечом, то ножом, но незнакомец легко уклонялся. И с каждым новым выпадом Гжегош заходил все глубже в дом.

Внезапно его недруг исчез. Гжегош ощутил, что находится совершенно один, в темноте, запертый в незнакомом доме.

Поблизости гудело пламя.

Стало жарко. Гжегош бросился к выходу — но не мог отыскать его. Ему оставался один путь — во внутренний дворик, где, вероятно, до сих пор сражается Конан. Нужно вернуться и помочь Конану, би-

лась в голове молодого человека одна-единственная мысль.

Он отдернул штору, и пламя с торжествующим ревом бросилось ему навстречу...

* * *

Гжегош открыл глаза. Еще не рассвело, воздух был полон ночной прохлады. Молодой человек лежал на земле и наслаждался покоем. Каждый вдох приносил ему ни с чем не сравнимую радость.

Затем недавние события промелькнули у него в голове. Он с ужасом вскочил.

— Конан! — крикнул он.

— Я здесь, — донесся до него голос варвара.

— И я тоже, — добавил Фландр, сияя белозубой улыбкой.

— У нас есть вода? — прошептал Гжегош.

Фландр сунул ему флягу.

— Где мы?

— В порту Мессантии, — ответил кушит. — Ты лежишь на пирсе, если говорить более определенно.

— Что произошло?

... Когда дом вспыхнул, Конан как раз убивал своего пятого противника. Шестой уже выискивал способы для отступления. В маленьком дворике путь ко спасению лежал только через комнаты. Поэтому человек в плаще повернулся к киммерийцу спиной и что есть силы побежал к жилым помещениям. Но он опоздал. Брошенный Конаном нож с

пугающей меткостью угодил ему между лопаток. Человек взметнул руки, словно молил о помощи каких-то беспощадных богов, и рухнул лицом вниз. Киммериец даже не посмотрел в его сторону.

Он повернулся в сторону пожара. Охваченный пламенем, дом корчился и исчезал прямо на глазах.

И где бы ни находилась сейчас Ксана, Конан точно знал одно: Гжегош — там, внутри.

— Кром! — взревел киммериец и бросился прямо в огонь.

Он намотал плащ себе на лицо и промчался сквозь пламя, буянившее на пороге. Внутри было жарко, зловещий багровый свет бродил по комнатам, искашая их и превращая в настоящее предврение ада.

Каждая вещь обладала теперь огромной подвижной тенью, так что сама она терялась на фоне этой тени, и очертания ее совершенно смазывались, утрачивали определенность.

Конан обнаружил Гжегоша лежащим на полу. Прямо на горле молодого запорожца лежала рука убитого им незнакомца в плаще. Ударом ноги Конан отшвырнул труп врага и подхватил Гжегоша на руки. У варвара не было времени проверять, дышит ли тот. Все вокруг затягивал дым, так что киммериец хрипело закашлялся.

Перебросив бесчувственное тело парня через плечо, Конан побежал к выходу. Проскочить сквозь огонь теперь уже не получится — пожар охватил большую часть здания. Поэтому пришлось рискнуть и

выйти прямо на улицу, хотя там уже наверняка бегают соседи с ведрами и бочками, в попытках загасить пожар, пока он не перебросился на ближайшие дома.

Конан понадеялся на то, что ему не станут задавать вопросов. Почему, дескать, какие-то закопченные, покрытые кровью незнакомцы высекакивают из чужого жилища поздно ночью, точно тараканы, которых потревожила бдительная домохозяйка? Уж не воры ли это?

Конан толкнул дверь плечом и вылетел наружу. Улица действительно была запруженна народом, но поглощенные тушением пожара люди почти не обратили внимания на чужаков. Один или двое бросили на Конана подозрительные взгляды, однако останавливать его и задавать вопросы не стали. Фланд бежал навстречу киммерийцу с бочкой воды на плече. Он лихо выплеснул воду в огонь, поставил бочку рядом и обратился к Конану:

— Нашли девицу?

Киммериец кивнул на потерявшего сознание Гжегоша:

— По-твоему, это похоже на девицу?

Фланд поразмыслил мгновение, затем кинул головой.

— Нет. Это — Гжегош. Он не девица.

— Однозначно, — согласился Конан. — Бежим отсюда, пока к нам не начали цепляться.

— Что там происходило? — спросил опять Фланд. — Сперва было так тихо, а потом вдруг сразу пожар!

- Впечатляющая картинка?
- Очень, — признал Фланд.

И в этот миг с чудовищным грохотом обрушилась кровля горящего дома. Из вихря пламени к небу поднялся оранжевый столб, и до слуха киммерийца донесся отдаленный хохот. Кто-то незримый потешался над людским горем.

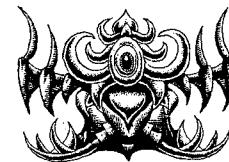
И хотя смех этот долетал из невообразимой дали, чуткое ухо варвара его улавливало. Конан не сомневался в том, что слышит его. Более того, он был уверен: если бы Гжегош был сейчас в сознании, он сразу вспомнил бы свои странные «встречи» в степи с этим невидимым существом.

Кто оно?

Кем бы оно ни было, ясно одно: рано или поздно киммерийцу придется вступить с ним в схватку.

Беглецы припустили по переулку. Конана беспокоил его молодой спутник. Гжегош по-прежнему не подавал признаков жизни. Но Конан не останавливался, пока они не очутились в порту.

Там они уложили парня на пирс и устроились рядом в надежде, что покой и свежий воздух сделают свое дело и вернут Гжегоша к жизни.

Глава седьмая

Сделка с неудачником

Диармайд сидел в своем особняке в одном из лучших кварталов Мессантии и отчаянно проклинал тот день, когда пьяная мать породила его на свет. Несколько зим кряду ему не везло, но чтобы так не повезло, как нынче, — это нужно постараться! Необходимы совместные усилия озлобленных богов, раздраженных демонов, неудачного расположения небесных светил и прочих факторов, не говоря уж об извечной людской подлости!

Много зим Диармайд занимался почтенным делом. Он торговал рабами. Ему привозили товар из Черных Королевств. Хороший товар, никто прежде не жаловался.

А потом начались несчастья. Сперва — большой побег: удрало сразу пятнадцать человек из ста. Это нанесло ущерб не столько казне Диармайда, сколько его репутации. Поэтому он потратил некоторое время, чтобы изловить беглецов, однако успеха практически не добился. Ему в руки попал единственный.

И уж этого единственного Диармайд заставил ответить за всех! Когда то немногое, что осталось от тела казненного, было брошено в рабские бараки, даже видавшие виды надсмотрщики испытали настоящий ужас.

А потом началась эпидемия. Умерло несколько сотен рабов. Диармайд поспешил увезти оставшихся и быстро распродал их в Аргосе. Лучше бы он этого не делал.

Теперь каждая вспышка заболеваний среди рабов в Аргосе и Зингаре приписывалась недобросовестности Диармайда. Он перестал получать заказы. Поставщики и клиенты наотрез отказались иметь с ним дело.

В сорок пять зим Диармайд выглядел дряхлым стариком. Он утратил все, что имел, и сейчас, не предпринимая больше никаких усилий для того, чтобы поправить положение дел, проживал последние оставшиеся у него деньги.

Вот к этому-то человеку Конан и обратился за помощью. На сей раз Фланд остался в порту, ибо тащить с собой чернокожего к бывшему торговцу черными рабами киммериец не собирался. Это могло вызвать лишнее напряжение, а Конану требовался Диармайд разговорчивый и, главное, расслабленный.

Гжегош не отходил от своего капитана ни на шаг. Он свято верил в то, что киммериец отыщет Ксану. Эта вера блестела в глазах молодого человека, постоянно устремленных на Конана, — и немало раздражала самого Конана. Однако до поры киммериец

сдерживался. Его не столько беспокоила участь влюбленных, сколько тревожило то самое существо, которое имело обыкновение хохотать над человеческими несчастьями. По всей вероятности, оно обитает где-то неподалеку, и следует ожидать его нападения в ближайшее же время.

— Какой красивый квартал! — заметил Гжегош, когда они с Конаном шагали по направлению к жилищу Диармайда.

— Да, здесь живут только богатые люди, — согласился Конан.

— Дело не в том, что они богаты, а в том, как красивы их дома! — пояснил молодой человек. Он вдруг вспомнил своего нанимателя-бритунца, способного подолгу разглагольствовать о сущности прекрасного. — Красота хрупка и бесполезна, в этом ее смысл и назначение.

— Глупости, — отрезал Конан. — Красоту можно усмотреть и в прочных фортификациях, между прочим. Потом, когда мы разберемся с этим маркизом, купившим твою Ксану, потолкуем еще на эту тему. Может быть, найдем время поглядеть на прочные фортификации. Не люблю голословных рассуждений.

Гжегош поперхнулся, услыхав такие речи от варвара. Пожалуй, в споре с аристократом-бритунцем киммериец вполне мог бы взять верх!

Они остановились перед зданием, по фасаду которого летели драконы, искусно нарисованные на цветных плитках.

— Вот это — дом того неудачника, о котором ты говорил? — изумленно спросил Гжегош.

— Вот именно. — Конан толкнул дверь, которая оказалась открытой, и они вошли внутрь.

Мягкий солнечный свет лился в просторный зал через окна. Ни души не было возле двери. В доме царила тишина — слуг здесь явно не оставалось. Об этом же обстоятельстве свидетельствовал и толстый слой пыли, лежащий на полу и всех выступах стены, облицованной мрамором. Ни ковров, ни украшений, ни мебели. Голые стены — везде, в какую комнату ни загляни.

— Странное место, — прошептал Гжегош и испуганно съежился: эхо подхватило тихий звук его голоса и разнесло по всему дому.

— Здесь пустынно, как в склепе, — отозвался Конан.

— Но даже в склепе имеются свои обитатели, прошу этого не забывать, — послышался скрипучий голос, и хозяин дома собственной персоной предстал перед гостями.

Диармайд был невысокого роста, щуплый, как подросток, со сморщенным старческим лицом и сухими серыми волосами. Глядя на него, никогда бы не подумалось, что это — человек, которого боялись и ненавидели сотни рабов, купец, которому завидовали десятки его «собратьев» по ремеслу. Сейчас он выглядел жалким и раздавленным.

— Кто вы такие? — снова задребезжал его голос.

Конан преспокойно уселся на пол, скрестив ноги,

как часто сиживал на голой земле. Гжегош не решался последовать его примеру и остановился рядом со своим капитаном. Он пристально смотрел в лицо Диармайду, словно пытался прочитать там ответ на все невысказанные вопросы.

— Меня зовут Конан из Киммерии, — представился варвар. — А это — мой друг. Можешь называть его Гжегош.

Диармайд поморщился.

— Я не даю себе труда запоминать подобные имена, — сообщил он. — Язык сломаешь.

Гжегош вспыхнул, а Конан громко рассмеялся.

— Мне нравятся люди, которые ни при каких обстоятельствах не утрачивают чувства юмора, — сообщил он. — Кажется, вас постигло разорение?

— Можно назвать и так, — буркнул Диармайд. — Я уже не надеюсь поправить дела. Продал всю мебель, как видите, всех слуг, даже шкатулки, не говоря уж о хранившихся в них ценностях.

— Ваша репутация известна, — сказал Конан. — О вас говорят, будто вы из тех, кто способен продать даже деньги.

Диармайд молчал несколько мгновений, осваиваясь с услышанным, а затем громко расхохотался.

— Вы мне положительно по сердцу! — объявил он. — Давно уже никто не пытался меня смешить.

— Я не пытаюсь, — сказал Конан, изображая удивление. — Стану я тратить время на ерунду!

— Ладно, — Диармайд качнул головой. — Пожалуй, я выполню вашу просьбу.

— Между прочим, я вас еще ни о чем не просил, — заметил Конан.

Гхегош нахмурился. Он не понимал, почему киммериец так дружески и весело общается с таким отвратительным типом, как Диармайд.

Если хотя бы половина того, что рассказывали про старого работорговца, — правда, то единственное, чего тот заслужил, — это мучительной и медленной смерти.

Впрочем, Конана, похоже, подобные соображения совершенно не интересовали.

— Впрочем, — продолжал киммериец, обращаясь к Диармайду, — пожалуй, если вы так настаиваете, я кое-о чём вас все-таки попрошу.

— За деньги, разумеется, — быстро добавил Диармайд.

— На что вам деньги? Вы все равно разорены, и ничтожная сумма, которую я вам, может быть, дам, никак не исправит положения дел.

— Зато она немного отсрочит мою агонию, — объяснил Диармайд. — Мне не хочется умирать.

— А придется, — пробормотал Гхегош.

Дiarмайд, против ожиданий, услышал эти слова — как ни тихо говорил Гхегош. Старый работорговец удостоил парня злого взгляда, а затем обратился к Конану:

— Пусть этот мерзавец покинет мой дом!

— О ком вы говорите? — удивился киммериец.

Дiarмайд указал на Гхегоша крючковатым пальцем:

— Вот о нем! Он — наглец, и я не потерплю его у себя в доме!

Конан удивленно уставился на своего спутника с таким видом, словно созерцал пустое пространство:

— Помилуйте, мой дорогой Диармайд! О ком вы говорите?

— О вашем приятеле. Вы же сами назвали мне его имя. Как там его — Гхегош?

— Я не говорил вам ни о каком приятеле, — заявил киммериец, изображая крайнее изумление. — Гхегош? Да какой матери придет в голову дать своему отпрыску подобное имя? Вы заблуждаетесь!.. Должно быть, вам мерещатся призраки. Итак, продолжим нашу дружескую беседу.

— Я ни слова больше не скажу, пока этот, как вы говорите, «призрак» стоит здесь и нагло глядит мне в глаза! — отрезал Диармайд.

— Ну хорошо, хорошо, — молвил Конан успокаивающим тоном, словно обращаясь к слабоумному, чье пожелание непременно следует выполнить, иначе он впадет в буйство. — Сейчас я прогоню его.

Киммериец несколько раз махнул рукой и замогильным тоном произнес:

— Сгинь, исчезни, Гхегош! Растворись! Вернись туда, откуда пришел!

Гхегош, разумеется, не сдвинулся с места. А Конан обратился к Диармайду с улыбкой:

— Ну вот, теперь он ушел. Его больше нет. Мы можем продолжать разговор, не так ли, мой добрый Диармайд?

— О чем вы толкуете, приятель? — Диармайд начал злиться. — Вы считаете меня безумным? Но вы заблуждаетесь! Я совершенно нормален, как и вы!

— Я ни в чем не сомневаюсь, — заверил его Конан. — Напротив, каждое ваше слово я считаю за истину.

К удивлению молодого запорожца, Диармайд сдался.

— Хорошо, — он пугливо покосился на Гжегоша, затем перевел взгляд обратно на киммерийца, — предположим, этот ваш спутник ушел.

— Конечно, ушел! — воскликнул Конан.

— Ладно, — Диармайд вздохнул. — Не знаю, кто из нас двоих безумен. Хочется думать, что вы. О чем вы хотели спросить? — И быстро добавил: — Но сначала деньги!

Конан протянул ему мешочек, где звякало пятнадцать серебряных монет.

Диармайд жадно схватил кошелек, дернул завязки и заглянул внутрь. Потом вздохнул и пожал плечами.

— Раньше мои услуги ценились дороже.

— Раньше и услуги были значительнее, — отрезал Конан. — Берите, не то передумаю.

— Нет! — Диармайд спрятал кошелек за пазухой. — Спрашивайте же!

— Синрик с острова Илейв, — сказал Конан.

Это имя произвело странное действие на старого работорговца. Тот отшатнулся и побледнел, губы его задрожали. Конан с интересом наблюдал за ним.

— Вижу, это имя вам знакомо, — заметил он.

— Более чем знакомо, — прошептал Диармайд. — Синрик с острова Илейв! Этот остров называют «Островом Жертвоприношений».

— Впервые слышу, — сказал Конан спокойно. — А почему?

— Несколько раз я поставлял Синрику партии рабынь, — не отвечая на вопрос, продолжал Диармайд. — Он был одним из лучших моих заказчиков. Раньше, давно. Пока несчастья не разорили меня. Он всегда выбирал самых красивых. Платил неплохо, хотя, конечно, не так щедро, как я заслуживал. Обычно я не интересуюсь судьбой девушек, которых продаю. Я всегда считал, что красота и навыки в любви служат им наилучшей защитой, даже в том полном превратностей мире, в котором они существуют. Но однажды... только однажды! — я нарушил собственное правило.

— Интересно было бы послушать, — вставил Конан.

Диармайд усмехнулся не без горечи.

— Услышите! Вот прямо сейчас и услышите. Я споткнулся об нее, когда она сидела на пороге моего дома. Вот этого самого дома. Я не узнал ее. Это была обезображенная шрамами отвратительная мегера. От ее былой прелести не осталось и следа. Если бы ее подвергли пыткам — она не была бы... такой. Но кто-то как будто нарочно стремился изувечить ее, изуродовать ее внешность, изменить ее до неузнаваемости. А когда-то это была красивая стройная де-

вушка, с гладкой черной кожей, большими влажными глазами и копной пушистых волос. Она и самому мне нравилась!

— Почему она пришла к вам?

— Хороший вопрос, и я, пожалуй, на него отвечу — только не считите за хвастовство, потому что это чистая правда. Я был ее единственным другом во всем белом свете. Понимаете? До какого отчаяния нужно было дойти, чтобы считать своим другом человека, который продал тебя в рабство! Но у нее действительно не имелось поблизости ни одного знакомого. Она назвала свое имя, напомнила мне о себе... В конце концов, я кое-что припомнил. Имя, некоторые обстоятельства. Да, это была та самая девушка. Ну и кроме того, скажу вам честно, — он ухмыльнулся, выставив испорченные зубы, — ни одна женщина, даже самая старая и уродливая, не приходила в этот дом по собственной воле. Всегда это были или шлюхи, или вот такие рабыни. А эта — явилась самостоятельно.

— Видать, здорово ей досталось, — вставил опять Конан.

Диармайд хмыкнул.

— Это точно. Она многое мне порассказала. Прото место, куда попала по моей милости. Илей — это небольшой скалистый островок севернее острова Фоморов. В ясную погоду крепость Синрика хорошо видна с его северной оконечности. Синрик привозит туда девушек и некоторое время проводит с ними, развлекаясь обычным способом, то есть в постели.

Иногда с одной, иногда с двумя или тремя. А потом начинаются пытки. В ход идут клещи и ножи, раскаленные прутья и бичи со свинцовыми шариками на конце. Потом настает черед более изощренных пыточных снарядов...

— Не нужно, — остановил Конан. — Я имею представление о подобных вещах. Дальше.

— Дальше? — Диармайд испустил странный квоктающий звук, похожий на хихиканье. — А дальше он брался за острый нож и начинал их увечить. При этом он взвывал к некоему демону, которого умилостивлял подобным способом.

Конан насторожился.

— К демону?

— Ну да, — сказал Диармайд, поежившись. — Я не слишком много расспрашивал ее об этом демоне, потому что, честно говоря, боюсь подобных разговоров. Меня пугает темнота. В темноте прячутся страшные лица.

— В том числе и твое, — пробормотал Гжегош.

Диармайд покосился на него, но на сей раз промолчал, коль скоро они с Конаном договорились, что никакого Гжегоша «не существует».

— Словом, этот... это существо, — продолжал Диармайд, — издревле обитало в море неподалеку от острова Илей. Когда-то этот остров принадлежал ему, но затем там поселился человек. Предок Синрика. Он возвел там замок... Демон явился к нему, разозленный подобной наглостью. Никто не знает, что произошло между демоном и первым из людей,

кто завладел Илейвом, но в конце концов они пришли к соглашению:

Много столетий в море вокруг острова жил морской народ. Таинственные люди, больше похожие на дельфинов, нежели на обычных людей. Этот жестокий демон, избравший своим обиталищем пену волн, что разбиваются о скалы остров Илейв, был их заклятым врагом. Морские люди сражались с этим демоном, не позволяли ему губить корабли, спасали потерпевших кораблекрушение... Не всегда им удавалось одолеть своего исконного врага. Но очень часто все-таки выходило так, что морские люди брали верх, и тогда демон начинал голодать. Он впадал в ярость и летал над волнами, скрежеща зубами и рыча. Эти звуки слышали мореходы и страшились их. Недаром они пугались! При любой удобной возможности демон набрасывался на беззащитные корабли и губил их.

Предок Синрика сумел, однако, усмирить чудовище. Он заключил с ним договор — от своего имени и от имени всех своих потомков. Демон позволит его роду владеть островом Илейв. Более того, демон будет защищать эти земли от посягательств любых чужаков, какие только посмеют туда явиться. А за это все потомки первого лорда Илейва будут приносить демону человеческие жертвы. Ему больше не придется охотиться, не зная, принесет ли охота какие-либо плоды. Ему не нужно будет больше отбиваться от морских людей, которые неизменно возникали на его пути, куда бы он ни полетел, в какие

бы пучины он ни углубился. Все владельцы острова Илейв возьмут на себя заботы о том, чтобы морские люди не тревожили больше демона.

— Откуда же бедная женщина узнала столько подробностей? — удивился Конан. — Вряд ли Синрик рассказывал ей историю своего рода, когда отрезал ей уши или кромсал ее лицо.

— Разумеется, — Диармайд брезгливо поморщился. — Он не снисходил до разговоров с жертвой. Зачем? Все это она услышала немного позднее.

— Как ей удалось вырваться?

— Если вы будете перебивать меня, то не узнаете и половины из того, что я собирался поведать! — проворчал Диармайд. — Моя собеседница была последней из череды девушек, предназначенных демону. Когда Синрик привел ее, истекающую кровью, на край обрыва, там уже никого из жертв не было. Демон забрал всех.

Синрик поставил ее на колени так, что перед ее глазами открывались острые скалы и бьющееся о них море, и начал читать заклинание, взывая к демону. Он долго призывал злого духа, однако тот не появлялся. Должно быть, ему хватило и предыдущих жертв, и сейчас он занимался ими. Сами, не бось, знаете, как не хочется прерывать трапезу, даже ради того, чтобы взглянуть на десерт.

— Людоедское сравнение, — шепнул Гжегош.

Диармайд услышал, разумеется, но на сей раз не удостоил «несуществующего собеседника» даже взглядом.

— Как бы там ни было, а Синрик попросту столкнул девушку в море и ушел, не дожидаясь реакции демона. Синрику было все равно. Он свое дело сделал. Если он перекормил своего адского покровителя, то вряд ли в этом будет усмотрена какая-то вина. Все владетели острова Илейв всегда отличались склонностью к жестокости и насилию, но Синрик, кажется, первый, кому это доставляет едва ли не такое же наслаждение, как и самому демону. Поэтому он всегда слишком усердствовал в жертвоприношениях.

Последняя жертва полетела в воду, заранее готовясь к тому, что сейчас ее земной путь навсегда оборвется. Она видела острые камни далеко внизу... Эти камни были похожи на распахнутую пасть, полную острых зубов, готовых перемолоть бедные косточки.

Но ожидаемого не случилось. Чьи-то руки подхватили падающую женщину и увлекли ее на мягкие волны. Она очнулась на плоту посреди моря. Рядом с ней находилось несколько человек. Она даже не удивилась происходящему — ведь она считала, что умерла и видит перед собой призраков из Серых Миров! Но призраки эти оказались вполне живыми, из плоти и крови. Они заговорили с ней.

Они рассказали ей о договоре, который существует между Синриком и демоном, о жертвоприношениях, о своей вековой вражде с Илейвом... Словом, обо всем, что я теперь рассказываю вам. Они залечили ее раны, хотя и не смогли вернуть ей бы-

лую красоту. А потом, по ее просьбе, доставили ее в Мессантию, где она разыскала меня.

— И что стало с ней теперь? — спросил Конан. Он знал, что Гжегош все равно задаст этот вопрос и добьется, чтобы работоговец на него ответил.

Похоже, Диармайд тоже об этом знал. Он наморщил нос:

— Я нашел ей место прачки в одном хорошем доме. Она работает за еду и спальное место и нельзя сказать, чтобы она была недовольна. Она носит на лице кисейное покрывало, что также всех устраивает. Словом, о ее судьбе можете не беспокоиться. Между прочим, я вовсе не такой зверь, каким иногда изображают работоговцев! Я забочусь...

— Да, да, я уже понял, — перебил Конан. — Хорошо. Итак, от своей бывшей рабыни вы узнали много интересных подробностей. Мне было любопытно побеседовать с вами. Я рад, что мои деньги ненадолго отсрочат вашу агонию.

Диармайд скривил на сторону рот.

— Вы чудовищно неделикатны! Почему вы все время напоминаете мне о моем положении?

— Разве об этом же не волюют стены вашего особняка? — Конан демонстративно огляделся по сторонам, как бы призывая ободранные стены и голые полы в свидетели своей правоты.

— Ну... да... — промямлил Диармайд. — Но я к ним как-то уже привык. Аристократическая простота и лаконичность, знаете ли. Аскетический стиль. Может быть, он когда-нибудь войдет в моду. Вы бы-

ваете в богатых домах? Ничего подобного еще не замечали?

— Только в разорившихся домах, — безжалостно ответил Конан. — Желаю вам доброго дня. Может быть, когда иссякнут деньги, вырученные за этот особняк, — вы ведь продадите его, не так ли? — вы найдете пристанище у этой бедной прачки, вашей бывшей рабыни. Добрые дела всегда окупаются. Вы не знали?

Киммериец легко поднялся на ноги, махнул Диармайду рукой и направился к выходу. Гжегош двинулся вслед за своим спутником. Уже на пороге он обернулся к Диармайду и прошептал:

— А злые дела всегда настигают нас, как псы, идущие по следу.

И прежде чем Диармайд успел отреагировать, скрылся за дверью.

* * *

Они сидели на пирсе втроем: Конан, Фланд и Гжегош. Чернокожий беспечно жевал сушеные финики, а Конан рассуждал, наполовину сам с собой, наполовину обращаясь к своим товарищам:

— Вся эта история начинает потихоньку проясняться. Старый пройдоха рассказал нам больше, чем предполагал. Демон, обитающий в морской пене? Демон, который питается страданием и болью невинных жертв?

— В этом нет ничего нового, — вздохнул Гжегош. — В мире полным-полно демонов, и все они

питаются кровью и страданием. Некоторым больше нравится страх, другим — боль. Различия невелики.

— И всех их необходимо уничтожить, — добавил Фланд с набитым ртом. — У нас в Кусе тоже был как-то раз случай с демоном. Жирный такой, белокожий. Повадился таскать овец. Вы можете себе это представить?

— Да, — сказал Конан. — С легкостью.

— Убить его было делом совсем не таким легким, — чуть обиделся Фланд. Впрочем, он тут же сунул в рот новую горсть сушеных фиников и утешился.

Гжегош сказал:

— Что еще мы узнали от работорговца?

— То, что демон не любит, чтобы нарушали слово. Не его ли ты встречал в степи, Гжегош?

— Морской демон в степи? — усомнился запорожец.

— Возможно и не такое... Помнишь тот хохот, который испускало незримое существо, когда пролетало над убитыми людьми и сожженной деревней?

— Ну да, — нехотя согласился Гжегош. — Но я все еще не понимаю, какое отношение...

— Погоди. Вспомни-ка еще одно.

— Да хоть два! — взорвался Гжегош. — Перестань говорить загадками, Конан!

— Напротив, я говорю сплошными разгадками... Что ты рассказывал о происхождении Ксаны?

— О происхождении? — Гжегош медленно покраснел. — На что ты намекаешь?

— На ее происхождение. И не намекаю, а прямо спрашиваю. Кто ее родители?

— Обычные люди. Добрые и храбрые.

Гжегош наступил, но Конан не отступался от своего:

— Они родились на Запорожье?

— Разумеется.

— Пойдем дальше. А ее дед?

— Да.

— А бабка?

Гжегош посмотрел на Конана очень пристально. Губы молодого человека дрогнули.

— А ведь правда, — проговорил он. — Правда! Бабка Ксаны — откуда-то издалека... Дед привез ее в деревню всем на удивление. Очень красивая была девушка, по отзывам тех, кто помнил ее в молодости.

— Так, — Конан сжал кулак и опустил его на колено. — Отлично! Кажется, мы близки к разгадке. К окончательной разгадке! Предположим, бабка Ксаны была одной из тех, кого обещали в жертву демону. Каким-то образом ее будущему мужу удалось вырвать девушку из лап работников и спасти от жестокой участи. Но печать обреченности оставалась... Демоны вообще не любят, когда их лишают того, что они уже решили считать своим.

— Люди тоже, — сказал Гжегош.

— Да, но демоны упорнее, они дольше живут, да и возможностей у них побольше, чем у людей, — заметил Конан. — Поэтому вернемся к изначальной

теме. Много злим обида гладила демона, он не мог забыть, что одна из жертв от него ускользнула. Он разыскивал ее повсюду. Не постоянно, разумеется, — так, время от времени. И однажды узнал ее в Ксане. Вероятно, он определяет людей по запаху их крови. В жилах Ксаны текла кровь той, что была обещана демону! И тогда монстр решил действовать.

— Ты так говоришь, как будто лично знаком с этим демоном, и он поделился с тобой всеми своими страхами, бедами и надеждами, — заметил Фланд.

Конан пожал плечами.

— Я был лично знаком со многими другими демонами, и поверь мне: все они похожи друг на друга. И надежды у них одинаковые, а их беда носит одно и то же имя.

— У их беды есть имя? — от удивления Фланд перестал жевать.

— Да, — ответил Конан спокойно. — Но самое смешное, что я тоже ношу это имя.

Фланд захлопал густыми черными ресницами и вдруг до него дошло. Он громко рассмеялся:

— Будем надеяться, что это не пустая похвальба, Конан!

— Не знаю, — произнес Конан как бы между делом, — что мешает мне свернуть тебе шею прямо сейчас.

Фланд поднял на киммерийца темные глаза.

— Разумеется, твоя природная доброта.

Конан поперхнулся и, к большому удивлению Гжегоша, некоторое время не мог найти слов, чтобы

поставить кушита на место. Наконец варвар сказал, более угрюмо, чем собирался:

— В общем, я уверен, что Ксана, с точки зрения демона, — его законная добыча, и сейчас она находится в руках Синрика.

— Ты хочешь сказать, что ее похитили неспроста? — уточнил Гжегош.

— Банду разбойников на вашу деревню наслал демон. Сам он не в состоянии, очевидно, совершать жестокости в этом мире. Ему необходимы посредники. Поэтому он отыскал среди людей таких, которые наилучшим образом отвечали его целям, и внушил им идею разграбить деревню на берегу Запорожки. Ты же сам говорил, что подобных нападений в ваших краях не бывало.

— Точно, — прошептал Гжегош. — Все сходится.

— Но поскольку туранцы оказались слишком глупы, демон натравил на них другую банду, на сей раз гирканскую. У этих достало сообразительности отвезти похищенную девушку в Мессантию и продать ее. А уж потом демон позаботился о том, чтобы она попала в нужные руки. Я думаю, те, кого мы встретили в доме Эдреда, также действовали по наущению демона.

— Не слишком ли сложно? — спросил Гжегош.

— Нет, если предположить, что демон вложил одну и ту же идею сразу нескольким людям. Ему нужна Ксана, нужна любой ценой. И теперь он вот-вот получит ее. Она уже на острове Илейв. Скоро все начнется... если уже не началось.

* * *

— Я не думаю, что это хорошая идея, — в тысячный, наверное, раз пробормотал Фланд.

Гжегош повернулся к чернокожему и посмотрел на него в упор.

— Почему ты так считаешь?

— Ну... Я не привык доверять существам, которые не являются людьми, — объяснил кушит. — Кто знает, что у них на уме? Внешне они могутходить на такого, как ты или я, но я-то знаю, что внутри у них все устроено иначе.

— В каком смысле «иначе»? — заинтересовался Конан. — Желудок в другом месте или два сердца?

— Такое тоже может быть, — упрямко твердил свое кушит. — Но дело не в том, какие там у них кишкы. Я об их мыслях. У них совсем другие мысли. И ты никогда даже подозрения не будешь иметь о том, что там за мысли. Пока тебя не шарахнет!

— Чем шарахнет? — прищурился Конан.

— Ну, этой их мыслью! — сказал Фланд.

— У нас нет выбора, — сказал Гжегош. — Пойми, если мы сейчас не обратимся за помощью, все будет напрасно. Ксана погибнет, а Синрик продолжит творить свои злодейства, и демон так и останется господином над здешними волнами.

— Я ведь не возражаю, — пробормотал Фланд. — Просто меня это все пугает. Сомнения меня берут.

Конан поднял руку, призывая своих друзей к молчанию.

— Мы позовем их и расскажем все, как есть. Даже если у них какие-то необычные мысли, как подозревает Фланд, они все равно на нашей стороне. Они в любом случае согласятся нам помочь в борьбе против демона. Это их древний исконный враг, а ничто так не объединяет людей, как общий недруг.

Фланд и Гжегош остались на берегу, молча глядя, как киммериец входит в воду. Когда волны начали захлестывать его по грудь, Конан громко позвал:

— Люди моря! Люди моря, откликнитесь! Люди моря, выйдите ко мне!

Гжегошу вдруг показалось, что происходящее лишено всякого смысла. Трое взрослых мужчин стоят на берегу моря и взывают к безмолвным водам. Что оттуда может выйти разумного? И даже если люди моря действительно существуют — если те, кого Гжегош повстречал в тот день, когда хотел от отчаяния покончить с собой, на самом деле являются таинственным подводным народом... Кто сказал, что они услышат призывы Конана и отзовутся на них?

Хорошо, что поблизости нет свидетелей! Едва лишь представив себе, как кто-то может потешаться над глупым поведением киммерийца и его товарищей, Гжегош пришел в ярость. Ему хотелось провалиться сквозь землю.

Но... что это? Неужели?

Вода как будто вскипела у ног Конана. Варвар откинулся голову назад и засмеялся от радости. Из моря один за другим начали выходить люди, и ско-

ро их собралось одиннадцать человек. Они обступили Конана, дружески подталкивая его и посмеиваясь. Затем один из них заметил Гжегоша и бросился к нему как к старому приятелю.

— Рад, что ты здесь!

От такой встречи всякие сомнения разом покинули и Гжегоша, и даже суеверного Фланда. Конан вместе с остальными вышел из воды.

Теперь, когда никто бы не счел поведение Гжегоша нелепым, молодой запорожец совершенно расслабился. Его окружали друзья, и он ощущал это всем своим существом. Морские люди, избрав Гжегоша в приятели, относились к нему с совершенно открытой душой. От них нечего было ждать подвоха. И уж этим-то они точно отличались от обычных представителей людского племени!

Конан разговаривал с ними запросто. Он никогда их прежде не встречал, но они время от времени за ним наблюдали и успели составить себе мнение о капитане «Бэлит».

Едва заслышав имя Синрика, морские люди принялись возмущенно переговариваться между собой. Затем один из них высказался сразу за всех:

— Это наш враг и потомок наших врагов. Он самый жестокий и неприятный из всех владетелей острова Илейв. По счастью, у него до сих пор нет детей и наследников, а это означает, что...

— Что если убить его сейчас, замок Илейв не будет принадлежать никому, — спокойно заключил Конан.

— Его не так-то просто уничтожить, — заметил другой из морских людей. — Он негодяй, а его союзник демон обладает сильной властью над людскими умами. Сейчас мы уже не сомневаемся в том, что некий капитан Эдред, которого мы считали своим другом, утратил рассудок, находясь под влиянием демона. Это демон нашептал ему, что следует убить нашего брата, Джехана.

Остальные закивали, на их лицах появилось скорбное выражение.

— Эдред? — прошептал Гжегош.

Конан сжал его руку.

— Все сходится. Эдред захватил Ксану, и демон тотчас вселился в его разум.

— Эдред мертв, — сказал Фланд. — Конан убил его.

— Мы сожалеем о его смерти, — сурово сказали морские люди. — Во многом он не был виновен.

— Он был слаб и поддался чужому влиянию, — возразил Конан. — Человек должен хорошо контролировать себя.

— Посмотрим, как поведешь себя ты, когда столкнешься с демоном, — заметил ему морской человек. — А если ты и сохранишь здравый рассудок, демон завладеет мыслями твоих друзей.

— Меня охранит обычная брезгливость по отношению к демоническим силам, — ответил Конан. — Что до моего спутника, то он надежно защищен любовью. А кушит — тот вообще не способен на дурные дела.

Фланд приосанился.

— На самом деле еще как способен! — заявил кушит. — Просто у меня еще не было возможности проявить себя.

— Вот и проявишь, когда столкнемся с демоном, — усмехнулся Конан. — Главное, ты должен твердо помнить, кто твой друг, а кто — враг. И даже если земля перевернется, и море окажется у тебя над головой, а облака — под ногами, держи в уме одно: Конан — твой лучший друг. Это сбережет твой рассудок от помешательства, а твою шкуру — от моего меча.

Гжегош вступил в разговор:

— Разумеется, все это очень важно — не поддаваться на происки демона и прочее, но... Но как мы доберемся до острова Илей? У нас совершенно нет времени! Может быть, уже поздно!..

— Нужен корабль, — согласился Конан. — Я позабочусь об этом.

— Мы уже позаботились об этом, — перебил его старший из морских людей.

Трое друзей разом повернулись в его сторону. На трех лицах, таких непохожих друг на друга, простило совершенно одинаковое выражение — крайнего изумления.

— Каким образом?

— Нас с самого начала заинтересовала история Гжегоша, — объяснил морской человек. — Мы поняли, что она имеет самое прямое отношение к нашему исконному врагу. Это наш общий враг! — (За-

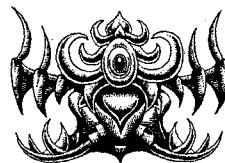

слышав это, Конан торжествующе ухмыльнулся). — Поэтому мы следили за запорожцем. И поэтому же мы дали знать на «Бэлита», что капитан приказывает кораблю немедленно приплыть в Мессантию...

Он обернулся и на его губах показалась улыбка.

— А вот и «Бэлита»!

И точно — словно по мановению колдовского жезла из-за горизонта появился корабль. Конану потребовалось несколько мгновений, чтобы узнать свое собственное судно. Это была «Бэлита» — она пришла, чтобы помочь своему капитану.

Глава восьмая

Последняя жертва

одняв все паруса, «Бэлита» бежала по Морю Запада на север. Позади остались крупные острова и архипелаги, состоящие из множества мелких островков. Береговая линия то виднелась с правого борта, то исчезала в тумане. Но даже когда ветер крепчал, угрожая превратиться в настоящий шторм, Конан не позволял спускать паруса. Он очень спешил.

Гжегош не находил себе места. Конан хорошо понимал, что творится на душе у молодого человека. Киммериец делал все, что было в его силах, однако даже Конан не в состоянии был успокоить молодого запорожца. «Бэлита» не умела летать по воздуху или перемещаться волшебным образом сразу, мгновенно, из одной точки пространства в другую. К несчастью, она была просто обычным кораблем.

И все же Конан не сомневался, что они успеют вовремя. Рано или поздно бесчинства демона и его союзника-человека должны быть остановлены. И кто, как не Конан, положит им предел!

Не в первый раз уже киммериец выходил на поединок с адским противником. И не было еще случая, чтобы он не вышел из такого боя победителем. Но говорить об этом Гжегошу Конан не стал. Для чего? Слова никого не успокаивают. Убедить парня можно только поступками.

Конан стоял на носу корабля, всматриваясь в морскую даль, когда к нему подошел Гжегош. Конан мельком глянул на него. Запорожец был бледен.

— Ты беспокоишься о своей возлюбленной? — спросил Конан.

— А разве ты не беспокоился бы на моем месте? — резковато возразил юноша.

Конан пожал плечами.

— У меня нет такой возлюбленной, за которую меня бы грызла тревога... Да если бы и была! Что толку волноваться и бегать по палубе, точно тебя укусила бешеная собака! Корабль от этого быстрее не пойдет...

Конан не успел завершить свой монолог: Гжегош перегнулся через борт, и его вырвало. Киммериец громко расхохотался. Так вот в чем была причина бледности парня! И он еще собирался стать морским волком! Поэтому, вероятно, и старался скрыть то обстоятельство, что на корабле его укачивает...

— Ничего страшного, — сказал Конан, хлопнув его на лоскут по плечу. — Скоро все эти бедствия закончатся, и вы с невестой вернетесь в родные края. И там тебе будет казаться, что степь, точно палуба, раскачивается у тебя под ногами!

Гжегош позеленел, а Конан, все еще смеясь, отправился к рулевому — узнать, как обстоят дела..

У руля стоял морской человек. Он всматривался в небо, морщил нос, фыркал, как тюлень, — словом, вел себя беспокойно.

— В чем дело? — спросил его Конан.

— Кажется, надвигается буря, — был ответ. — Я чувствую ее по запаху.

— Она близко? — последовал второй вопрос.

— Нет... Разразится дня через полтора.

— Мы должны успеть добраться до Илейва, — решил Конан. — Иначе наше плавание окажется по-просту бесполезным. Синрик успеет принести девушку в жертву. И какой смысл будет в том, что мы в конце концов свернем его поганую шею?

— Смысл, конечно, будет и в этом случае, — кашнул головой морской человек, — но в общем и целом я с тобой согласен, Конан. Чем скорее мы положим злу предел, тем лучше.

— Ну так как, по твоему мнению, сумеем мы очутиться возле острова Илейв прежде, чем буря сделает любое плавание невозможным?

Рулевой долго молчал. Конан не торопил его с ответом. Морской человек смотрел на волны, на небо, на плывущие у горизонта облака — и наконец сказал:

— Мы сильно рискуем, Конан. Будь на твоем месте капитан Эдред Удачливый, я бы посоветовал ему пристать к берегу уже завтра утром и укрыться в удобной бухте. Но ты не согласишься.

— Нет, — Конан покачал головой. — Я не стану прятаться, зная, что мое промедление может стоить человеку жизни.

— Стало быть, рискнем кораблем! — сказал рулевой с таким видом, словно это был его собственный корабль.

— И нашими жизнями, — добавил Конан.

Рулевой тихонько засмеялся.

— Нет, киммериец, жизнями мы рисковать не будем. Если «Бэллит» пойдет на дно, мы сумеем спасти моряков. Не забывай о том, какой народ у тебя на борту!

— И правда, — Конан вздохнул. — Прав был Фланд: никогда не знаешь, какие у вас мысли в голове.

Морской человек удивленно глянул на Конана. Очевидно, он мог бы сказать о так называемых «обычных людях» в точности то же самое.

Рулевой не ошибся: буря созревала несколько дней и наконец разразилась. Она должна была догнать «Бэллит» к середине того дня, на рассвете которого моряки увидели остров Илейв. Как и говорилось, то была, скорее, скала, возвышавшаяся над волнами.

Голый бесплодный камень, царапающий грудь неба, и на вершине его — замок с островерхими башнями.

«Странное место для жилья, — подумал Конан, рассматривая замок. — Ни за что бы не согласился здесь обитать. Если бы я был королем, то устроил бы здесь, пожалуй, тюрьму. Отсюда не сбежишь. Нужно быть киммерийцем, чтобы одолеть эти отвесные стены... Да и до корабля попробуй доберись! В тихую погоду, наверное, шлюпка дойдет до берега, но стоит подняться ветру — и все эти рифы на подходах к острову сделают подобное плавание смертельно опасным».

Неожиданно Конан замер. «Нужно быть киммерийцем... отвесные стены...» — промелькнули у него в голове обрывки мыслей. Та-ак. Вот о чем он не позабылся. Проклятье! Да он попросту не знал, что об этом предстоит заботиться! Как же они все попадут в замок? Одолеть подъем в состоянии один лишь Конан!

«Значит, — подумал варвар упрямо, — один лишь Конан и полезет на эту стену.»

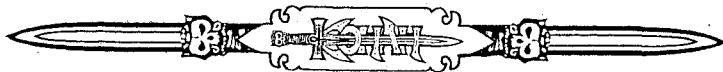
И снова он остановил себя.

«А корабль? Надвигается буря! Нельзя рисковать кораблем. Нет, «Бэллит» должна остаться в безопасной гавани возле острова Фоморов».

Он хотел было подозвать к себе Гжеоша и старшину морских людей, чтобы сообщить им о своих выводах, как вдруг услышал возглас Фланда:

— Смотри!

Конан подошел к нему. Туда уже сбежалась половина команды, многие были бледны, на лицах читалось явное отвращение.

— Что происходит? — громко спросил Конан, расталкивая остальных.

— Смотри! — Фланд с посеревшим от страха лицом показывал рукой за борт.

Проклятье сорвалось с языка варвара.

По воде плыли мертвецы. Их можно было бы принять за участников какого-то кровавого морского сражения или за потерпевших кораблекрушение... но нет, никто из них не был ни солдатом, ни моряком. Судя по одежде, это были самые обычные люди: слуги, стряпухи, горничные, портные... Среди них имелись и белые, и чернокожие; они были разного возраста, некоторые — в обычной рабочей одежде, другие — в красивых ливреях.

Никто из них не был ранен. Ни следов крови, ни увечий.

И все они были мертвы. Печальные, покорные судьбе, они покачивались на волнах. Их тела ставились и расходились в стороны с тем же грустным равнодушием, с каким волосы извивались в воде, а руки тянулись вдоль боков.

— Кром! Что здесь происходит? — прошептал Конан.

Он поднял голову и увидел, что трупы, устилавшие воду, образовали нечто вроде жуткого «острова», в диаметре превосходившего длину «Бэлита» раза в три.

— Нужно спешить, — дрожащим голосом произнес старшина морских людей. — Мы думаем, что это — прислуга из замка Илейв. Там происходит не-

что ужасное. Зло выплеснулось из берегов. Зло стало настолько явным и ощущимым, что люди перестали выдерживать его присутствие. Они попытались спастись и выбросились в море. И море убило их, но они предпочли смерть — жизни в кошмаре.

— Откуда ты знаешь это? — ничему не удивляясь, спросил его Конан.

Старшина пожал плечами.

— Их кровь кричит об этом, — пояснил он. — Она кричит громко, отчаянно. Вы, люди, глухи, если не слышите ее призывов.

Гжегош не отрываясь смотрел на служанку-горничную, хорошенькую пухленькую круглолицую девушку, совсем юную, почти ребенка. Она так и бросилась в воду, сжимая в руке метелочку для смахивания пыли. Как будто даже в воде собиралась заниматься привычным для себя делом.

— Боги! — бормотал он, не замечая, что плачет. — Почему это дитя должно было погибнуть?

Конан грубо вернулся к действительности.

— Подбери сопли! Нас с тобой ждет важное дело. — Капитан повысил голос. — Слушайте все! Сейчас я и Гжегош на шлюпке отплываем к острову Илейв. Все остальные — плывите к острову Фоморов. Найдите там удобную бухту, чтобы переждать бурю. Вам ясно? Вы должны сохранить «Бэлита»!

— А мы? — спросил старшина морских людей.

— Скройтесь под водой. Будьте поблизости от Илейва — ваша помощь может понадобиться в любой момент.

Гжегош и Конан с усилием вытащили шлюпку на берег и устроили ее так, чтобы буря не разбила ее о скалы. Пляж тянулся вдоль острова Илейв очень тонкой полоской, временами прерываясь совсем. Но все же место для одной небольшой шлюпки там отыскалось.

— Теперь, — сказал юноше Конан, — ты будешь ждать меня здесь. Что бы ни случилось — отсюда ни ногой. Ты хорошо меня понимаешь? Ты не будешь никого спасать. Даже если Ксана начнет тонуть у тебя перед носом — ты останешься стоять возле скалы и ждать меня. Ясно?

— Но почему... — начало было Гжегош.

Конан удариł его по щеке.

— Очнись, парень! Перестань бредить и приди в себя. Меня слушай. Только меня. Внушение демона может быть очень сильным. Ты должен противостоять ему. Понял? «Тонущая Ксана», скорее всего, окажется просто мороком. Способом отвлечь тебя и погубить. Я сделаю все как надо, а ты мне поможешь, когда настанет время. Все, я не намерен повторять трижды.

— Я понял.

— Хорошо. Потому что у меня не будет времени спасать еще и тебя.

И не дожидаясь, пока Гжегош закончит возиться со шлюпкой, Конан начал карабкаться по отвесной скале.

Молодой человек смотрел на киммерийца, разинув рот от удивления. Никогда прежде ему не доводилось видеть, чтобы человек обладал такой ловкостью. Пальцы рук и ног варвара находили себе опору там, где, на взгляд Гжегоша, не было, да и не могло быть никакой зацепки. Но для горца, росшего среди диких киммерийских скал, в этом не было ничего необычного.

Несколько раз Конан останавливался, прижимаясь всем телом к скале, и оглядывался. Буря была уже совсем близко. С высоты, на которой находился Конан, можно было разглядеть огромные валы, росшие на горизонте и грозившие поглотить, кажется, и самый островок посреди моря. «Бэлит» возле острова Фоморов, наверное, уже встретилась с первыми ударами бури. Что ж, если команда не подвела — а Конан не сомневался в том, что так оно и есть, — то кораблю ничего не угрожает.

Скоро первые удары ветра обрушатся на остров Илейв. Нужно успеть добраться до самого верха, иначе буря может сорвать человека, прилепившегося к скале, и швырнуть его в море, на острые утесы. А пережить подобное испытание не под силу даже киммерийцу с его нечеловеческой силой и выносливостью. Все-таки он принадлежит к роду людскому, что бы там ни думал о нем сейчас восхищенный юнец, находящийся там, внизу.

Конан решительно полез дальше.

Скоро его голова уже показалась над краем скалы. Он ухватился поудобнее и втянул свое мощное

тело наверх. Уселся на камни, чтобы перевести дыхание.

Первая и самая трудная преграда позади — он забрался на скалу. Теперь он сидел на узеньком скальном выступе, а над ним громоздилась стена замка. Именно там, за этой стеной, находится Синрик, давний враг морских людей, человек с извращенным, злым сердцем.

Конан попытался представить его себе. Киммериец повидал немало служителей зла. Одни были молоды и привлекательны, другие — стари и безобразны; среди них встречались и демоны, и молодые женщины, и честолюбивые политики. И все они желали завладеть тем, что могли бы иметь и без помощи темных демонических сил — если бы обладали талантом и волей.

Чего у них никогда не встречал киммериец — так это глубокого, ясного ума. И все они склонны недооценивать противника.

Поэтому, решил Конан, нет смысла задумываться над тем, каким окажется Синрик. Главное о нем киммериец знал еще до их личной встречи.

Поколение за поколением в этом замке рождался наследник — сын предавшегося демону отца и несчастной, обреченной на смерть матери. Должно быть, все владетели Илейва принимали в наследство вместе с замком склонность к жестокости и извращениям. Но, судя по тому, что Конан слышал о Синрике, последний лорд Илейв в злодеяниях превзошел всех своих предков.

Бура наконец достигла острова. Нужно было спешить. Море кругом кипело. Оттуда, где находился сейчас Конан, не видно было Гжегоша с лодкой, однако варвар был уверен в том, что его молодой спутник выполнил приказание в точности.

Конан полез дальше. Сильные порывы ветра хлестали его, но киммериец только сильнее стискивал зубы и продолжал карабкаться. Стена, в отличие от скалы, предлагала гораздо больше удобных выступов, так что Конан поднимался по ней с той же легкостью, с какой другой человек шел по лестнице.

Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы одолеть подъем. Он забрался на стену, выпрямился во весь рост и огляделся.

Он находился теперь в замке Илейв, посреди пустынного, заброшенного в море островка. Буря неистовствовала кругом, но внутри замка установилась странная тишина. Ветер не мог проникнуть за высокие стены. Ни одного дерева, ни одного куста не росло на склоне.

Ветер как будто пытался излить свою досаду в оглушительных жалобах. Он носился вокруг непрступных стен и завывал на все лады. Слышно было, как ревет внизу море.

Черное небо низко повисло над башней. Иногда Конану казалось, будто тучи слегка раздвигаются, и тогда с небес прямо на замок глядит внимательный черный глаз, но затем видение исчезло.

Стало темно, почти как ночью. Тем не менее Конан хорошо различал башню, высокую, конусовид-

ную, с единственным входом, забранным решеткой. Окон в башне почти не было, если не считать нескольких бойниц под самой крышей.

Крадучись, киммериец прошел по двору. Каким бы зловещим ни было обиталище Синрика, все же это было жилье — жилье человека, пусть даже жестокого и извращенного. Ему нужны еда и питье, ему требуются слуги.

И ведь у него были слуги! До тех пор, пока какой-то древний ужас не заставил их броситься на встречу смерти в морских волнах, лишь бы избежать жизни наедине с чудовищами...

Крадучись, Конан обошел башню и очутился на другой половине двора. Здесь также было безлюдно, но приглядевшись Конан заметил на дальней стене нечто странное.

Киммериец прижался к башне, стараясь сделаться как можно менее заметным. Впрочем, он мог бы и не беспокоиться об этом: полумрак, окутавший замок Илейв, скрадывал очертания человеческой фигуры.

Зато сам киммериец превосходно видел теперь на фоне грозового неба то, что разворачивалось на низкой стене замка.

Эта стена была обращена к внешней стороне моря. Она была совсем невысокой, поскольку в дополнительном укреплении здесь не возникало никакой надобности: отвесный склон был совершенно вертикальным, так что даже киммериец не смог бы по нему подняться.

Именно здесь был сооружен большой каменный столб, к которому цепями приковывались пленницы. И сейчас возле столба виднелась хрупкая женская фигурка.

Буря неистовствовала в небесах и на море. Гигантские волны катились к горизонту. Черные тучи мчались, гонимые ветром, сталкивались между собой, рвались, но никогда не рассеивались — они были плотны и густы, как мировое зло.

Неожиданно Конан понял, что происходит, и на душе у него стало спокойно. Как будто дело уже завершено, и злодеи низвергнуты.

Одно время киммериец всерьез опасался, что буря вызвана каким-то магическим способом, однако теперь он совершенно уверился в том, что это не так. Буря была самая обычная; Синрик лишь решил воспользоваться ею для завершения злодеяния.

Если бы у Синрика была возможность вызывать непогоду, он бы устраивал подобные «представления» каждый раз, когда приносил бы жертву своему демону-покровителю. Но коль скоро Синрик торопился умилостивить демона, пока бушует ураган, стало быть... стало быть, у Синрика попросту не хватило времени провести все свои обычные пытки.

Конан теперь не сомневался также и в том, что многие из пыток, изобретенных Синриком, были предназначены не столько для ублажения демона, сколько для удовлетворения извращенных наклонностей самого Синрика. Что ж, чего можно ожидать от человека, которого, как породистую лошадь, вы-

водили нарочно для подобных дел? От человека, выросшего в атмосфере зла и ненависти?

Конан был не из тех, кто обременяет себя заботами о перевоспитании злодеев. Он никогда не стремился понять душу негодяя. Если Конан видел перед собой мерзавца, реакция киммерийца всегда была одинаковой: он извлекал из ножен длинный киммерийский меч — и уничтожал врага, как бешеного пса, не задавая вопросов, не пускаясь в разговоры и не позволяя себе никаких сомнений.

Девушка была здесь. Вероятно, та самая — Ксана. Та, которую так долго и так безуспешно стремился заполучить демон.

Она стояла у столба, обмотанная тяжелой ржавой цепью. Ее голова бессильно упала на грудь. Она выглядела обессиленной, испуганной, но целой и невредимой.

Это Конан установил при вспышках молнии, которые озаряли двор замка и стену с пленницей. В этих же вспышках Конан разглядел наконец и Синрика.

Возможно, при своих посещениях Мессантии Синрик и выглядел знатным человеком, немного эксцентричным, несомненно богатым и, в общем и целом, милым и — как это называют женщины — «интересным». Сейчас от всей этой «интересности» не осталось и следа. На Синрике был длинный косматый плащ, сшитый из звериных шкур. Голову его венчал головной убор, сделанный из человеческого черепа, обтянутого кожей, раскрашенного и позоло-

ченного вокруг глазниц и ноздрей. Два пестрых пучка птичьих перьев торчали в кости черепа там, где у жившего когда-то человека были уши. Этот убор, словно тиара, покачивался на голове Синрика.

Лицо, видневшееся под тиарой, казалось едва ли не более страшным, нежели этот причудливый и жуткий головной убор. Синрик обвел синей краской глаза и рот, а щеки надрезал ножом, так что кровь стекала на его подбородок и капала на грудь.

Он стоял рядом с пленницей и воздевал руки к небесам.

Несколько раз в разрывах между тучами мелькал черный глаз. Теперь Конан не сомневался в том, что ему не почудилось: глаз действительно был. И принадлежал он демону, который внимательно наблюдал за своим адептом.

Синрик прокричал какое-то заклинание. Оно звучало на древнем языке, жутком и неблагозвучном.

Затем он перешел на родную речь:

— Приди! — рассыпал Конан. — Приди и забери то, что принадлежит тебе по праву!

Буря подхватила голос Синрика и унесла его вдаль. Он затих между тучами, утонул между волнами.

Конан отдался от стены и побежал к стене, держа меч наготове. Он уже видел, как ему освободить пленницу. Цепь, которой она была опутана, была старой, и несколько звеньев проржавели. Ни одна из жертв Синрика никогда не имела возможности вырваться на волю. К тому времени, как несчаст-

тные девушки оказывались возле этого столба, их воля уже была сломлена, а сил не оставалось вовсе.

Но теперь все обстояло иначе. С громовым криком Конан одним прыжком преодолел расстояние, отделявшее его от пленницы. Он размахнулся и одним точным, мощным ударом перерубил цепь. Как дохлая змея, цепь упала на землю. Девушка продолжала стоять у столба, как будто ее заворожили и приказали не двигаться. Она даже не поняла, что происходит.

Только что она слышала жуткие заклятья, произносимые ненавистным голосом, видела грозовое небо и разевающийся косматый плащ, и кошмарный разукрашенный череп плясал над гримасничающим лицом. И вдруг в мгновение ока все переменилось. Перед ней стоял высокий широкоплечий человек с длинными черными волосами и горящими синими глазами. Он зверски скалился, но при этом почему-то совершенно не внушал ей страха. Наверное, потому, что его лицо было первым по-настоящему человеческим лицом, которое она видела за очень долгое время.

Сквозь завывание бури Синрик расслышал звон разбитой и падающей цепи и обернулся. Его плащ взлетел над плечами, описав полукружье в воздухе. Казалось, Синрик вот-вот превратится в жуткую крылатую тварь и взмоет в небеса.

Черный глаз широко распахнулся в небе, а затем на фоне грозовой тучи возникли очертания новой фигуры. Это был монстр, который медленно сни-

жался, направляясь к замку. Конан успел еще рассмотреть его: бородатое мужское лицо, окруженное множеством мощных щупалец, похожих на щупальца огромного осьминога, и длинный хвост, похожий на рыбий. Существо это полетело прямо к Синрику и столбу, возле которого находилась пленница.

Конан схватил девушку за руку и сильно дернул, понуждая очнуться от полубессознательного состояния.

— Ксана! — гаркнул киммериец. — Приди в себя! Бежим, скорее!

— Кто вы? — пробормотала она.

Но варвар не стал тратить времени на знакомства и душепитательные разговоры. Может быть, после. А может быть, и вовсе придется обойтись без этого. В любом случае, сейчас не до церемоний.

Он потащил девушку за собой, торопясь укрыться вместе с нею в тени башни. Она, спотыкаясь, бежала вместе с Конаном. Башня внушала ей безотчетный ужас. Конан тем не менее заставил ее обежать башню кругом и прижаться к стене.

Демон быстро снижался. Синрик отчаянно размахивал руками, показывая направление, в котором скрылись беглецы. Но было уже поздно: разъяренный тем, что Синрик осмелился вызвать его и предложить пустой столб, где не оказалась никакой жертвы, демон распахнул широченную пасть. Мужское бородатое лицо как будто разорвалось надвое, и в провале пустоты, явленном при этом, засверкали длинные вызолоченные зубы.

Мгновение — и безголовое тело Синрика забилось в корчах возле жертвенного столба. Кровь последнего из владетелей Илейва хлынула на разбитую цепь. Голова с выпученными глазами и зловещая тиара исчезли в пасти демона.

— Тише, — прошептал Конан, обращаясь к девушке.

Ксана замерла, прижавшись к его могучему плечу. Она боялась даже дышать, чтобы чудовище не обнаружило беглецов.

— Оно все равно учуяет меня, — прошептест голос Ксаны. — Оно знает, как пахнет моя кровь.

— Нет, — так же тихо ответил ей Конан. — Я принял меры к тому, чтобы этого не случилось.

И тут он опять потащил ее за собой, на сей раз к другой стене.

Она послушно пошла за ним, однако у самого края остановилась.

— Зачем мы пришли сюда?

— Сейчас монстр нас заметит, — сказал Конан. — Нам нельзя медлить.

— Что ты хочешь делать? — закричала Ксана, забыв об осторожности. — Я боюсь!

— Тебе придется довериться мне, — заявил киммериец. — Другого выхода нет. Ты видела, что он сделал с Синриком. Так же он поступит и с тобой, если ты будешь сопротивляться.

Ксана вцепилась в Конана — он подивился силе ее рук, — и заплакала:

— Но я боюсь! Что ты задумал? Кто ты такой?

— Я — друг, твой и Гжегоша, — ответил Конан. — Просто поверь мне и ничего не бойся.

Она тяжело вздохнула. Конан обнял ее. Он видел, как демон медленно разворачивается в их сторону. Еще немного, и чудовище обнаружит беглецов, и тогда бежать будет поздно. Даже если они прыгнут вниз, монстр успеет поймать их в воздухе.

— Обними меня покрепче, — приказал киммериец. — И закрой глаза.

Ксана повиновалась. Он чувствовал, как она дрожит. Конан оттолкнулся ногами от камня и изо всех сил прыгнул.

Они летели в воду, навстречу острым камням и неизбежной гибели...

* * *

Крепкие руки подхватили Ксану и понесли ее прочь. Она слышала, как надрывается и воет ветер далеко наверху, над головой. Вокруг нее не было ничего, кроме покоя и плавного покачивания волн.

— Где мы? — прошептала она. — Кто вы?

— Тише... — был ответ.

И больше ничего.

Наконец она открыла глаза. Буря миновала. Она ушла на север, чтобы там избыть остаток своего буйства и наконец затихнуть. Ксана лежала на дне небольшой лодки, а рядом с ней, ухватившись одной рукой за борт, плыл человек с круглыми темными глазами.

— Где Конан? — спохватилась девушка.

— Я здесь, — прозвучал голос киммерийца.

Она повернула голову и увидела, что Конан сидит в той же лодке, скрестив ноги и положив на колени меч. Киммериец озирался по сторонам, как будто высматривал что-то.

Но Ксана не стала спрашивать о том, что именно беспокоит ее спасителя, потому что рядом с Конаном на веслах сидел тот, кого она уже не чаяла встретить.

Это был Гжегош. Он старательно греб, направляя лодку к острову Фоморов.

Морской человек сказал Конану:

— Я нужен моим братьям. Будь наготове, когда ты понадобишься.

— Хорошо, — отозвался Конан.

— Что происходит? — прошептала Ксана.

Гжегош улыбнулся ей.

— Вы спаслись от демона тем, что прыгнули в воду. Вас подхватили наши друзья, морские люди. Это они не позволили вам погибнуть. Они ждали внизу, в волнах. Один из них помог мне вывести лодку, чтобы подобрать вас.

— Это... это действительно ты? — нерешительно спросила его Ксана. Порой ей начинало казаться, что она все еще находится в плена, закованная или связанныя, и грезит наяву.

Гжегош засмеялся.

— Это я, можешь мне поверить! И если бы не Конан, мы никогда бы с тобой не встретились!

— Почему демон не преследует нас? — тревожно спросила Ксана.

— Он нас преследовал... но затем почуял близость куда более давнего врага и более желанной добычи, — был загадочный ответ.

Конан насторожился и взялся за меч.

— Началось! — негромко произнес он, прерывая излияния влюбленных.

Вода за кормой лодки вскипела. Ксана с ужасом смотрела на образовавшийся поблизости водоворот. Там явно происходила какая-то подводная битва. То и дело к поверхности воды поднималась темная масса. Затем вдруг явился огромный рыбий хвост, который несколько раз яростно ударил по воде. Сильные волны заплескали, ударяясь о борт лодки и раскачивая ее.

Ксана вскрикнула и попыталась перебраться к Гжегошу, чтобы обнять его и найти утешение на его груди, но киммериец рыкнул на нее:

— Сидеть смирно! Не хватало еще, чтобы вы тут опрокинули лодку!

Наконец они смогли разглядеть сражение. Морские люди атаковали демона, едва только тот, преследуя Конана и Ксану, очутился в воде. Демон, очевидно, сперва полагал, что сумеет разделаться с противником, но затем осознал свою ошибку. Врагов оказалось слишком много даже для такого могущественного существа. Кроме того, его заманили в ловушку. Он очутился в стихии, которая была для его врагов родной.

Морские люди обленили его, отбиваясь от длинных извивающихся щупалец. Демон разил их вслепую, нанося удары по всем направлениям. И вдруг боль пронзила все его существо: один из морских людей отхватил ножом конец щупальца. По воде потянулась черная полоса демонской крови.

Эта кровь обжигала кожу, ела глаза, но морские люди не отступались. Они набросились на своего давнего врага сразу отовсюду. Они разили мечами, грызли зубами, били ножами, и в конце концов одновременно нанесли каждый по удару.

Если бы не своего рода умение читать мысли друг друга, они не смогли бы действовать так слаженно. Но в их мозгу вспыхивали, как молнии, мысленные посылы собратьев, и потому им удалось буквально разорвать монстра на части.

Держа каждый по отрубленному щупальцу, они рассыпались по морю. Их путь можно было проследить по черным длинным полосам, которые тянулись за каждой отсеченной конечностью демона.

— Греби к нему! — крикнул Конан, обращаясь к Гжегошу. — Скорей! Греби изо всех сил!

И Гжегош, напрочь забыв о том, что до крови настерь себе ладони, — ведь он никогда прежде не греб и вообще не был привычен к морской работе, — налег на весла. Лодка понеслась туда, где в волнах качалось тело монстра. Демон был оглушен болью и беспомощен. Продлится это недолго, и Конан не сомневался: очень скоро чудовище оправится от боли и скроется, а затем отрастит себе новые щупальца,

еще более мощные, чем прежние. Мешкать было нельзя ни в коем случае.

— Греби, шлюхин сын! — орал Конан. — Греби, что есть силы! Еще!

Гжегош налегал, как только мог. Лодка разрезала волны носом. Темнеющее в воде тело демона приближалось. Конан встал, удерживая равновесие, и взял меч обеими руками.

— Ксана, пересядь к борту! — приказал он, и они с девушкой одновременно переместились в лодке.

А затем лодка оказалась прямо над демоном. И Конан с поразительной силой и точностью нанес удар.

Один-единственный, но этого хватило.

Киммериец видел сквозь тонкую пленку воды лицо демона. Мужское лицо с черной бородой. Возможно, это лицо тоже кто-то считал привлекательным и «интересным». Оно в своем роде выглядело загадочно: правильные тяжелые черты, потаенная нечеловеческая жестокость в глазах. Даже сейчас, когда демон истекал кровью и мучился от боли и унижения. Даже сейчас желание терзать и мучить его не покинуло.

Затем демон заметил, как на него надвигается тень. Он знал, кто это. Человек, который несет ему смерть. Окончательную гибель, последнее перемещение в черные адские глубины, откуда не будет исхода.

Синие глаза варвара и темные — демона — встретились на миг. И во взгляде монстра Конан

прочитал ту покорность, которая в последнее мгновение перед смертью иногда появляется во взоре жертвы.

Киммериец широко ухмыльнулся — скорее, оскалился, как зверь, — и изо всех сил удариł мечом по шее побежденного врага. Голова чудовища сразу пошла ко дну, а тело, изогнувшись и извергая фонтаны черной крови, принялось биться в агонии. Несколько раз хвост хлопал по воде, вздымая волны, а затем обмяк.

Конан уселся обратно в лодку, снова положил меч себе на колени и вдруг дружески, почти как мальчишка, улыбнулся Гжегошу и Ксане.

— Ну вот, — проговорил варвар, — все кончено. А вы в чем-то сомневались, дети?

ШАДИЗАРСКИЙ ДЕРВИШ

Глава первая

Бритунец в Шадизаре

авненько Конан не видал таких забавных людей, как этот бритунец. Точнее, сам бритунец, очевидно, забавным не являлся: он был безукоризненно одет, чисто умыт и держался с очевидным достоинством. Но вот в каком месте он являл все эти пристойные манеры!

Здесь были бы куда уместнее чумазое лицо, лохматые волосы, обмотанные пропотевшей тряпкой, набедренная повязка или старые штаны, давно нуждающиеся в починке. Ибо действие происходило на одной из самых грязных площадей Шадизара, неподалеку от общественных бань — еще точнее, «на задах» этих самых бань, там, куда сливают нечистоты и где околачиваются бездельники в поисках поживы. А пожива здесь невелика, но случается: кому-то из посетителей бани требуется носильщик, кому-то нужно срочно — ну вот позарез просто! — передать сообщение деловому партнеру, а как это сделать, ежели человек сидит в воде, распаренный и голый? Вот тут-то и прибегают банные служки и нанимают

за медную монетку кого-нибудь из околачивающихся поблизости.

Хотя, конечно, подобные поручения никогда не исходят от местных жителей. От тех, кто знает толк в отдыхе и никогда не позволит себе прервать удовольствие ради каких-то там деловых операций. Все это приезжие, торговцы с севера и запада, — эти глупцы всегда беспокоятся о делах.

Истинный житель Шадизара знает: пока господин расслабляется в бане, дело само тихо катится в нужном направлении.

Но без этих глупцов с запада и севера не было бы и мелкого заработка. А сколько всего можно украсть у подобных раззяев!

Конан не интересовался мелочными заработками. И мелкие кражи тоже мало занимали киммерийца. Он просто проводил здесь время, держа лепешку с острым сыром в одной руке и небольшой мешок с местным, чуть подкисшим вином, — в другой. День был жаркий и долгий.

Бритунец же предлагал неплохое развлечение. И к тому же, совершенно очевидно, этот человек богат. Вон, кое-кто уже облизывается, рассматривая бритунца как легкую добычу. Разве что слюни у здешних воров не текут.

Конан оценивал тех, кто положил глаз на беспечного богатея. Шансов у них мало. Точнее, у этих во-ришек были бы кое-какие шансы — и, возможно, даже недурные, — но только в том случае, если бы поблизости не оказалось Конана. А Конан — здесь,

рядом. И потому... простите, ребята, сегодня не ваш день.

Бритунец откровенно восхищался всем, что видел. То и дело он хватался за восковые таблички, которые носил у пояса, — там, где все нормальные люди носят нож в хороших ножнах. Быстро царапая остро отточенной палочкой по восковому покрытию, бритунец делал какие-то заметки, а потом медленно засовывал их обратно.

Конану даже стало любопытно: что можно записывать здесь, в жаркий день, на грязной площади позади общественных бань в Шадизаре? Какие важные мысли посещают бритунца? А мысли, судя по всему, достаточно важные, иначе он бы так не боялся их растерять.

Единственное, что приходило в этом случае на ум Конану, были соображения касательно клада. Положим, начал фантазировать варвар, этот щеголь из Бритунии узнал о том, что где-то поблизости находится некое сокровище. Он анализирует в уме все полученные на сей счет сведения. И тотчас заносит их на таблички, чтобы потом сопоставить с уже имеющимися и сделать окончательные выводы.

Конан ухмыльнулся. Да уж, все эти ворюги будут иметь жалкий вид, когда за дело возьмется Конан-варвар!

Между тем бритунец остановился перед Загратом-дервишем и, как ребенок, разинул рот от удивления. Заграт приходил на эту площадь нечасто — только в тех случаях, когда у него возникала боль-

шая нужда посетить баню. Тогда он давал небольшое представление — зрители никогда не отказывались кинуть ему монетку-другую — и, собрав нужную сумму, отправлялся мыться.

В банях Заграта хорошо знали. У него даже имелся «собственный» банщик — человек, очень гордившийся привилегией обслуживать «кудесника».

Но сегодня у Заграта появился новый зритель. Конан переместился поближе к бритунцу, чтобы улучить миг и стащить восковые таблички. Если на них записано то, о чем подумал варвар, то у них с бритунцем скоро появится тема для интересного разговора.

Между тем Заграт расстелил в пыли свой старенький истрепанный коврик и уселся, скрестив ноги. Его тотчас обступили любопытные. Заграт не спеша снял с плеча мешок и вытряхнул оттуда горсть битого стекла. Солнце заиграло на пестрых полупрозрачных гранях, разбрасывая повсюду яркие блики. Пятна радужного света прыгали по лицам стоявших поблизости зрителей.

Один особенно назойливый — а может быть, отважный? — солнечный зайчик даже запрыгнул в глаз Конана, и этот глаз тотчас всыхнул ледяным синим светом, напоминающим сияние снегов на вершинах киммерийских гор. Конан моргнул, и зайчик исчез.

Зачерпнув горсть битого стекла, Заграт-дервиш отправил его в рот и принял с хрустом жевать. Даже привыкшие к его представлениям шадизар-

ские жулики разразились криками ужаса и восторга. Что же тут говорить о бритунце! Он ахнул, схватился за щеки и покачал головой, а затем потянулся к поясу, чтобы снять таблички и сделать еще пару заметок. Очевидно, увиденное бритунец счел бесценным...

Но что это?

Его рука схватила пустоту! Там, где только что были дорогие его сердцу таблички, теперь не оказалось решительно ничего.

— Это катастрофа, — сказал бритунец, обращаясь сам к себе. Он отступил на пару шагов и внимательно осмотрел пыль у себя под ногами на тот случай, если по неосторожности выронил таблички.

Но и в пыли под ногами они не обнаружились.

— Боги! — вздохнул бритунец. — Как такое могло случиться? Где же я потерял их?

Конан наблюдал за ним со стороны и никак не мог решить для себя: то ли этот человек нарочно разыгрывает комедию, чтобы сбить вора с толку, то ли он и в самом деле настолько наивен, что вообразил, будто сможет продержаться в шадизарской толпе дольше колокола и не быть обокраденным.

И тут он заметил, что бритунец смотрит прямо на него.

«Проницателен, как демон!» — подумал Конан, сохраняя, однако, невозмутимое выражение лица.

— Любезный! — окликнул его бритунец. — Ваш облик заставляет меня предполагать в вас честного человека...

— Э? — проговорил Конан с таким видом, словно он был очень недоволен тем, что его отвлекают от важных мыслей и интересного зрелица.

— Видите ли, — непринужденно продолжал бритунец, — со мной случилась нелепейшая история. Я где-то обронил мои восковые таблички. На них нет ничего особенного — так, мысли по поводу и вовсе без повода, но все же они ценные для меня. Вы случайно их не замечали где-нибудь поблизости? Я был бы вам очень обязан...

Конан молчал. «Как это он сразу догадался? — мелькало у него в мыслях. — Неужели я плохо сработал? Но в любом случае таблички у меня, и этому толстосуму придется раскошелиться, чтобы получить их обратно».

Тем временем дервиш продолжал невозмутимо жевать стекло.

Бритунец подошел поближе к Конану и указал на дервиша:

— Поразительное по силе зрелице! А вас, я гляжу, не слишком впечатляет?

— Ну, — сказал Конан, — я всякого навидался. Да.

Бритунец приподнял бровь, но промолчал.

Дервиш наконец покончил со стеклом и высунул язык, чтобы показать, что он не поранился. Обступившие его зрители разразились криками и аплодисментами, в глиняную плошку для сбора подаяния полетели медные монетки.

Заграт бесстрастно наблюдал за этим дождем изобилия. Когда монетки иссякли, а восторги зрителей

улеглись, Заграт продолжил представление. Он вытащил из своей котомки десяток гвоздей и молоточек.

— Не хотите ли вы мне сказать, что он будет заколачивать гвозди прямо в свое тело? — прошептал бритунец на ухо Конану, которого, очевидно, уже считал своим приятелем.

Конан покосился на назойливого собеседника.

— Я? — переспросил варвар. — Я ничего не хочу вам сказать.

— Но он сделает это? — приставал бритунец.

— Вероятно.

— Вы же видели это представление не раз. Вы сами мне говорили об этом. А? Ну скажите!

— Ничего подобного! — отрезал киммериец.

Теперь он больше не сомневался в том, что чужак его раскусил. Конану требовалось немного времени, чтобы решить, как действовать дальше.

Заграт взял первый гвоздь, приставил к своей груди и сильным ударом молотка вогнал в плоть по самую шляпку.

Раздался характерный звук, похожий на чмоканье. Но кровь не выступила, а лицо дервиша осталось невозмутимым. Он потянулся за вторым гвоздем.

Бритунец широко распахнул глаза.

— Невероятно! — прошептал он. — Я слыхал о подобных штуках, но никогда прежде... А вы читали книги Лакоста Джоста?

Конан не только не читал книг пресловутого Лакоста Джоста, но и не слыхал никогда его имени. Он

предпочел отойти еще на пару шагов от бритунца. У варвара появился новый план. За этим парнем стоит последить. Пока неясно, что у него на уме, но дайте Конану срок — он скоро все выяснит.

Покончив с гвоздями, дервиш получил еще несколько горстей монет. Конан обратил внимание на то, что бритунец, человек, несомненно, богатый, почему-то не дал дервишу ни монетки.

— Кстати, — заговорил с ним Конан, — отчего вы до сих пор не наградили этого удивительного дервиша? Мне кажется, если он так восхитил вас, вам следовало бы выразить свои чувства более весомо.

— Я никогда не плачу за зрелище, — ответил бритунец с достоинством. Он поднял плечи и поклонился, как будто ему было холодно, хотя на площади царила жуткая жара. — Я согласен выкладывать деньги за что-нибудь вещественное. Ведь деньги — это вещь, не так ли? Их можно пощупать в пальцах, подержать на ладони, ощутить их вес. А что такое зрелище? Пфу!.. Пустота! Сейчас есть — и вот уже развеялось. Эдак мне пришлось бы платить каждому дому, каждому дереву и каждой смазливой мордашке, какие только встречаются на пути. Нет, я не согласен!

— Но Заграт нарочно показывает вам свое умение... — начал было Конан.

Бритунец досадливо перебил его:

— Простите меня, мой друг, за то, что перебиваю вас, но выслушивать подобные глупости для меня так же невыносимо, как внимать звуку ножа, скре-

бущему по стеклу! Это причиняет мне страдание. Вот скажите на милость, где проходит тонкая грань между тем, что подлежит оплате, и тем, что оплате не подлежит?

— Это просто, — ответил Конан, против воли втянутый в спор. — Положим, за представление вы платите потому, что это нарочитое зрелище. А за драку торговок вы не платите, хотя это, быть может, зрелище еще и более забавное, чем выступление артистов, но оно произошло случайно.

— Отлично! А вот теперь представим себе ситуацию публичного дома. Борделя, — заранее торжествуя, произнес бритунец. — Полагаете, я не знаю, какие там царят нравы?

— Полагаю, знаете, — забавляясь, ответил Конан.

— Итак, вы платите так называемой шлюхе за то, что она раздевается. Да?

— Да.

— А если вы просто вошли в бордель — вы не платите?

— Нет.

— В некоторых богатых борделях вы платите и за это, — смутился бритунец, поняв, что проигрывает спор.

Конан расхохотался.

— Нужно посещать такие бордели, где не берут плату за вход. Тогда вы будете избавлены от сложных философских раздумий о тонкой грани между тем, за что надо платить, и тем, за что платить не надо.

И вдруг до них донесся тонкий вибрирующий крик. Оба замолчали, разом повернувшись к дервишу.

Заграт сидел, скрестив ноги, и пел на каком-то непонятном языке. Ни одного слова Конан не мог разобрать — он попросту никогда прежде не слышал этого языка. Эта речь звучала таинственно и глухо и, несмотря на жаркий день, от ее звучания мороз пробегал по коже, а волоски на загривке у варвара поднимались дыбом.

Киммериец мельком глянул на чужака — проверить, как тот реагирует на новое «лакомство», приготовленное для публики дервишем. Поведение бритуна поразило Конана куда больше, нежели непонятный язык и царапающее слух горловое пение дервиша.

Бритунец позеленел, в его выпученных глазах появился ужас, а из угла полуоткрытого рта потянулась нитка слюны. В этот миг бритунец, доселе любезный, говорливый и явно начитанный человек, показался Конану слабоумным.

Дервиш продолжал голосить, раскачиваясь и вращая головой. Звук разносился по площади, постепенно делаясь все громче и становясь всепроникающим. Слова непонятного языка падали тяжелыми камнями.

Люди на площади заражались этим сумасшествием, одни раньше, другие позже. Кое-кто уже начал приплясывать на месте, другие подпрыгивали и вскрикивали тонкими голосами. Конан озирался во-

круг недоумевающее. Что творится с этими людьми? Насколько знал киммериец, Заграт обычно не прибегал к магии.

Да это и не была никакая магия. По крайней мере, Конан бы сразу почувствовал близость колдовства: у варвара было поистине звериное чутье на подобные вещи.

Он решил поговорить с бритунцем.

— Полагаю, сейчас самое время обсудить одну важную для вас вещь...

Бритунец не ответил. Он жадно ловил бессвязные речи дервиша, шевеля губами в такт его пению.

— В общем, я хотел вам рассказать то, что вас непременно должно заинтересовать, — продолжал Конан с нахлаждом.

Бритунец прошептал несколько слов и свесил голову на грудь. Затем вдруг вскинулся и уставился на дервиша с изумлением и страхом.

— Эй, дружище, да что это с вами? — обратился к нему Конан и тронул его за плечо.

Он сразу ощутил, что бритунца колотит мелкая дрожь. Трясясь все сильнее, тот повернулся к Конану помертвевшее лицо.

— Да вы... вы хоть понимаете... — с трудом ворочая онемевшим языком, спросил его бритунец. — Вам хоть ясно...

— Кажется, для вас настала пора освежиться глотком доброго вина, — успокоительным тоном заметил Конан. — Идемте, кое-что обсудим. Ну и успокоимся заодно.

— Нет, нет! — бритунец вырвал руку из пальцев Конана, который уже начал было подталкивать его прочь. — Я должен!.. Мы должны увидеть, убедиться...

— Да в чем?

— Что это действительно то, о чем я подумал... Ах, я не могу вам прямо так все сразу взять и сказать!

Конан с облегчением отметил, что естественные краски постепенно возвращаются на лицо бритунца. Дервиш между тем пел тише и раскачивался медленнее. Очевидно, эта часть представления заканчивалась, и наступал черед следующего фокуса.

— Если речь идет о Заграте, — сказал Конан, — то мы его не упустим. Я могу вам в точности сказать, куда он пойдет дальше, так что мы найдем его в любом случае.

— Куда? — Бритунец уставился на Конана вытаращенными глазами, в которых безумие боролось со страстным желанием все выведать и разузнать в мельчайших подробностях. — Куда он пойдет?

— Да вот в эти общественные бани, — Конан кивнул в сторону бань. — И проведет там добрую половину дня. Вон сколько денег ему набросали. Этого хватит, чтобы недурно скоротать там время.

— А, — вздохнул бритунец. — В таком случае я рад с вами познакомиться. Меня зовут Олдвин. Я путешествую в поисках впечатлений. Позвольте также узнать ваше имя?

— Конан из Киммерии, — сказал варвар. — Я пу-

тешествую просто от нечего делать. Жду, пока освободится подходящий трон, чтобы занять его.

— Мне нравится ваше чувство юмора, — отметил Олдин. Теперь он снова стал самим собой. — Итак, где находится ваша таверна? Я намерен последовать вашему приглашению и пропустить пару кружек вина. Надеюсь, оно будет недурного качества.

— Качество будет такое, какое будет, — буркнул Конан. Он вдруг сообразил, что Олдин почти наверняка попробует устроить так, чтобы за выпивку платил его спутник.

Вот они, начитанные люди, философы, знатоки древних языков! Сперва поиск тонких граней, а потом — попытка выпить за чужой счет.

Ладно, у Конана кое-какой сюрприз припрятан...

Они вышли с площади. Олдин несколько раз оглядывался, но дервиш уже перестал петь и теперь демонстрировал еще один трюк: высаживал на себя голодных скорпионов.

В толпе вскрикивали, шутливо ругались и взмахивали руками; пара скорпионов уже лишилась хвостов и вместе с ними жизни — их убили ударами ножей самые нервные из зрителей, когда те поползли не в ту сторону.

— Он никуда не денется, — повторил Конан свое обещание касательно дервиша.

Наконец Олдин позволил привести себя в небольшую таверну, где гостям, не задавая ни единого вопроса, сразу подали кувшин на редкость скверного пойла.

— Лучшее аквилонское вино! — сообщила хозяйка и продемонстрировала лучшую в шадизарском воровском квартале походку — с плавным раскачиванием пухлой задницы.

— Поверим на слово, — пробормотал Олдин.

Конан налил себе и приятелю.

— А теперь поговорим о ваших восковых табличках, — сказал киммериец.

Олдин откровенно обрадовался.

— Так вы все-таки имеете некоторое представление о том, где они могут обретаться?

— Да, — сказал Конан. — Разумеется. И более того, я приложу ряд усилий для того, чтобы вы заполучили их обратно. Но вы должны выполнить кое-какие условия.

Олдин помрачнел.

— Что еще за условия?

— Во-первых, вы платите за выпивку. За себя и за меня, — начал киммериец. — Во-вторых, мы с вами все делим пополам.

— Что «все»? — осведомился бритунец. Теперь он утратил некоторую толику своей любезности и с каждым мгновением делался все менее приятным собеседником. Можно сказать, цветок его благовоспитанности увядал прямо на глазах.

— Клад, — в упор произнес Конан. Он решил играть в открытую, поскольку бритунец явно демонстрировал недюжинную деловую хватку, а с людьми подобного сорта путь недомолвок — наихудший из возможных.

— Клад? — переспросил бритунец. — Но я не понимаю, о каком кладе вы... Хотя, позвольте... ну да, конечно! Мы должны немедленно идти в бани!

Он вскочил.

Конан удержал его за руку и властным кивком приказал сесть обратно.

— Мы еще не закончили разговор! — жестко произнес варвар. — Ваши таблички.

— Да, — уgas Олдвин. — Боюсь, они утеряны на всегда.

— Они у меня, — сказал Конан. — Я подобрал их. Олдвин так и вскинулся:

— Я же говорил, что выронил их по рассеянности!.. Отдайте же их мне скорее, я должен записать... пока не забыл.

— Что на них? — спросил Конан. — Вы получите их обратно не раньше, чем я буду знать их содержание.

— Разве вы их уже не прочитали? — изумился Олдвин. — О, вы человек редкой силы воли. Я бы непременно ознакомился с текстом, как только этот текст оказался бы у меня в руках.

— Вам это может показаться странным, — преспокойно заявил Конан, — но я не умею читать. Так, кое-что разбираю. Но не ваши каракули, естественно. Там нет ни одного рисунка.

— Да. — Олдвин сжал и разжал пальцы, как бы разминая их перед тем, как начать писать. — Я охотно прочитаю вам все, что на них написано. А также и другие мои записи. Они у меня в гости-

це. В мешке, среди других необходимых в путешествии вещей.

Конан вытащил из-за пазухи таблички и положил их перед Олдвином.

— Не вздумайте меня обманывать, — добавил он.

— Обманывать? — Олдвин выглядел удивленным. — Напротив, я очень рад возможности поделиться своими сокровищами...

На лице варвара появилось откровенное недоверие. Впервые в жизни он встречал человека, который испытывал радость, принужденный делиться с кем-либо своими сокровищами.

Олдвин придинул к себе таблички, погладил их края пальцами, кашлянул и начал читать:

— «Нравы шадизарской толпы представляют причудливое смешение грубости и хитрости, а многие ведут себя так забавно, что я готов простить им даже мерзкую привычку наступить на ноги. Меня толкнули локтями четыре... простите, тут исправлено... шесть раз, а сколько раз просто пнули, проходя мимо, — я не успел сосчитать. И тем не менее я получаю удовольствие от созерцания грубых радостей этих простых людей. Многим из них для счастья бывает довольно лишь пребывания среди себе подобных. Таковы же и крокодилы, если верить Немуару Стигийскому — который, впрочем, был колдуном... (Это неважно, — добавил Олдвин). Некоторое время я провел в размышлениях, кто забавнее — человек с бородавкой на кончике носа и волоском на кончике бородаки, или же, напротив, человек с напрочь от-

существующим носом, как бы вплюснутым в лицо ударом кулака. Откуда вообще берутся таковые носы? Положительно, нос — самая уязвимая и одновременно с тем самая смешная часть лица. Этого ни в коей мере нельзя сказать об ушах, хотя оттопыренные иногда и вызывают насмешки окружающих, все же они несопоставимы...»

— И это все? — перебил Конан, не скрывая разочарования.

— То есть? — Бритунец оторвался от своих заметок и устремил на Конана недоуменный взгляд. — Что вы подразумеваете под высказыванием «и это все»? Это только начало длинного эссе, которое я намерен сделать достоянием бритунских аристократических салонов, а может быть, и учебного сообщества! — Он снова уткнулся в таблички. Неожиданно он рассмеялся. — А как вам, интересно, понравится вот это? «Каждый встреченный типаж заставляет сожалеть о том, что я не владею искусством рисования. Однако это искусство вполне может быть заменено письмом, именно — умением слагать слова таким образом, чтобы... ну и так далее... Вот интересное. Печальный и твердый взор его ярко-синих глаз поразил меня в первое же мгновение. Какая тайна скрывается в этом человеке? С другой стороны, его манера ухмыляться весьма простонародна, а когда он почесал загривок пятерней, я окончательно уверился в том, что он — простолюдин. И вновь меня разуверила в этом его благородная осанка. Держать плечи развернутыми, да еще таким образом,

свойственно лишь прирожденным аристократам и мужчинам, которые живут за счет своих любовниц. И те и другие вращаются в высшем обществе. Любопытно было бы узнать, какова любовница этого субъекта. Мне давно хотелось прикоснуться к миру, где...»

Олдин оборвал чтение и взорвался на Конана.

— Ну, как вам? Узнаете?

— Что? — удивился Конан, мысли которого уже уплыли далеко от читаемого отрывка. — Что я должен узнавать?

— Описание!

— Очень живописно, — сказал Конан, припомнив то, что обычно говорят в подобных случаях. — Выразительно и выпукло.

— Да, я не ошибся... — пробормотал Олдин, очень довольный. — Манеры и прирожденный аристократизм. Наверняка вы живете на содержании у женщины.

Конан поперхнулся. Он ожидал услышать что угодно, только не такое.

— О чём мы сейчас разговариваем? — спросил он у безумного бритунца очень осторожно. (Олдин — сумасшедший, сомнений нет!)

— Как о чём? О вас! — Олдин показал на таблички и закрыл их. — Когда я стоял на площади, я набросал про вас пару слов. А ведь забавно читать подобные вещи! Я же тогда не знал, что мы станем близкими друзьями.

Конан перевел дух.

Кое-что прояснилось. Во всяком случае, в том, что касалось умственных способностей Олдвина.

— Поговорим о сокровище, — сказал Конан.

— Так мы все время о нем и разговаривали! — с жаром воскликнул бритунец. — Я читал вам мои заметки! Это и есть мое сокровище. Разве вы еще не поняли? Сокровище моей мысли, моей наблюдательности. Достояние моей души, можно сказать. И я охотно поделился с вами, по первой же вашей просьбе. Более того, когда я заберу все остальное, вы сможете наслаждаться...

— Ясно, — прервал его излияния Конан. Он ощущал себя обведенным вокруг пальца. Это было не приятное чувство.

— Вернемся к дервишу, — предложил Олдвин. — Я бы еще понаблюдал за ним. Дело в том, что он пел... Как, кстати, вы нашли его пение?

— Неприятным, — поежился киммериец.

— Очень точное слово! Определение, бьющее прямо в цель! — Олдвин полез за табличками и тщательно записал несколько слов. — Именно что неприятным! Он пел на языке древнего Ахерона. Вы не знали, что когда-то эти земли принадлежали Ахерону? О, заморийцы все прокляты от самого рождения, как бы они ни кичились своим древним происхождением. Тем-то они и интересны...

Конан знал заморийцев как людей, которым не следует доверять ни при каких обстоятельствах. Это были прирожденные воры и жулики. Киммериец так и сказал:

— Клянусь Белом, все они пройдохи!

— Если бы только пройдохи! — Олдвин вздохнул. — В пустынях севернее Замбулы, по слухам, некогда обитало племя халгворлов, — он произнес название, старательно картавя и приыхая, так что слово прозвучало так, словно оно изошло из пасти зверя, а не из человеческого рта. — Галгворвы, — повторил он, наслаждаясь. — Они многое сохранили от древнего, погибшего Ахерона. Небольшой народ, затерянный глубоко в пустыне. Никто не может сказать, чем они там питались. Какой-нибудь колючкой, совершенно несъедобной. Но они были. И никто не знает, когда и при каких обстоятельствах они исчезли с лица земли. Это покрыто тайной.

— А их язык? — спросил Конан.

— Вы смотрите в корень! — воскликнул Олдвин. — Ваша покровительница наверняка имеет хороший вкус...

Конан спокойно сказал:

— Если я еще раз услышу что-нибудь о моей покровительнице, то отрежу вам язык и съем его на ужин.

— О, я понял! Прошу простить мою нескромность. — Олдвин опустил глаза и немного помолчал, показывая всем своим видом, что он отпускает на волю незримый призрак «покровительницы», которая отныне не станет тревожить его мысли. — Вы зорите в корень, — вернулся он к своей предыдущей мысли. — Речь дервиша! Он пел на языке галгворлов. В этом я почти уверен. Правда, до сих пор я ви-

дел только записи образцов этого языка и никогда не слышал его звучания, но ошибиться в значении некоторых слов просто невозможно.

— Это более вещественное сокровище, вы не находите? — сказал Конан, шурясь. — Такое, за которое стоило бы заплатить, а?

— Да, — согласился Олдвин. — Но возникает второй вопрос: а кто будет платить за это вещественное сокровище, вы или я?

В конце концов они сговорились о том, что за выпивку заплатят пополам, после чего вернулись на площадь. Заграт уже ушел и, как и предполагал Конан, он отправился в общественные бани, так что киммериец с новообретенным приятелем и компаньоном дружно зашагали прямо туда.

Шадизарские общественные бани представляли собой подземные сооружения, выстроенные над горячими источниками. Их помещения не были особенно большими, однако ощущения тесноты не возникало — места хватало всем желающим.

В банных было светло — яркий солнечный свет проникал сквозь окна, проделанные в потолке. В первом помещении посетители раздевались, оставляя свои вещи под присмотр банного служителя, на редкость волосатого детины, расхаживавшего по своим «владениям» с таким высокомерным видом, будто они действительно искони являлись его вотчи-

ной. Отчасти так оно и было, поскольку и отец, и дед смотрителя здесь работали.

Нынешний смотритель славился своей беспримечательной честностью. При нем в банях никогда еще не случалось краж. Разумеется, на это можно возразить, что в общественные бани ходят люди, у которых и стащить-то нечего, но, как любил повторять смотритель, даже если бы сюда явился первейший богач из числа вендийских купцов — он бы вышел отсюда таким же замотанным в шелка, унизанным золотыми кольцами и браслетами как и вошел.

Впрочем, пресловутая честность отнюдь не отменяла множества мелких услуг, которые смотритель оказывал своим лучшим друзьям. А Конан-киммериец входил в число избранных.

Точнее, он стал считаться таковым, едва лишь появился в банях вместе с бритунцем и, выудив из кошеля Олдвина пару золотых, показал их смотрителю.

— О, мой друг! — поспешил к нему смотритель, низко кланяясь и простирая руки как бы в ожидании неслыханных милостей от всемогущего покровителя.

Конан сжал монеты в кулаке.

Смотритель выпрямился и устремил на Конана честный взгляд широко раскрытых темных глаз.

— Мы желаем навестить бани, — сказал киммериец. — Мой друг, — он показал на Олдвина, — путешествует. Он изучает нравы и обычаи разных людей. Ведет записи.

— Э? — смотритель приподнял брови и сложил их «домиком». Теперь он напоминал ученика, внимающего учителю.

Конан отметил про себя, что у смотрителя имеется несколько выражений лица, припасенных на всякий случай жизни и для каждой ситуации. Набор случаев и ситуаций, очевидно, был у смотрителя весьма ограничен. Сейчас он пытался понять, с каким именно феноменом он столкнулся и перебирает последовательно наиболее подходящие гримасы.

— Итак, мой друг бритунец, господин Олдин, желает посетить общественные бани Шадизара, — продолжал Конан. — И я хотел бы, чтобы у него остались наилучшие воспоминания об этом.

— Это запросто можно устроить, — заявил смотритель, с облегчением помещая на своей физиономии широкую дружескую улыбку. Он наконец понял, что от него ожидают услуг и любезностей и готовы оплатить хорошее поведение парой золотых.

— Нам нужно чистое белое покрывало, кусок мыльного корня и... взглянуть на вещи дервиша Заграта, — продолжал Конан.

Не переставая улыбаться, смотритель заметил:

— Уже десять поколений моих предков служили в этих банях. И ни разу за все эти века ни одна вещь здесь не пропала. Гости никогда не бывали недовольны. Все и всегда счастливы видеть нас, потому что мы...

— Да, да, — перебил Конан, — я знаю, что ты честен, как и всякий замориец.

В последней фразе варвара таилась злая ирония: ни один народ во всем Хайборийском мире не пользовался такой скверной репутацией лжецов, воров и проклятых злослужителей, как замориецы. Однако сами они, потомки древнего народа, полагали себя людьми высшей расы и держались соответствующе, особенно перед чужаками.

— И коль скоро моя честность не должна подвергаться ни сомнениям, ни испытаниям... — продолжал смотритель одежду.

— Никто не намерен подвергать твою честность испытанию, — перебил Олдин. Он считал, что Конан слишком медлит при ведении переговоров. Дело-то пустяковое! И что это киммериец вздумал разводить долгие дискуссии? Не лучше ли сразу сообщить, что именно требуется от этого полуголого банщика!

Конан остановил приятеля движением руки.

— Я вовсе не желаю ничего здесь украсть, — сказал киммериец возмущенно.

Смотритель чуть отступил от него, шлепнув по влажному полу босой ногой.

— Я ведь не знаю, что у тебя на уме, чужеземец.

— Всего лишь взглянуть на одежду Заграта-дервиша, — был ответ.

— Взглянуть? — переспросил смотритель.

— Брось притворяться! Не ломайся, ты ведь не девственница в лапах разбойников! — взорвался Конан. — Можно подумать, ты никогда не оказывал таких услуг своим друзьям, когда они заходили в баню...

— Сейчас я, кажется, припоминаю один похожий случай, — как бы между делом заметил смотритель. — Да, это был очень похожий случай, если не считать одного различия. Небольшого, но существенного отличия.

— Какого? — нетерпеливо спросил бритунец.

Смотритель устремил на него пронзительный взгляд.

— В том случае, о котором я вдруг вспомнил, речь шла не о двух золотых, а о пяти. Полагаю, мы могли бы подстегнуть мою память... Мне лучше думается, когда обстановка в точности повторяется...

— Дайте ему пять золотых, — обратился Конан к бритунцу. — Скорей! Не будем терять время!

Олдин выложил пять золотых. Смотритель взял их быстрым, уверенным жестом. Конан мог бы поклясться, что это движение смотритель бань повторяет в тысячный раз. Да от предков наверняка кое-что унаследовал. Хватку — это уж точно.

— Вот его вещи, господа! — Смотритель подвел Конана и его спутника к кучке неопрятного тряпья, сброшенного прямо на пол. — Погодите, не нужно их ворошить!

— Лично я не намерен к ним прикасаться! — прошептал бритунец. — Даже интерес к чужим нравам и обычаям не вынудит меня трогать эти кошмарные лохмотья.

— Я должен запомнить, как они лежат, — пояснил смотритель, — чтобы потом, когда вы закончите, вернуть одежду ее, так сказать, изначальное

состояние. Мне совсем не нужно, чтобы посетитель был недоволен. Он вообще не должен догадаться о том, что кто-то нарушил покой его вецией, покуда сам он наслаждался услугами нашей купальни.

Конан весело фыркнул, а на лице бритунца появился ужас.

Возможность порыться в барахле дервиша больше не представлялась ему такой уж заманчивой. Конан, напротив, предвкушал нечто необычное и, несомненно, интересное.

Киммериец наклонился над тряпками. Олдин тронул его за плечо.

— Осторожней! — произнес он.

Конан повернулся к нему.

— Что такое?

— Разве вы не видите?

Он указал на лохмотья дервиша. По тряпкам медленно, с достоинством перемещалась огромная вошь. Из складок деловито выбралась другая и присоединилась к первой.

Конан поворотил тряпки ногой, и вдруг что-то звякнуло среди ветоши. Киммериец быстро протянул руку и схватил некий маленький предмет.

Смотритель одежда наблюдал за ним ревниво.

— Ничего не красть! — повторил он, беспокойно ворочая головой на тонкой шее. — Все положить как есть обратно!

Конан ухмыльнулся и, не обращая внимания на смотрителя, показал Олдину находку. Это был ножной браслет, до того засаленный и почерневший

от толстого слоя жирной грязи, что невозможно было рассмотреть, из чего он сделан.

Не успел банщик повторить — наверное, в десятый раз, — свое предупреждение, как Конан уже вытащил кинжал и снял толстую полоску грязи с браслета.

Блеснул желтый металл, и солнечный луч с готовностью заиграл на его поверхности.

— Золото! — прошептал банщик. Он дрожал с головы до ног и то и дело бросал испуганные взгляды в сторону входа в парильни, где, очевидно, сейчас находился дервиш. — Это же золото!

— Чистейшее! — весело подтвердил Конан.

— Но вы испортили вещь! — запричитал банщик.

— Погоди, — остановил его Конан, поскольку он уже протянул руку, чтобы схватить браслет и положить его обратно в кучу тряпья. — Коль скоро мы уже тут похозяйничали, позволь нам насладиться плодами наших трудов.

— Меня убьют! — бормотал безутешный смотритель одежд. — Мне отрежут голову и выставят ее на площади, потому что я — позор моих предков и всей моей честной семьи! Мы всегда славились нашей честностью!

— Ну да, как все заморийцы, — повторил свою несмешную шутку Конан. — А теперь отойди.

— Добавьте пару монет за риск, — сказал смотритель совсем другим тоном.

— Зачем тебе еще пара монет, если тебе все равно отрежут голову? — рассеянно осведомился ким-

мериец, поворачивая браслет дервиша у себя перед глазами.

Олдин тоже захотел разглядеть эту вещь поближе.

— Позволь, — он забрал браслет у своего приятеля. — Мне кажется, здесь интересные узоры...

Некоторое время он изучал браслет, а затем вернулся к смотрителю одежд. Тот, едва не плача, подобрал с пола срезанную Конаном полоску грязи и, послюнив ее, попытался прилепить «на место».

— Это те самые письмена, — прошептал Олдин на ухо Конану. — Знаки исчезнувшего народа.

— Вероятно, этот народ не такой уж «исчезнувший», коль скоро его представитель свободно расхаживает среди нас и ни в малейшей степени не похож на призрака, — возразил Конан.

— Я полагаю, он попросту отыскал в пустыне «спрятанный город», — отозвался бритунец. — Проклятье! Я бы все отдал, лишь бы поглядеть на него хоть краешком глаза. По легенде, сокровищ там должно быть видимо-невидимо, — добавил он, желая заинтересовать Конана.

Конан пожал плечами.

— Для начала заплатим за вход в бани и хорошенько искупаемся, — предложил он. — А заодно поглядим на Заграта.

— Он же там голый! — всполошился бритунец.

— Разумеется, голый, — кивнул Конан. — Его одежда кое-что нам уже поведала, теперь посмотрим, что сумеет рассказать нам его кожа.

— Забавный факт, — задумчиво протянул Олдвин, — я всегда считал, что голый человек ничего рассказать не может. Что самые важные сведения о нем содержатся в его одежде.

— Одежда — только часть облика, — возразил Конан. — Переодень богача нищим — и не узнаешь его... если будешь смотреть только на одежду.

— Ну, лицо-то я как-нибудь разглядеть сумею, — обиделся Олдвин.

— Если дашь себе такой труд.

Они разделись, оставив свои вещи под заботливый надзор смотрителя. Конан шепнул тому еще пару слов, когда Олдвин оглянулся, и смотритель, за владев маленькой медной монеткой, весело кивнул. Он выглядел совершенно утешенным после инцидента с браслетом.

Конан и Олдвин вступили во внутренние помещения бани.

Их сразу встретили гостеприимные клубы пара. Пар исторгала большая жаровня посреди бани. На нее то и дело плескали воду из ковшей с длинными рукоятками. Поодаль бурлил горячий источник. Его воды были заключены в квадратный бассейн, и десяток голов с блаженными улыбками, застывшими на лицах, плавали на поверхности.

— Вот лица десяти купальщиков, — Конан подтолкнул Олдвина под руку, — ты видишь их вполне отчетливо, не так ли? И которое же из них принадлежит Заграту?

Олдвин пожал плечами.

— Вон то, с краю. В углу, рядом с ароматической курильницей. Видишь?

Конан кивнул.

— Ты действительно умеешь смотреть людям в лицо, — признал он. — Что ж, это говорит в твою пользу, Олдвин. А теперь — мой совет: веди себя совершенно естественно. Ты слишком напрягаешься.

— Я впервые в подобном заведении, — зашептал Олдвин ему в ухо. — Как же мне держаться естественно? Для меня здесь все неестественно.

— В таком случае, будь собой: иноземцем, которому все в Шадизаре в диковину. И спрячь свой проницательный взор. Здесь это могут счесть невежливым, а за невежливость в Шадизаре отнюдь не отказывают от дома в любезных выражениях, переданных через лакея.

— Да? — переспросил Олдвин.

— Да, — отрезал Конан. — За невежливость здесь могут всадить кинжал в грудь.

— О! — воскликнул Олдвин.

Они постояли немного возле жаровни, истекая потом, а затем погрузились в бассейн.

Вода била снизу, выходя из расселины в земле, и приятно щекотала пятки. Олдвин блаженно зажмурился. Теперь его лицо мало отличалось от соседних — все они испытывали одно и то же ощущение.

Киммериец, однако, не позволил себе расслабиться. Он внимательно следил за окружающими.

Сперва ничего интересного не происходило. Толстяк с розовым от пары лицом вдруг ожил и реши-

тельно выбрался наружу из бассейна. К нему сразу подбежал юркий слуга, очень смуглый и кучерявый, и начал обтирать его полотенцами. Затем в бассейн столь же решительно плюхнулся новый клиент, очень красивый замориц, в смазливом лице которого, однако, угадывалось нечто порочное. Он сразу же жадно уставился на юношу, со скучающим видом плавающего в углу бассейна.

А после терпение Конана было вознаграждено: дервиш начал подниматься из воды. Конан с силой толкнул бритунца под локоть:

— Откройте пошире ваши внимательные глаза да полюбуйтесь!

Олдвин поднял веки и вдруг ахнул. Все тело дервиша, ниже шеи и выше живота, и грудь, и бока, и спина, и руки, было разрисовано синими татуировками. Странные узоры густо сплетались между собой, как бы одевая своего носителя в некие одежды.

— Не можете вот так, сходу, распознать — нет ли там каких-то известных вам букв? — спросил Конан, наклоняясь к уху Олдвина.

Тот медленно покачал головой, потом сложил губы в трубочку, почмокал, но все же положительного ответа так и не дал.

— Он слишком быстро двигается, — шепотом ответил бритунец своему товарищу. — Знаки все время искажаются. И потом, не могу же я на него бесстыдно плятиться! Одним только богам известно, что обо мне могут подумать все эти почтенные горожане...

Конан весело хмыкнул.

— А эти почтенные горожане уже подумали, — ответил он. И обнял Олдвина за плечи. — Мы с вами шепчемся, погрузившись в бассейн, а кроме того, у нас одна простыня на двоих. Не забыли?

Олдвин застонал сквозь зубы.

— Мы взяли одну просто потому, что это экономит деньги!

— Стоны — это тоже способствует тому, чтобы о нас составили подходящее мнение. — Конан от души потешался над смущением Олдвина.

Однако эта «милая сценка» выполнила свою роль. Окружающие действительно вообразили, будто Конан и Олдвин ссорятся из-за того, что один из них слишком пристально смотрел на постороннего человека. Так что любопытство их осталось «безнаказанным». Похоже, и сам дервиш мало был обеспокоен этим обстоятельством. Он кивнул Конану как знакомцу и вышел из бани.

— Побудем здесь еще немного, — предложил Конан. — Чтобы не сложилось впечатления, будто мы здесь только ради Заграта.

— Лично я не хотел бы видеть, как Заграт рассматривает свои вещи и обнаруживает, что с браслета снята грязь, — признался Олдвин. — Смешно об этом говорить, но я боюсь разоблачения. Как-то все это... неловко.

— Ну, во всяком случае, Заграт вас не станет наказывать, как это сделали бы родители, — засмеялся Конан. — А что до браслета... Я думаю, наш при-

ятель — смотритель одежды — уже позабылся о том, чтобы грязь вернулась на место. Он мастер подобных фокусов.

— Вы с ним знакомы?

— Нет, но я знаком с множеством ему подобных.

Они выбрались из парилки спустя полчаса после ухода Заграта. Конана клонило в сон, но у него была припасена еще одна шутка для бритунца, и варвар заранее посмеивался в предвкушении.

— Полагаю, — бритунец широко зевал, так, что челюсти сводило, — полагаю, эти узоры — эта татуировка — а-а-а... — а-ах!.. — ну так эта татуировка все-таки имеет то же графическое оформление, что и знаки их письменности... и, следовательно... ах-ах!.. — мда, следовательно, Заграт имеет самую прямую связь с...

— Вот и хорошо, — перебил Конан.

Олдин вздохнул, благодарный своему спутнику за то, что он оказался понятливым и избавил бритунца, у которого язык заплетался, от необходимости завершать фразу.

Они снова оказались в первом зале, где смотритель одежды бросил в их сторону торопливый взгляд и сразу же отвернулся. Бритунцу это показалось подозрительным.

— Уж не позволил ли он кому-то осматривать и нашу одежду? — спросил Олдин.

— Если и так, то там в любом случае ничего не пропало, — утешил его Конан.

Он быстро натянул куртку и штаны и стал с лю-

бопытством наблюдать за приятелем. Олдин долго облачался в белую рубаху из шелка, затем — в шелковые же шаровары, явно купленные если не в Шадизаре, то поблизости от него, в длинный плащ из козьей шерсти, обтягивает все это поясом... Наконец Олдин подобрал свои восковые дощечки с записями.

Глаза киммерийца блеснули. На мгновение он встретился взглядом со смотрителем.

Одежда Конана и его друга была сложена возле самого входа в парильное отделение, поэтому сюда проникал горячий воздух. И теперь от жара воск расплавился, и все написанное на нем поплыло и смазалось. Олдин обнаружил это, когда раскрыл дощечки.

Бритунец испустил крик ужаса. А Конан с невозмутимым видом взирал на него.

— Мои бесценные наблюдения! — воскликнул Олдин. — Все погибло! Все описания! В том числе и твое, Конан. Твое описание тоже исчезло. Неужели это тебя совершенно не волнует?

— Ну, — сказал киммериец, — может быть, самую малость.

Глава вторая

Преследование в пустыне

Вот уже два дня Конан и Олдин ехали по пустыне. Несмотря на то, что Олдин выглядел человеком изнеженным и вел себя как избалованная девица из богатого дома, склонен был к капризам или совершенно неуместным требованиям, вроде охлажденного и непременно взбитого куриного яйца на завтрак (посреди пустыни), — в общем и целом Олдин оказался гораздо менее докучливым спутником, нежели можно было представить.

И главным его достоинством Конан счел то обстоятельство, что Олдин никогда не требовал по-настоящему невозможного. Бритунец жаловался на отсутствие излишеств, но ни словом не обмолвился насчет того, что неудобное седло натерло ему внутреннюю сторону бедра, что жажда измучила его (а между тем Конан настаивал на том, чтобы беречь воду, и выдавал питье лишь маленькими порциями), что лошадь, которую они поспешили купили в Шадизаре, оказалась со скверным нравом.

Он взял с собой только свои записи и деньги. Лишнюю одежду и кучу странных предметов, вроде «дорожного» кувшина и шкатулки с «необходимыми в пути» принадлежностями, вроде щеточки для приглаживания волос на ногах, Олдин по требованию Конана продал прямо в Шадизаре.

Олдин пытался спасти хотя бы шкатулку, но киммериец был непреклонен.

— Мы не потащим все это барахло через пустыню, а оставлять его в гостинице на сохранение у хозяина — дело бессмысленное. Этот пройдоха все равно продаст ваши вещички и при встрече сделает вид, будто никогда прежде с вами не встречался. И кто только надоумил вас тащить с собой подобные предметы?

— Я приобрел их в Бритунии в лавке «Все для путешественников», — сказал Олдин с покаянным видом.

Он уже начал понимать, что Конан в своих требованиях совершенно прав, и потому подчинился без жалоб.

Заграт, по мнению приятелей, вел себя все более и более подозрительно.

— Мне никогда прежде не приходило в голову последить за ним, — признался Конан своему спутнику. — Я считал его забавным и придурковатым, как все эти нищие. Немного жуликом, не без того, но и не более того. У меня всегда находились более интересные занятия, чем разглядывать Заграта. Потребовался богатый бездельник с его неуемным лю-

бопытством, чтобы я обратил внимание на то, что находилось у меня под носом.

— Между прочим, мои исследования представляют интерес для ученых Британии, — насупился Олдвин. Ему не понравилось, что Конан назвал его «богатым бездельником». — Я занимаюсь важной работой.

— Ага, — согласился Конан. — Теперь, к примеру, мы тащимся через пустыню, чтобы понаблюдать за поведением татуированного дервиша в естественной для него среде обитания.

— У вас на удивление разнообразная речь, — заметил Олдвин.

— Только не вздумайте записывать это на свои таблички, — предупредил Конан. — Иначе в следующий раз они случайно окажутся возле костра и опять расплавятся.

— Я так и знал, что случившееся в банях было вами подстроено! — надулся Олдвин.

... Заграт не стал после бани одеваться в свои лохмотья. Он взял у смотрителя одежду совершенно другое платье — длинную, до полу, тунику с рукавами и белый плащ с капюшоном. Разумеется, смотритель ни словом не обмолвился Конану о том, что подобная одежда существует. Зачем болтать лишнее? Ведь от Заграта он получил неплохие деньги — и за сохранность этого сменного платья, и за молчание.

Преображенного Заграта Конан узнал в толпе не сразу, однако от цепкого взгляда бритунца лже-дер-

виш не укрылся. Олдвин заметил его покупающим длинный кинжал в лавке, возле которой Конан задержался на добрых полчаса.

После этого приятели уже не выпускали Заграта из виду. Им пришлось потратить почти все, что они выручили от продажи «дорожных принадлежностей» Олдвина, на покупку двух лошадей. И скоро уже они очутились в пустыне.

Тайно высматривать человека в пустыне нелегко. Здесь негде спрятаться, обзор широк, и один всадник легко заметит другого на горизонте. Поэтому друзьям приходилось держаться от Заграта на большом расстоянии. Они тщательно следили за тем, чтобы он не мог их разглядеть.

Конан выискивал в песке следы. По мнению Олдвина, киммериец, несомненно, пользовался какой-то потаенной варварской магией, потому что сам Олдвин ровным счетом ничего в песке не различал.

— Барханы и барханы, — бормотал бритунец, щуря глаза, слезящиеся от слишком яркого света. — Один ничем не отличается от другого.

— Поверьте мне на слово, — сказал ему Конан, — я просто вижу эти следы так же ясно, как если бы они отпечатались на сырой глине.

— У меня нет причин сомневаться, — вздохнул бритунец. — Наверняка это какая-то магия.

Переубедить его Конану не удалось.

В первую ночь их потревожили пустынные зверьки, похожие на собак. Их большие острые уши отчетливо вырисовывались на фоне неба, когда на

гребне бархана показывалось очередное существо. Конан отпугивал их, бросаясь в их сторону песком, и они с недовольным тявканьем исчезали.

— Они вряд ли способны причинить нам вред, — объяснил киммериец своему спутнику, — даже если соберутся в большую стаю. Они скорее любопытны, чем злобны. Но вот украсть у нас съестные припасы — это запросто. Так что лучше бы нам избавиться от непрошенных гостей.

— Вряд ли получится, — взразил бритунец. — Под уверениям наших мудрецов, представители животного мира отличаются настойчивостью и мало восприимчивы к обидам. Так что нам следует держаться настороже. Предлагаю дежурить по очереди.

— Ну вот еще, — хмыкнул киммериец. — Я просто лягу так, чтобы мешок с припасами находился у меня под рукой. Ни одна животина из тех, кто шастает по ночам, не доберется.

Олдин хотел было поинтересоваться, не намекает ли его товарищ на какую-либо еще «животину», помимо тех, что возмущенно тявкали в отдалении... Но Конан невозмутимо пожелал ему спокойной ночи и растянулся на песке, положив свою мощную руку на мешок с припасами.

Они проснулись чуть свет. Конан не позволил своему спутнику потратить даже малое время на завтрак. Спустя пару мгновений после пробуждения киммериец уже сидел в седле.

— Сперва мы разыщем его следы и убедимся в

том, что за ночь он не ушел слишком далеко, — сказал Конан. — Потом можно будет и перекусить.

Олдин согласился.

Заграт прошел по пескам гораздо дальше, чем предполагал киммериец. Похоже, дервиш даже не останавливался для того, чтобы поспать.

— Не нравится мне это, — бормотал Конан, рассматривая след, едва различимый на песке. — Существо, которому не требуется отдых, никогда не будет вызывать у меня сочувствия. Обычно так ведут себя люди, связавшиеся с демонами.

— Может быть, у него крепкое здоровье и железная сила воли, — предположил Олдин.

Конан удостоил его гневным взором.

— Тем более он мне не нравится, — отрезал киммериец.

Часть пути они проделали в молчании, и вдруг Конан резко повернул коня назад. Олдин последовал его примеру. Они проскакали какое-то время, а затем Конан остановился.

— Что произошло? — спросил его Олдин. Бритунец почему-то говорил шепотом.

— Мы едва не столкнулись с ним нос к носу, — ответил Конан. — Проклятье! Возможно, он чует, что за ним кто-то следит, а может быть, мы с вами переоценили его способность ехать день и ночь по пустыне без отдыха. Как бы там ни было, я увидел его на горизонте. А это означает, что и он, если обернется, может нас увидеть. Что было бы весьма нежелательно.

— Очень разумно, — похвалил Олдвин. — Подождем немного, пока расстояние между нами увеличится, а затем продолжим погоню. Ну а пока мы выжидаем — самое время перекусить.

Они уничтожили пшеничную лепешку, разорвав ее пополам, и выпили по три глотка воды. После этого Конан объявил их сытыми, и погоня продолжилась.

Вечер второго дня погони они увидели впереди небольшой оазис. Три пальмы как бы с материнской заботой склонялись над источником воды. Имелась там коновязь и навес, чтобы путник мог отдохнуть и спастись от обжигающего солнца.

К несчастью, Конан и Олдвин лишиены были возможности насладиться столь желанным отдыхом. И все потому, что к этому оазису прибыл Заграт.

— Когда-нибудь он оттуда уйдет, — Конан попробовал утешить своего спутника. — Не сможет ведь он жить там, верно? Нам нужно просто набраться терпения и подождать.

— Может быть, это мираж? — спросил Олдвин. — Я знаю, что в пустыне такое случается...

— Нет, — остановил его Конан. — И избавьте меня от своей осведомленности, особенно в тех вопросах, в которых вы ничего не смыслите.

Олдвин обиженно промолчал. А Конан как ни в чем не бывало сказал ему:

— Вы оставайтесь здесь. Последите за лошадьми — чтобы не сбежали. Я попробую подобраться поближе. Нужно все-таки выяснить, чем он будет там заниматься. Не нравится мне этот дервиш.

— Мы ведь уже установили, что он вовсе не дервиш, — чуть заносчиво вставил Олдвин.

Конан с легкой насмешкой глянул на него.

— Фокусы показывать он все-таки умеет... Будьте внимательны. Держите ухо востро. И не выпивайте всю воду сразу, растяните удовольствие.

— Вы оставляете мне воду? — поразился Олдвин. Он сразу забыл обиды.

Конан кивнул.

— Я ведь буду возле оазиса, — добавил он. — Так что сумею разжиться питьем.

Он привязал к спине пустой меш, бросив Олдвину наполовину наполненный, и быстро побежал по песку. Олдвин долго смотрел ему вслед. Ему пришло на ум, что он впервые глядит на Конана издалека. До сих пор они все время находились рядом — сперва на площади, потом в банях, а затем — во время преследования, когда их кони шли бок о бок. Теперь Конан явился Олдвину, можно сказать, во всей красе, и бритунец сумел оценить его рост, мощь его широких плеч, легкость его движений.

«Похож на великолепного зверя, — подумал Олдвин. — На умного, хитрого зверя. На зверя, наделенного чувством юмора... Странно, — пришла ему мысль, — почему любой красивый человек напоминает нам животное? Неужели потому,

что собственно людей — таких, чтобы по-настоящему были красивы, — нам почти не встречается?»

* * *

На подходах к оазису Конан уже не шел, а полз по песку, как змея. Он проделывал этот трюк не в первый раз и умел рассчитать скорость своего передвижения. Ему оставалось проползти еще два полета стрелы, когда он заметил еще трех всадников, приближавшихся к тому же оазису. К счастью, они ехали с другой стороны и не должны были заметить Олдвина. Иначе бритунец был бы обречен: Конан попросту не успеет на помочь к своему спутнику, а эти господа, если судить по их внешнему виду, вряд ли потерпят близость шпиона.

Прячась за барханами, Конан двинулся дальше...

* * *

— Рад встрече с тобой, Заграт, — проговорил один из всадников. Это был рослый мужчина с узким смуглым лицом, в черном плаще.

Второй — похожий на первого, только более широкий в кости и с черной бородой, — молча кивнул, как бы присоединяясь к приветствию.

Третий улыбнулся. Этот был молод, и черные одежды только подчеркивали его цветущий возраст.

Заграт вздохнул.

— Жизнь среди людей в Шадизаре утомляет меня, но другого способа нет. Проклятье! Хотел бы я,

чтобы это все поскорее закончилось... Есть ли известия от Гуайрэ?

— Тебе приказано беречь свою жизнь, следить за жизнями остальных, распоряжаться жизнями немногих, — прозвучал ответ чернобородого.

На лице Заграта проступила хмурая улыбка.

— Узнаю Гуайрэ.

— Этот приказ не обсуждается, — сурово оборвал его тот, что с длинным лицом.

— Я не дерзаю обсуждать приказы... — Заграт вздохнул. — Чьей жизнью я должен распорядиться на сей раз?

— Выбери сам. Нам нужно два каравана, — отозвался чернобородый.

— В таком случае, следует обратить внимание на купца из Вендии, — Заграт начал перечислять сведения.

Даже чуткий слух Конана улавливал далеко не все, но из того, что удалось узнать варвару, было очевидно: Заграт находился в Шадизаре для того, чтобы отслеживать перемещение различных караванов и выбирать из них наиболее подходящие для грабежа. Такие, где товар побогаче, а караванщик поскучее на охрану.

«Любопытно! — думал Конан. — Неужели это самые обычные грабители, а Заграт — их самый обычный соглядатай? Похоже на то... Нет, — прервал он самого себя, — похоже, да не похоже. Я и сам частенько проделываю похожий трюк. Притворяюсь бедным грубым варваром, неотесанным и неграмотным,

а сам... — Киммериец тихонько хмыкнул, припомнив один-два случая. — Заграт слишком хорошо тренирован, чересчур ловко владеет собственным телом, не говоря уж о том, как он ориентируется в пустыне. И кто такой Гуайрэ, чьи приказы не обсуждаются? Главарь шайки разбойников? Изысканная, должно быть, шайка!»

Тем временем Заграт закончил рассказ. Всадники, выслушав его, наполнили мехи водой из источника и разъехались. Заграт еще какое-то время медлил. Конан ждал в засаде, терпеливый, как охотящийся хищник. Черные всадники разошлись в разные стороны. Можно предположить, что Заграт изберет то направление, которым пренебрегли его тайные сообщники. То есть отправится прямехонько туда, где скрывается Олдвин.

Поэтому варвар медлил. Если Заграт действительно двинется в ту сторону, где обязательно натолкнется на Олдвина, то Конану лучше находиться у него на пути.

Заграт почистил своего коня, напоил его еще раз и наконец вскочил в седло. Конан замер, сжимая пальцы на рукояти меча. К счастью для себя, Заграт поскакал дальше, почти след в след за длиннолицым всадником. Скоро он скрылся за горизонтом.

Только тогда Конан поднялся и побежал по пескам. Он продолжал следить за горизонтом, высматривая возможных врагов. Но никого поблизости не было. Наконец Конан достиг источника и трех пальм. Здесь все еще стоял запах распаленных лошадей.

дней. Казалось, даже вода его источает. Конан встал на колени и сунул голову в воду. Несколько мгновений он оставался так, а затем начал пить. Он отхлебнул пару глотков и посидел под навесом, натянутым между стволами двух пальм. Затем наполнил мех и выпил еще немного воды из горсти. И еще, и еще...

Это было блаженством. Нужно встать, сонно подумал Конан, и привести сюда Олдвина. Пусть бритунец тоже испытает счастье.

Он боролся со сном. Слишком хорошо. Это опасно. Кроме того, вода может оказаться заколдованной. Неизвестно еще, что за люди — владетели этого оазиса.

Усилием воли Конан заставил себя подняться на ноги и побежать обратно в пустыню, к своему спутнику.

Олдвин вскочил на ноги, завидев его.

— Что нового?

— Выпейте свежей воды, — сказал Конан. — Мы идем к оазису. Нужно отдохнуть. Наш Заграт, оказывается, шпионит для грабителей. Рассказал им о двух богатых караванах, которые скоро пройдут здешними дорогами.

— Какой негодяй! — воскликнул Олдвин. — Поплагаю, теперь наш долг — предупредить караванщиков.

— Нет, — остановил его Конан. — Мы не успеем вернуться в Шадизар вовремя. Да и поверят ли нам? Если эти караванщики действительно таковы, как

расписывал их Заграт, — то есть скupы, — то никакие уговоры не заставят их нанять дополнительных солдат.

— Так что же делать? — растерялся Олдин.

— Продолжать наш путь, — ответил Конан. — Если богам будет угодно, то пути наши и тех каранов пересекутся — и тогда пусть поберегутся Заграт и его шайка!

* * *

Они провели в оазисе больше колокола. Конан хотел, чтобы его спутник набрался сил, но куда там! Олдин все время вздрагивал и озирался в ожидании, не появятся ли разбойники. При этом бритунец уверял своего спутника, что совершенно спокоен, не испытывает ни малейшего страха и готов хоть сейчас отправиться в дальнейший путь.

В конце концов, Конан внял этим призывам.

Киммериец знал направление, а следы сразу двух всадников говорили ему о том, что он не ошибается.

Солнце опустилось за горизонт, и пустыню окутала желанная прохлада, но затем эта прохлада сменилась холодом. Лязгая зубами, Олдин проговорил:

— Мне кажется, вчера было не так холодно.

— Вчера мы гонялись за пустынными собачками, поэтому согревались, — ответил Конан, у которого тоже зуб на зуб не попадал.

— Нет, собачки были позавчера, — подумав, сообщил Олдин.

— И правда, — согласился Конан. — Вероятно, дело в том, что здесь часто дует особенный ветер. Говорят, поблизости иногда раскрывается вход в Стремные Мирры, куда может провалиться даже живой человек.

— Вы такое видели? — жадно спросил Олдин.

— Не совсем, но видел человека, который, несомненно, заглядывал туда, — был ответ варвара. — Передохнем немного. Мне кажется, вы здорово утомлены. А я ночью плохо различаю следы на песке.

— Я их и днем-то не различаю, клянусь Белом, — пробормотал Олдин. — А тут такая тьма!

Они прилегли на песок, все еще горячий, и заснули почти мгновенно. Минувший день вымотал их.

Утром их разбудил солнечный свет. Солнце не встало над горизонтом, а как будто стремительно ворвалось на небо: так вбегает в покой к царским детям прислужница и сдергивает с окон шторы, крича: «Скорей вставайте! Царь вышел из своей опочивальни и желает немедленно видеть своих отпрысков!»

Конан сел, поморгал и замер.

Прямо перед ними расстился оазис.

— Нет! — прошептал киммериец. Он встал и, подойдя к своему спутнику, растолкал его.

Олдин спал, разметавшись и похрапывая, но при первом же прикосновении руки варвара вскочил на ноги.

— Что случилось? — завопил он сипло. — Враги? Нападение? Где меч?

— У вас нет меча, — напомнил ему Конан. Олдвин схватился за пояс и нашупал там кинжал. Прикосновение рукояти волшебным образом успокоило его. Он сел на песок и скрестил ноги, подражая Конану.

— Ну так что происходит? — осведомился он.

— Посмотрите, — ответил Конан, указывая на оазис.

— Куда? — спросил Олдвин.

— Вот сюда, — Конан махнул рукой в сторону пальм и красиво обложенного камнями колодца. — Видите?

— Вижу, — сказал Олдвин.

— Что вы видите? — уточнил Конан. Его немного удивляла холодная реакция Олдвина. По мнению варвара, бритунец должен был испустить сдавленный крик, а затем броситься к воде и пальмам и начать выискивать упавшие кокосы.

Но Олдвин продолжал сидеть совершенно равнодушно и взирать то на физиономию киммерийца, то на чудесный островок зелени и влаги.

— Что я вижу? — переспросил Олдвин. — По-моему, вы считаете меня глупцом! Что ж, я сам виноват. Должен был догадаться, что мои знания и учёные степени, полученные в Бритунии, здесь ровным счетом ничего не значат. Да разве такой варвар, как вы, — не в обиду вам будь сказано, — можете понять, что означает «бакалавр»? А я даже не бакалавр, а доктор наук!

— О, доктор, — буркнул Конан, задетый этими словами.

— Ну вот, видите! «Доктор»! И все здесь, едва лишил слышат про «доктора», сразу начинают рассказывать о своих болезнях! Как будто доктор только лечит!

— А что, это не так?

— Нет! — Бритунец выглядел безутешным. — Доктор еще и много знает. Понятно вам? И не только о болезнях. Итак, возвращаюсь к изначальной мысли... Я был готов ко всеобщим насмешкам. В конце концов, даже в ученой среде это принято. Но вы, Конан, переплюнули всех. Показываете мне голый песок и спрашиваете: «Что это такое?» Ну так я вам отвечу. Это — голый — песок! Вот что это такое!

Последние слова он буквально выплюнул Конану в лицо.

Киммериец побледнел.

— Вы хотите сказать, что видите такую же пустыню, как здесь или там? — Он махнул рукой, указывая по разным направлениям.

— Именно. А вы разве видите что-то иное? — вскинулся бритунец. — Только не надо меня разыгрывать и говорить, будто...

— Я вас не разыгрываю, — отозвался Конан. — Просто я... — Он опустил голову. — Я вижу вовсе не пустыню. Прямо передо мной — оазис с колодцем и пальмами...

— Какими? — осведомился бритунец.

— Что? — не понял Конан.

— Какие там пальмы? — уточнил Олдвин.

— Кокосовые... А это имеет значение?

— Не знаю. Не знаю! — ученый раздраженно за барабанил пальцами себя по колену. — Понятия не имею! Пальмы как пальмы, да? Только кокосовые? Характерно ли это для миражей?

— Вопрос в другом, — сказал Конан, — мираж ли это.

— Разумеется, мираж! — объявил бритунец. — Будь иначе, мы оба видели бы одно и то же.

— Миражи — это не галлюцинации, миражи являются сразу обоим, — ответил Конан.

— Стало быть, у вас галлюцинация.

Конан покачал головой.

— У меня не бывает галлюцинаций...

— Голубчик, они у всех бывают, — примирительным тоном заметил Олдвин. Он был заметно счастлив оттого, что оказался «нормальнее», чем Конан-варвар.

Конан помолчал немного, а после решительно встряхнулся и встал.

— Не нравится мне эта штука.

— Думаете, дело не в вас? — спросил Олдвин.

— Думаю, дело в этих песках, — был ответ киммерийца.

Он взял камень и бросил его. Песок как будто расступился перед тяжестью, а затем с глухим всхлипом сомкнулся над ним.

— Зыбучий песок, — прошептал Конан. — Как хорошо, что ночью мы решили передохнуть. Сделали бы в темноте пару шагов вперед — и глядишь, эти пески сошлились бы над нашими головами.

Олдвин сказал:

— Что-то мне, это самое, нехорошо... Я полежу немного.

И он улегся, заложив руки под голову. Некоторое время они оба молчали. Потом Олдвин прервал безмолвие:

— Интересно, а почему видение вам явилось, а меня проигнорировало?

— Потому что я варвар, — был ответ. — У меня дикарское чутье на ловушки.

— А, ну конечно, — пробормотал ученый бритунец. — Хотя ведь бывает же чутье на какие-нибудь важные научные факты, правда? У нас в Академии был один академик, он хорошо разбирался в свойствах жидких веществ...

— Да, — сказал Конан невпопад. Он думал о том, как им преодолеть эту новую преграду. И еще о том, как по зыбучим пескам прошли оба ехавших впереди всадника.

— Это ведь не повторение того оазиса, который мы с вами видели вчера? — спросил, подумав еще немного, Олдвин. — Да?

— Да, это какой-то другой оазис... Возможно, в былые времена здесь действительно имелись и пальмы, и колодец, но с годами подземные воды растеклись, утратили прежнее русло, колодец обвалился, и пески сделались зыбучими... Такое случается.

— Удивительно, — заметил бритунец.

— Что именно кажется вам достойным удивления? — Конан поднял брови.

— Что такое случилось.
— А как, по-вашему, образуются зыбучие пески?
— Ну, они постоянно находятся под землей, а потом выходят наружу, — сказал Олдин нерешительно. — А как?

— Не знаю, — сказал Конан. — В любом случае, когда-то здесь был оазис. А теперь он превратился в смертельную западню для любого, кто ступит на этот песок. Вот и все.

Олдин глянул на обманчиво спокойные бархаты и вдруг прищурился. Ему показалось, что он различает что-то белое. И точно, там белела какая-то круглая вещь.

— Человеческий череп, — сказал киммериец спокойно. — Вот видите, я был прав.

Внезапно песок как будто вскипел. Нечто огромное начало расти из-под земли, взбухая, как некий таинственный пузырь земли, что зарождается в ее недрах. Струи песка обильно посыпались вниз. Все вокруг пришло в движение, барханы сдвинулись и потекли...

— Что это? — в ужасе спросил Олдин.

Конан уже схватился за меч.

— Держите лошадей! — распорядился он быстро. — Понятия не имею, что за пакость сейчас выберется на поверхность, но лошадей она перепугает — это точно. Попробуйте их не упустить.

— Как? — отчаянно закричал Олдин.

— Держите крепче и отойдите с ними подальше!

— А как же вы?

— Пошел вон! — заорал Конан и с мечом в руках прыгнул навстречу монстру. Киммериец отчетливо видел границу между твердой почвой и зыбучими песками над бездонной пропастью. Он балансировал на самом краю.

Казалось, чудовище, ворочавшееся под землей, у самого верхнего слоя песчаного покрова, также боялось покидать свою территорию. Наконец из песка вынырнула его голова.

Если судить по одной только этой голове, под землей осталось гигантское туловище. Потому что голова была в десять раз больше человеческой. Пять глаз красовались на сморщенном лбу, носа не было вовсе, а пасть раскрывалась так широко, что туда могла бы войти невысокая женщина, не пригибаясь.

Глазки монстра быстро моргали, привыкая к солнечному свету. Щупальца — или лапы? — ворочались под землей, сдвигая целые горы песка.

Конан выжидал, пока монстр нападет на него. Пока что киммериец просто стоял на краю бездны и держал меч наготове.

Внезапно цепкая лапа с шестью когтистыми пальцами выскочила на поверхность прямо у ноги Конана. Она попыталась ухватить его за лодыжку и утащить в пропасть. Конан оказался быстрее. Он стремительно отпрыгнул назад и, прежде чем чудовище втянуло щупальце обратно, вонзил в него острие меча. Монстр раскрыл пасть и зашипел так громко, что у киммерийца заложило уши.

Конан выдернул меч. Лапа убралась.

— Ну, иди ко мне! — издевательски закричал Конан. — Иди ко мне, и ты узнаешь, что такое — нападать на Конана из Киммерии!

— Тебя так зовут? — прошелестел голос чудовища.

Песок вдруг начал быстро окрашиваться кровью. Очевидно, кровь вытекала из раны, оставленной мечом Конана в лапе монстра. Раненое чудище подтаскивало лапу ближе к груди.

— Да, меня зовут Конан из Киммерии, — отозвался варвар. — Но ты...

— Я умею разговаривать.

— Тем хуже для тебя! — воскликнул Конан. — Я с одинаковой легкостью убиваю демонов тупых и неразумных и демонов, наделенных подобием рас- судка!

— Я не демон...

— Кто же ты? — Конан отошел еще подальше. — Ты ведь пытался убить меня.

— Ты тоже не демон и тоже пытался убить меня, — резонно возразил монстр.

— Нет, это уж слишком! — рассердился киммериец. — Я человек. Я шел здесь, этими песками, когда ты на меня напал.

— Согласен, я напал на тебя первым, — уступил монстр. — Но это еще не означает, что я демон.

— Кром! Кажется, ты и впрямь не демон, если изъясняешься на манер базарного философа, который за медную монетку согласен обучить тебя всей мудрости мира.

— Интересный способ существовать, — задумался монстр и снова быстро заморгал глазами. — Меня зовут Эан.

— Очень красивое имя, — сказал Конан. — Я знал одного Эана, пирата. Хотел меня повесить, пред- ставляешь?

— Видимо, это ему не удалось, — заметил монстр.

— Да, ему не повезло... И тебе тоже не повезет, — предупредил Конан.

— Меня зовут Эан, — сказал монстр. — Я жил здесь. Я жил в колодце. Там была вода. Там царил порядок. Потом случилось землетрясение. Не знаю, кто вызвал злую магию, но земля тряслась, как в лихорадке, тряслась и содрогалась, и камни сыпались, а лошадей подбрасывало в воздух, и некоторые сломали себе спины или ноги... И люди тоже падали. Все падало. Были здесь пальмы, но они тоже упали и сгнили.

— Вода ушла, — сказал Конан. — Да?

— Вода растеклась из колодца повсюду, и эти пески стали голодными, — объяснил Эан.

— Ты должен показать нам, как пройти на ту сторону, — перебил его излияния Конан.

— Почему? — спросил Эан, щуря три глаза ишироко раскрывая два остальных.

— Потому что в таком случае я тебя не убью, — растолковал ему Конан.

Эан удивился еще больше:

— Но почему ты должен меня убить?

— А почему я должен тебя не убивать?
Они помолчали. Потом Эан сказал:
— По-моему, разговор зашел в тупик.
— Вовсе нет, — ответил Конан, — на самом деле я предлагаю тебе заключить со мной маленькую сделку. Ты помогаешь мне выбраться отсюда, а я оставляю любые попытки уничтожить тебя. А я могу это сделать, поверь!

— Да, — подумав, признал Эан. — Я более уязвим, чем кажется. Люди пугаются меня и потому мне удается их обманывать. Но ты меня не боишься.

— Хорошо, что ты понимаешь происходящее также ясно, как я, — похвалил Конан. — Это упрощает задачу. Покажи нам переправу, хорошо?

— «Нам»? — Эан заухал, засмеялся. Песок вокруг него затрясся. — До сих пор речь шла только о тебе.

— Не притворяйся, ты ведь хорошо видел, что нас двое, и оба на лошадях.

— О нет, — проговорило чудовище, продолжая посмеиваться, — ты теперь один. Впрочем, ты еще успеешь спастись, если поторопишься. Отойди на десять шагов назад и двигайся вон в том направлении, пока не увидишь череп. Ты его сразу заметишь, это череп лошади, он крупный. Тогда...

— Почему это я теперь один?

Конан резко обернулся... и застыл.

Прямо из-под песка один за другим высакивали всадники на черных лошадях. Их было уже больше десятка. Они выходили из земных глубин, и песок

стекал по их тяжелым черным плащам, по бородам, по длинным черным волосам, схваченным на лбу белой лентой. Даже ресницы их, казалось, были наполнены песком, и тьма смотрела из их расширенных зрачков.

На миг Конану показалось, что земля порождает их прямо у него на глазах. Они словно дремали столетия, укрытые в воздушных пузырях внутри пустыни, и теперь, призванные кем-то неведомым, внезапно явились на свет.

Но Эан развеял подозрения киммерийца и вернулся к действительности.

— Это воины Гуайрэ, — вскрикнул он. — Я служу им! Я должен им покоряться!

— Почему? — быстро спросил Конан.

— Они мои господа, я служу им и Гуайрэ, — был ответ. — Они знают, как причинить мне вред, я боюсь их! Беги, беги, пока не поздно!

Еще один черный воин приблизился, и Конан увидел наконец своего спутника бритунца. Руки Олдвина были связаны; всадник тащил за собой пленника на веревке. Бритунец бежал за его конем, спотыкаясь и громко возмущаясь на бегу. Кажется, он требовал справедливого рассмотрения дела и заседания суда по всем правилам!

Конан покрепче сжал рукоять меча и набросился без предупреждения на первого из всадников. Он метил в коня, но не успел даже сделать первого выпада. Сверху на киммерийца упала сеть. И хотя он попытался сразу же разрубить ее, всадники не по-

зволили ему освободиться. Похоже, им не впервые было захватывать вооруженного человека таким способом. Быстро, умело они опутали киммерийца с головы до ног. Затем, связанного и беспомощного, привязали к седлу одной из лошадей, скрутив ему руки и ноги таким образом, чтобы он не мог даже пошевелиться.

Краем глаза Конан видел, как отряд ступил на зыбучие пески. Под ногами черных лошадей образовалось нечто вроде дороги — уплотнение песка. Очевидно, так работала магия Эана — слабая и недолговременная магия. Едва лишь отряд миновал опасное место, как песок снова превратился в смертельную ловушку для всякого невнимательного путешественника.

Глава третья

Гуайрэ

иммериец приблизительно представлял себе, где они находятся. Окруженная с севера горами, Карпашскими и Кезан-кайскими, с юга Замора была ограждена песками пустыни. И вот в этой-то пустыне имелось затерянное «мертвое место», крохотный участок, где никогда не ступала нога непосвященного в тайну человека.

Очевидно, эти земли представляли собой центральную часть древнего оазиса, окраины которого превратились в кольцо зыбучего песка. Поэтому-то ни один путешественник и не находил сюда дороги.

Пленников привезли в цветущий сад и оставили под деревьями. Конана, не освобождая от сети, бросили на землю, а Олдвина прикрутили к дереву. Затем всадники спешились, и слуги увели лошадей.

На некоторое время оба пленника были оставлены в одиночестве. Тогда Олдвин решился заговорить.

— Конан, — позвал он своего спутника. — Вы живы, друг мой?

— Да, — сипло отозвался киммериец. — Вы что-нибудь видите?

Олдвин завертел головой, честно стараясь рассмотреть пейзаж получше, и заговорил опять:

— Кое-что весьма интересное. Здесь повсюду цветущий сад. Даже не верится, что мы по-прежнему находимся в пустыне! Такие прекрасные цветы! Неужели люди, сумевшие их вырастить, причинят нам зло?

— Почему бы и нет? — киммериец язвительно хмыкнул. — Одно другому не мешает.

— Возможно, эти цветы вырастили одни люди, а зло собираются нам причинить совсем другие, — рассудил бритунский ученый. Ему хотелось найти разумное объяснение всему. — Положим, садовник — превосходный человек и никому не способен доставить неприятностей. Но его господин — напротив, человек весьма жестокий и...

— Ясно, — оборвал его Конан. — Когда-нибудь в бритунской Академии плоды ваших сегодняшних раздумий будут иметь оглушительный успех. Но передо мной можно не стараться. У меня нет страсти к абстракциям.

— Для варвара, каким вы упорно прикидываетесь, вы обладаете поразительным словарным запасом! — пылко вскричал бритунец и вдруг расплакался. — Прошу меня простить, это временная слабость... Я вспомнил наши разговоры на отвлеченные темы... Сколько наслаждения они мне доставляли! Увы, все погибло, и мои записи, и восковые таблички, и я сам!..

— Вы еще не погибли, — буркнул Конан. — Что еще вы видите?

— Чуть поодаль блестит вода, — борясь с «минутной слабостью», ответил бритунец. — Кажется, там пруд или что-то в таком роде. Словом, нечто водное. Возможно, озерцо.

— Какая разница?

— Разница та, что озерцо имеет природное происхождение, а пруд — искусственное, — ответил бритунец. — Вопрос о происхождении не так уж «абстрактен», как это может показаться непросвещенному уму...

— Хватит! — рявкнул Конан. — Дальше!

— Что дальше? А... — спохватился бритунец. — Конечно, мои наблюдения! За прудом опять кусты и... Боги! Немыслимо! Дворец!

— С дворца и нужно было начинать, осел! — зашипел Конан. — Какой дворец, велик ли, богат ли?

— Но я только что его заметил, — оправдываясь, сказал Олдвин. — Я производил осмотр последовательно, шаг за шагом, чтобы ничего не пропустить. И начал описание местности с того, что находилось поблизости... Итак, дворец. — Он откашлялся, как бы в знак того, что вполне осознает важность темы. — Он невелик, роскошно украшен резьбой. Довольно странные узоры...

— Похожи на татуировку Заграта? — перебил Конан.

— В каком смысле? — Бритунец хотел было пожать плечами, но поскольку черные всадники на-

дежно прикутили его к дереву, жест вышел жалким и неубедительным. — Барельефы и круглая скульптура мало сопоставимы с татуировкой, которая представляет собой плоский вид искусства...

— Узоры, — зарычал Конан.

Олдвин прищурился, чтобы лучше рассмотреть дворец, чьи стены и крыша виднелись над купами цветущих кустов. Наконец он сказал неуверенно:

— Возможно, имеется сходство. В спиралевидных конструкциях...

— Ясно, — оборвал его Конан. — что еще? Стража?

— Отсюда не видно. Ай!

Последний вскрик Олдвина дал понять киммерийцу, что поблизости появились стражники. Один из черных подошел к Олдвину и принял разматывать веревку, причиняя бритунцу некоторые неудобства, поскольку путы крепко врезались тому в тело, и руки у него затекли.

Второй черный воин наклонился над Конаном. Киммериец увидел сквозь сеть его лицо, тонкое, очень смуглое, со странными светло-голубыми глазами. В длинных черных волосах все еще оставался песок.

— Я выну тебя из сети, — сказал воин, обращаясь к киммерийцу, — веди себя тихо. Если ты будешь сопротивляться, тебя убьют.

— Вряд ли, — сквозь зубы прошел Конан. — Я для чего-то нужен. Иначе меня убили бы еще в пустыне.

— Если ты будешь сопротивляться, тебя убьют, — бесстрастно повторил воин.

Он бережно распутал сеть и помог варвару подняться на ноги. Конан выпрямился во весь рост. Как ни высок был киммериец, он лишь ненамного превосходил воина в черном, а в плечах был шире раза в два. И тем не менее черный воин пустыни не выглядел существом хрупким или беззащитным. Наоборот, он был опасен — очень опасен, подобно ядовитой змее. И Конан понял это сразу.

— Куда нас отведут? — спросил он своего тюремщика.

— Во дворец, — ответил тот. — Заграт хочет, чтобы вы были живы.

— Заграт, — пробормотал киммериец, — почему-то именно так я и подумал. Он какое-то важное лицо в вашем государстве?

— Не задавай вопросов, — сурово ответил воин. — Ты узнаешь в свой черед обо всем, что тебе нужно знать.

Конан быстро огляделся по сторонам, оценивая обстановку. Как и сказал Олдвин, они находились в цветущем саду. Помимо дворца, здесь имелось еще несколько строений: очевидно, конюшни, казармы, склады... Бежать из оазиса будет довольно сложно из-за зыбучих песков. Сложно — но не невозможно: ведь с Эаном, хранителем трясины, у Конана, вроде бы, установились добрые отношения.

Вроде бы. Разумеется, безоглядно полагаться на возможную помошь от монстра не приходится...

Тюремщики остановились перед дворцом. У Конана появилась возможность осмотреть сам дворец: небольшое изящное здание с искусной резьбой по фасаду. Скульптуры украшали каждую пядь стены. Здесь были сплетающиеся змеи с кистями человеческих рук вместо головы, странные существа, отданно напоминающие Эана, женщины с вытаращенными глазами, сходными по форме с грудями, бородатые мужские лица, окруженные перьями...

— Идем, — обратился к пленникам один из стражей. Их потащили дальше.

Тяжелая дверь затворилась за ними, как бы на всегда отлучая их от солнечного света. Конан быстро начал различать в полумраке ступени, теряющиеся в глубине огромного зала. Ступени уводили вниз, под землю, и туда подтолкнули пленников.

Поначалу Конан полагал, будто их собираются разместить в сыром и тесном подземелье. Киммериец не раз уже бывал в подобных тюрьмах.

Многие владыки Хайборийского мира оборудовали подобным образом свои дворцы и замки: пока в верхних, роскошно украшенных и полных света залах шли пиаршества, заседали государственные советы, плелись интриги и велась по всем правилам осада дамских прелестей, глубоко под землей, в подземельях, умирали от истощения и ран несчастные узники.

«Что ж, — угрюмо подумал Конан, — если эти пустынные разбойники решили чем-то поразить меня, то их ждет большое разочарование! Побывал я

во многих узилищах и отовсюду сумел вырваться; убегу и из этого!»

Но ничего из ожидаемого взору киммерийца не предстало. Их с Олдином спустили на несколько лестничных пролетов под землю, и перед удивленными пленниками раскрылся огромный, ярко освещенный лампами зал.

Стены его были облицованы резными деревянными панелями, отчасти раскрашенными, а отчасти позолоченными.

— Сюда. — Страж провел их по залу и водворил в большой комнате. — Здесь вы будете жить.

С этими словами он вышел и тщательно закрыл тяжелую дубовую дверь.

От удивления бритунец до сих пор не проронил ни слова. Он был потрясен тем, что ему открылось, и теперь наконец слова хлынули из его уст.

— Где мы, Конан? Вы что-нибудь понимаете во всем этом, друг мой?

— Не больше вашего, — буркнул киммериец. В отличие от своего приятеля он не был настроен на обильные беседы. Ему хотелось поразмыслить над случившимся и еще раз перебрать в уме все полученные впечатления.

— Этот дворец только кажется таким маленьким! — восхищенно вскрикивал Олдин, бегая по комнате. — Вы оценили громаду его подземной части? Она простирается, думаю, на много полетов стрелы во все стороны!

— На тысячу бросков копья, — буркнул Конан.

Он прикидывал, как бы заставить Олдвина замолчать.

Но это оказалось бесполезно.

— Боги! Да за удовольствие увидеть такую диковину я согласен даже заплатить этими некрасивыми рубцами на моей коже! Вы видели, как они меня связали? Никакого уважения к человеку! Они совершенно изуродовали мне запястья.

— В вашей Академии эти полосы послужат признаком подлинности ваших рассказней обо всем увиденном, — сказал Конан рассеянно. Он продолжал думать о другом.

Бритунец восторженно глянул на него.

— О таком аспекте проблемы я даже не подумал. Благодарю вас! Я же говорил, что у вас чрезвычайно аналитический ум.

— Интересно, кто живет в этом дворце? — проговорил Конан. — Вероятно, правитель... Надо бы нам побольше о нем узнать. Кажется, его зовут Гуайрэ...

— Ее, — прозвучал чей-то голос.

Конан вскочил. Он не слышал, чтобы дверь отворялась, и все же в комнате внезапно появился Заграт.

— Шадизарский дервиш! — воскликнул Олдвин.

— Да, — преспокойно отозвался Заграт. — Это я. Кажется, вы позволили себе следить за мной? Возможно, это было вашей ошибкой. А возможно, и нет.

— Как ты вошел? — сквозь зубы спросил его Конан.

— Глупый варвар! — с презрением сказал Заграт. — Ты видел, как я забивал гвозди в свое тело, ты видел, как я ем стекло, — и все-таки ты не доумеваешь, когда видишь, как я прохожу сквозь стены?

— Магия, — произнес Конан, в отвращении качая головой. — Я должен был догадаться.

— Я же говорил, что ты глуп. — Заграт пожал плечами. — Как бы там ни было, а я весьма доволен, что вы оказались у меня в руках. Я найду вам применение. Найду, не сомневайтесь.

— Кто такой Гуайрэ? — повторил свой вопрос Конан.

— Я уже поправил тебя: Гуайрэ — не мужчина, а женщина. Это наша повелительница, королева. И скоро вы с нею увидитесь. Но прежде, чем это произойдет, я хочу, чтобы вы кое-что узнали...

Заграт преспокойно уселся на полу комнаты, хотя здесь имелись табуреты и два просторных мягких ложа.

Конан устроился на табурете, покрытом шелковой мягкой подушкой. Его лицо находилось выше уровня головы Заграта, однако дервиша это обстоятельство не смущило: он попросту взмыл в воздух и завис так, чтобы его глаза находились чуть выше уровня глаз киммерийца.

— Так удобно? — осведомился Заграт, наслаждаясь удивлением, которое появилось на лице Олдвина. Конан, однако, сохранял полную невозмутимость. — Отлично! Теперь я кое-что вам сообщу.

Наша королева Гуайрэ выглядит как юная девушка, но вас не должна вводить в заблуждение ее прелестная внешность. Она — древнее существо. Ей больше тысячи зим. Она прожила на свете гораздо дольше, чем иные из нас, хотя наши воины в черных плащах все миновали столетний рубеж.

— А сколько зим тебе? — поинтересовался Конан.

— Триста сорок, — был ответ Заграта. — Впрочем, вы оба вправе мне не верить, сейчас это не имеет большого значения. Гуайрэ золотоволоса и голубоглаза. Ее наивное личико любого может сбить с толку. Так и хочется пасть к ее ногам и вымолить у нее дозволения защищать ее... Что ж, можете пойти на поводу у первого впечатления. Она любит благородство в мужчинах.

— К чему ты клонишь? — спросил Конан настороженно.

— Гуайрэ вполне довольна своим существованием, — прямо произнес шадизарский дервиш. — Она счастлива здесь, в сердце пустыни, в своем крохотном королевстве. Ей нравится повелевать сотней воинов, гулять по саду, купаться в роскоши, устраивать балы, на которых она не имеет ни одной соперницы...

— Что же в этом дурного? — вмешался Олдвин. — По-моему, вполне достойный образ жизни.

— Это длится тысячелетиями, — напомнил Заграт.

— Ну и что? — Олдвин нашел в себе силы иронически усмехнуться. — Я знаю многих людей, спо-

собных бездельничать тысячелетия. Они не делают этого лишь потому, что лишены возможности оставаться молодыми на протяжении тысячи зим.

— Стало быть, мы говорим о предположениях, — возразил Заграт. — А в случае королевы я говорю о том, что есть на самом деле. О свершившемся. Она обитает в сердце пустыни, куда нет входа никому чужому, и никогда не выходит во внешний мир. Она не спрашивает, откуда берутся сокровища, которыми мы осыпаем ее.

— Вы грабите караваны, — сказал Конан.

Заграт поднял бровь.

— Кажется, тебе известно больше, чем я предполагал!

— Я подслушал твой разговор с черными всадниками, — объяснил Конан. — Ничего особенного. Вы не были слишком осторожны.

— Да, это верно, — сквозь зубы признал Заграт. — Впрочем, я не видел особой нужды проявлять осторожность. И, как видишь, не ошибся. Ты у меня в плену, а караваны...

— Ограблены, — заключил Конан. — Но скоро вашему разбою придет конец.

Олдвин прижал руки к сердцу.

— Ты не представляешь себе, Конан, как бы мне хотелось, чтобы твои слова сбылись! Я не больше твоего люблю грабить караваны.

Последняя фраза прозвучала двусмысленно — если предположить, что Заграту кое-что было известно о карьере киммерийца в некоторых странах...

Но Олдин не уловил иронии.

— Следовательно, тебя принуждают заниматься ненавистным ремеслом? — поинтересовался он.

Дервиш даже не повернулся головы в его сторону.

— Меня трудно к чему-либо принудить... Я хочу, чтобы вы оба были на моей стороне, когда придет время. Гуайрэ хочет, чтобы все оставалось как есть. Но я и мои сторонники — их пока не слишком много — мечтают о большем. Мы хотим выйти за пределы нашего ограниченного мира и показать всей Заморе, а может быть, и всей Хайбории нашу силу!

Дервиш засмеялся и вдруг начал таять. Спустя миг в воздухе не осталось и следа от фигуры, которая только что зависала перед пленниками. Лишь легкое золотое свечение напоминало о том, что видение все-таки было. А затем рассеялось и оно.

* * *

Конану не впервые было очутиться взаперти. Зато для Олдвина это оказался первый опыт подобного рода. Всегда деятельный и любопытный бритунец впал в уныние и некоторое время страдал молча. Его кислая физиономия выводила киммерийца из себя, поэтому Конан улегся на постель, заложил руки за голову и уставился в потолок.

Он не сомневался в том, что выберется отсюда. Следовало только еще раз перебрать в уме все обстоятельства и понять, какие шаги надлежит предпринять.

Олдин наконец понял, что Конан не желает поддерживать беседу на тему «Все очень плохо, а будет еще хуже», и обидчиво произнес:

— Между прочим, в Академии со мной считались.

— Угу, — был невнятный ответ варвара.

— И если я развивал какую-нибудь идею, ее, во всяком случае, считали достойной обсуждения.

— Понятно, — пробубнил Конан.

— А вам, вероятно, совершенно неинтересны научные проблемы, которые...

— Послушайте, — перебил Конан, — ваши сетования на судьбу вряд ли могут считаться интересной научной проблемой, не так ли? Вы мешаете мне думать.

— В жизни не поверю, будто человек с подобной мускулатурой способен предаваться мыслительному процессу.

— Вера — дело сугубо личное и индивидуальное, — сказал Конан. — Вам угодно верить, что в Стигии каждая вторая женщина обладает змеиным хвостом, — я ведь не посягаю на это священное верование.

Обвинение было нелепым: Олдин никогда не разговаривал с Конаном о стигийских женщинах и уж тем более не выдвигал подобных теорий. Поэтому бритунец замолчал — с разинутым ртом, задыхающейся от возмущения и бессильного гнева. А Конан прескокойно погрузился в прежнюю свою молчаливую задумчивость.

Когда Олдин пришел в себя настолько, чтобы что-то сказать, в комнату к пленникам вошел молодой воин. По счастью, он не просочился сквозь стену, как это делал дервиш, а просто открыл дверь и предстал перед обоими. Олдин, кажется, не вынес бы еще одного волшебного явления.

Конан сел на кровати и с интересом взорвался на вошедшего. Этот воин отличался от прочих: он был высок и строен, но совсем не массивен, и плечи у него были узкие. Он производил, скорее, впечатление хрупкости, нежели физической мощи.

Но главное, что сразу бросалось в глаза, были его волосы: светлые, как солнечный лучик, длинные, заплетенные у висков в косицы. Казалось, этот молодой воин принадлежал совершенно к другому племени, нежели его грубые и свирепые собратья в черных плащах, что повстречались Конану в пустыне.

— Моя госпожа Гуайрэ приказала привести к ней одного из вас, — сказал воин, переводя взгляд с Олдина на Конана.

— Она не уточнила — кого именно? — осведомился Олдин, всем своим видом показывая, что он готов отвечать за каждое свое слово.

— Нет, — ответил воин с легким поклоном. Его глаза при этом, однако, насмешливо блеснули. — Она сказала, что ей безразлично, кто это будет.

— Что ж, полагаю, ее величество не разочаруется, если умный, образованный человек... — начал было Олдин, бледнея.

Конана забавляла его храбрость — и одновременно с тем киммериец не мог не восхищаться силой воли своего спутника: погибая от страха перед неведомой тысячелетней королевой, бритунец все же вызвался на встречу с ней. Чего добивался Олдин? Хотел возвратить к ее рассудку и уговорить выпустить пленников? Или в бритунце заговорило тщеславие? Ну конечно, встреча с коронованной особой! С владычицей крохотного заколдованных королевства!..

А может быть, Олдин попросту пытался доказать свою храбрость Конану?

В любом случае, допускать это «самопожертвование» со стороны своего любопытного, тщеславного и трусоватого спутника Конан не собирался. И потому преспокойно перебил Олдина:

— Я отправлюсь в апартаменты ее величества, чтобы выразить ей наше почтение. Изволь проводить меня.

Он вскочил на ноги и насмешливо глянул на Олдина. Да, Конан не ошибся: на лице бритунца тотчас отразилось огромное облегчение, и Олдин тайком перевел дух. А затем улыбнулся, чуть самодовольно.

Конан преспокойно вышел из комнаты. Дверь захлопнулась, и Олдин остался один.

Киммериец повернулся к молодому золотоволосому воину:

— Веди меня.

Воин молча двинулся вперед, сделав Конану знак следовать за ним. Киммериец бесшумно заскользил

по гладким отполированным полам. От цепкого взгляда опытного вора не ускользала ни одна деталь богатейшего убранства подземного дворца. Все здесь поражало роскошью и радовало глаз: облицованные полированным камнем стены, резные украшения, позолота и зеркала, мозаики, сложенные из разных пород дерева.

Конан не сомневался в том, что все это великолепие имело весьма неприглядное происхождение. Заграт ясно дал понять, что по распоряжению королевы ее черные воины столетиями грабили караваны. Впрочем, киммерийца трудно было озадачить такой вещью, как украденная вещь — сам он не раз промышлял подобными делами.

Его внимание привлекла статуя танцующей богини или демоницы — он не брался определить. Существо с четырьмя руками застыло в изящной танцевальной позе. Вырезанная из черного дерева фигурка была так гладко отполирована, что свет скользил по ее поверхности, как бы лаская чудесную кожу женщины. Ее лицо с правильными чертами выглядело отрешенным. Десятки глаз, сделанных из разных драгоценных камней, были рассыпаны по всему ее телу. Сапфировые, изумрудные, рубиновые, аквамариновые, топазовые глаза смотрели на проходящих мимо людей — смотрели с раскрытых ладоней богини, с ее лба, из ямки под горлом, с грудей, живота, с ее бедер и колен, с вывернутых в танце ступней, с отставленных в сторону локтей. И куда бы ни встал изумленный зритель, самоцветные глаза по-

всюду следовали за ним пытливым, в самую душу проникающим взором.

Конан невольно задержался возле этой статуи, но золотоволосый воин поторпил его:

— Не следует заставлять королеву ждать. Гуайрэ становится гневной, когда ее сердят.

Он так и выразился — «становится гневной». Как будто говорил о богине, которая может менять ипостаси и из милостивой и прекрасной превращаться в яростную и супровую. Возможно, подумал Конан, именно так оно и есть. Особенно если принять во внимание древний возраст Гуайрэ и ее явно нечеловеческую природу.

Киммериец был заинтригован. За то короткое время, что он провел в затерянном среди песков дворце, он успел услышать о Гуайрэ достаточно противоречивых и удивительных вещей. Однако Конан привык доверять только собственному впечатлению, и теперь ему не терпелось встретиться с пустынной королевой.

Золотоволосый воин остановился перед низенькой дверцей, сделанной из огромного цельного куска полупрозрачного камня. Камень этот был отполирован и украшен резьбой — все тот же странный узор со змеями, глазами, сплетающимися руками, как распознал Конан.

Внутри, в покоях, расположенных за этой дверью, горел мягкий золотистый свет. Отблески его переливались в камне, наполняя хрусталь сокровенной таинственной жизнью.

— Сюда, — показал воин.

Он опустился на колени перед дверью и коснулся лбом порога. Затем, не вставая с колен, протянул руку и толкнул дверь. Она медленно, беззвучно распахнулась, и перед киммерийцем предстала огромная комната. Ее противоположная стена терялась где-то в бесконечности, — сколько Конан ни всматривался, он не мог ее увидеть. Прямо перед порогом стояла крохотная свеча. Ее огонек беспомощно трепетал на сквозняке. Трудно было поверить в то, что именно этот огонек наполнял жизнью массивный кристалл.

— Входи, — прошептал воин, глядя на Конана снизу вверх. — Госпожа ждет тебя.

Конан перешагнул через лежащего ниц воина и, пригнув голову перед низкой притолокой, вошел в таинственную комнату. Дверь беззвучно затворилась за его спиной.

* * *

Олдвин расхаживал по своей тюрьме взад-вперед, и досада росла в нем с каждым мгновением. Почему он позволил Конану выскочить вперед и занять его место на встрече с ее величеством? Разве неотесанный варвар сумеет правильно провести переговоры? Что вообще может такой необразованный субъект знать о тонкостях дипломатии? Конан непременно провалит все дело! Королеве будет достаточно разок взглянуть на его физиономию — и все, пленники

никогда больше не выйдут на свободу. Ее величество — если она действительно прожила на свете так долго, как утверждает этот негодяй Заграт, — несомненно, разбирается в людях. Она сразу поймет, что таким, как Конан, место в тюрьме. И это будет только справедливо — хотя и очень печально.

Можно, конечно, настоять на собственной встрече с ее величеством. Попытаться переубедить ее. Но — поздно, поздно! Королева уже увидела Конана. Она, несомненно, решит, что Олдвин — сообщник злокозненного киммерийца. Нет, не видать им больше свободы...

Олдвин успел забыть о своем страхе перед этой встречей. Теперь главенствующим чувством в его душе стала досада.

Побегав еще с полчаса по комнате, он подошел к двери, приложил ухо, прислушался. Вдруг киммериец уже возвращается? Вероятно, он вернется в эту же камеру. И расскажет обо всем, что увидел. Олдвин сумеет вытащить из него все сведения, даже если Конан будет упираться и попробует отмалчиваться.

В конце концов, от того, какова Гуайрэ и как прошла ее встреча с Конаном, во многом зависит грядущая судьба обоих пленников.

Неожиданно у Олдвина закружилась голова, он покачнулся и, чтобы не упасть, всем телом привалился к двери.

И тут дверь открылась. Она оказалась незапертой!

Олдвина буквально вывалился из комнаты, которую все это время считал своей тюремной камерой, откуда нет и не может быть выхода. Он сильно ударился и с терцией полежал неподвижно, ожидая, пока утихнет боль. В голове у него все так и гудело. Мысленно он называл себя дураком — и это было самое мягкое из всех наименований, какие только Олдвин сумел извлечь из глубин своей академической памяти.

Наконец, держась за стену, он поднялся на ноги. Огляделся. Длинный коридор уводил в обе стороны. В нишах вдоль всего коридора стояли горящие светильники — это были глиняные и медные лампы, сделанные в виде самых различных диковинных существ. Весь коридор был залит таинственным мерцающим светом.

Олдвин избрал произвольное направление и медленно зашагал вперед. Ему было все равно, куда идти: подземные чертоги в любом случае представляли для него сплошную загадку.

Коридор уводил его под уклон, все глубже и глубже под землю, и Олдвину в конце концов начало казаться, будто он не человек, а слепой червь, огромное кольчатое существо, зарывающееся в почву, чтобы найти себе там убежище и пропитание. Он даже зажмурился, чтобы лучше представить себе, что ощущает подобное создание, и тотчас был наказан за излишнее усердие в фантазировании: он врезался в какое-то препятствие, которого не заметил, поскольку пробирался вперед вслепую.

Искры посыпались из глаз Олдвина. Он тихо вскрикнул и уставился на преграду, выросшую перед ним так внезапно и с таким нечеловеческим коварством.

Это была решетка, сделанная из какого-то не известного бритунской Академии материала. Тончайшие нити переплетались между собой, образуя причудливый узор, немного напоминающий паучью паутину, однако куда более изощренный. Ни один паук не сумел бы соткать подобные спирали, отдаленно напоминающие контуры роз. Но самым удивительным Олдвин нашел то обстоятельство, что «паутинка» эта была почти невидимой. Даже если бы Олдвин изо всех сил таращился и выпучивал глаза, он и то обнаружил бы эту сеть лишь очутившись прямо перед ней.

Полупрозрачные нити сияли серебристым светом. Их бледное лучистое свечение отбрасывало едва заметные блики на стены.

Олдвин провел над ними рукой. Они источали приятную прохладу, которая слегка щекотала ладонь. И вдруг «паутинка» начала стремительно таять. Олдвин поскорее отдернул руку, опасаясь, как бы эти таинственные нити не превратились в какое-нибудь клейкое и ядовитое вещество и не убили бы его, прилипнув к коже. А что? Ему доводилось слыхать о ядах, убивающих одним прикосновением к ним.

Но ничего подобного не произошло. От тепла человеческого тела тонкая сетка попросту раствори-

лась в воздухе. После нее осталось благоухание — и ничего более. Олдвин осторожно шагнул дальше, но тотчас остановился.

Впереди не горело больше ни одной лампы. Перед ним расстилалась сплошная чернота.

* * *

Конан еще раз огляделся по сторонам. Необъятное пространство покоев королевы было залито теплым золотым сиянием. Но теперь киммериец мог бы поклясться, что источником этого света была все не крохотная свечка на пороге, а некая человеческая фигура, отделившаяся от пустоты и представшая перед варварам.

Это была фигура юной женщины, высокой и гибкой. Она была облачена в длинные просторные одежды белого цвета. Тончайший полупрозрачный шелк бережно окутывал ее тело, и киммериец отчетливо видел сквозь покрывала каждый изгиб, каждую окружность. У нее была длинная талия, сильная спина и очень большая, странная для такого тонкого тела грудь.

Распущеные золотые волосы покрывали ее плечи и ниспадали до середины бедер. Они были схвачены на лбу тонким золотым обручем, усыпаным рубиновыми украшениями в виде глаз: широко раскрытые глаза чередовались с узкими, прищуренными. Самое большое око, сделанное из бриллианта, красовалось над ее лбом.

Яркий золотой свет исходил именно от этих волос. Каждый волосок, казалось, представлял собой отдельное произведение искусства, и Конану внезапно подумалось, что в Гуайрэ — кем бы она ни была — больше жизни, чем в большинстве людей, с которыми можно встретиться просто на улице или на большой дороге. Королева пустыни представляла воплощением самой Жизни. Теплая, нежная, исполненная света, она смотрела на Конана своими ласковыми голубыми глазами, а строгие рубиновые и бриллиантовые очи надзирали за киммерийцем с ее обруча, как бы следя за тем, чтобы никто не посмел обижать королеву.

Он остановился в трех шагах от нее, рассматривая ее с возрастающим изумлением. И вдруг Гуайрэ улыбнулась и протянула к нему руки, точно дитя, наконец-то нашедшее давно потерянного родителя:

— Иди ко мне! — позвала она.

Конан шагнул вперед и утонул в ее объятии.

* * *

«Нельзя вот так безоглядно бросаться в темноту, — подумал Олдвин. — Хоть я и храбрец, в чем нет сомнений, — выбрался же я из нашей тюрьмы! — но осмотрительность никогда не противоречила мужеству».

Он вернулся в коридор и взял из ниши одну из горящих ламп.

В неверном свете лампы Олдвин наконец сумел рассмотреть то, что находилось за незримой се-

тью-паутиной. Вдоль стен стояли большие сундуки с закрытыми крышками. Сверху, на крышках, находились ларцы из резной пожелтевшей кости.

— Неужели это то, о чём я думаю? — прошептал Олдин.

Он поднял лампу высоко над головой и осветил коридор. Несколько видел глаз, повсюду открывалась одна и та же картина: сундуки и ларцы, сундуки и ларцы... Они исчезали в бесконечности.

Олдин подошел к одному из ларцов и отбросил крышку. Она легко открылась, и в свете огня перед бритунцем заиграли всеми цветами драгоценные камни, золото и серебро. Здесь были украшения из жемчуга и перламутра, из рубинов и бриллиантов; массивные браслеты из чистого золота, серебряные подвески с бирюзовой инкрустацией, наборные пояса, кинжалы с узорными рукоятками...

Олдин очутился в королевской сокровищнице.

Он почувствовал, что задыхается. Ему стало трудно дышать, и он вынужден был сесть на пол и поставить рядом с собой лампу.

Несметные богатства окружали его со всех сторон. Удивительное дело! Олдин всю жизнь считал себя истинным ученым, философом и исследователем, человеком, которому гораздо важнее докопаться до истины, нежели разбогатеть. Он воображал себя свободным от алчности. Он с насмешкой взирал на людей, которые тратили столько сил и времени на то, чтобы разбогатеть. «Жалкие ничтожества! — думал Олдин, наблюдая за каким-нибудь из таких

старателей. — На что они расходуют свои дни? На то, чтобы завладеть деньгами, которые в конце концов достанутся их наследникам и будут спущены за игрой в кости или на продажных женщин!»

Да, до сих пор Олдин считал, что сам он — другой породы. Но сейчас он понял: дело было только в количестве сокровищ. Олдин никогда не видел возможности разбогатеть по-настоящему. О да, он не желал разменивать свою жизнь на крохи богатства, но сейчас, очутившись перед лицом по-настоящему несметных сокровищ, Олдин вынужден был признать: он — такой же, как и те, кого он презирал.

Он еще раз посмотрел вперед. Сундуки, доверху набитые сокровищами, уходили в бесконечность. Длинные ряды сундуков.

Слушая рассказы о том, что королева якобы живет тысячу зим, Олдин сильно сомневался в этом. Наблюдая за таинственными воинами королевы, разглядывая ее подземный дворец, даже сведя знакомство с чудовищем, которое ей служило, охраняя подступы к ее владениям, Олдин вынужденно признавал могущество Гуайре. Но только сейчас, увидев, сколько добра она успела приобрести, Олдин по-настоящему поверил в реальность всего происходящего.

Да, грабежи не прекращались на протяжении тысячи зим. И королева, несомненно, оставляла в своей сокровищнице только самое лучшее.

«Нужно успокоиться, — подумал Олдин, тяжело дыша. Он провел рукой по лбу, вытирая пот. —

Нужно привести себя в чувство. Нельзя так раскинуться! Я погибну, если не разработаю ясный и однозначный план и не буду следовать этому плану с твердокаменной несогбенностью».

Он несколько раз вдохнул и выдохнул, произнося молитвы богу Белу — покровителю всех воров. Никогда прежде почтенный Олдвин не обращался к Белу, но — лучше поздно, чем никогда! Воры, чьи нравы и обычаи Олдвин исследовал в родной Британии, уверяли его, что этот шемитский по происхождению бог всегда помогает.

— О великий Бел, я хочу взять немного сокровищ из этой коллекции, — вслух произнес Олдвин. — Я рассказываю тебе о своем плане для того, чтобы ты помог мне следовать ему с твердокаменной несогбенностью. Я должен разбогатеть. Я хочу взять два ларца. Этого хватит, чтобы... — Он помолчал и поправился: — Нет, я хочу взять три ларца. Этого точно хватит...

Новая пауза. Олдвин снова поднял лампу и посветил себе. Бесконечные ряды сундуков тянулись сквозь стену, их содержимое, казалось, безмолвно взвывало к Олдвину. Он почти физически ощущал, как давит на него собранное здесь богатство, и хотелось взвалить на себя как можно больше сладкого бремени.

— Погоди, погоди, — пробормотал Олдвин. — Есть ведь еще Конан, мой спутник... Погоди, Бел, я еще не определился окончательно... Не могу же я забрать себе три ларца, набитых драгоценностями, и

совершенно не подумать о моем товарище? Нет, нет... Решено. Я беру шесть ларцов. Три мне и три киммерийцу. Или нет...

Он еще раз вздохнул. Пот стекал по его лицу ручьями, его трясло, как в лихорадке.

— Что со мной происходит? — прошептал Олдвин. — О чём я думаю, что говорю? Я нахожусь глубоко под землей, во дворце, затерянном среди пустыни и окруженному зыбучими песками... Даже если я заберу сейчас отсюда шесть или десять ларцов (да, десять было бы лучше всего!) — как я выберусь на поверхность? Как вернусь в цивилизованный мир? Боги, что мне делать?

Он закрыл лицо руками и заплакал, совершенно безутешный, окруженный морем сокровищ, которые, казалось, взирали на него с полным равнодушием к его душевным мукам.

* * *

— Я так долго ждала, — прошептал сладкий женский голос в ухо киммерийца. — Если бы ты знал, как одинока я здесь, в этом дворце! Я живу словно в заточении... Я, повелительница, чувствую себя пленницей!

Конан молча ласкал ее, ощущая тепло ее бархатистой кожи под тончайшими одеждами.

— Я пленница моего одиночества, — задыхаясь, говорила Гуайрэ. — Я королева, повелительница... Никто из моих воинов не смеет прикасаться ко мне!

Я не дозволяю им этого. Они не имеют права даже смотреть мне в лицо. Когда я прихожу, они падают ниц и смотрят в землю... Но я — женщина, я — живая, я нуждаюсь в мужской любви. И ты, прекрасный, сильный чужак, — ты дашь мне то, без чего я умру...

Конан тихо засмеялся и привлек ее к своей широкой груди.

— Дорогая моя, ни одна женщина не уходила от меня разочарованной. И ни одна не получала отказа, если только не была злой и уродливой.

— Я не зла и не уродлива? — спросила Гуайрэ, совсем по-детски выпячивая губы. — Я ведь нравлюсь тебе?

— Да, — сказал Конан просто. — Ты красива и желанна.

— Идем.

Она схватила его за руку и потащила за собой. Он, наполовину забавляясь, последовал за ней. Только теперь Конан увидел, что королева вышла к нему босая. Ее узкие розовые пятки мелькали из-под белоснежного шелкового подола.

— Я не ношу обуви, — сказала Гуайрэ, как будто прочитав его мысли. — Быть босой — быть царственной. Я не страшусь обжечься о раскаленные пески моей пустыни. Обнаженная кожа — вот моя королевская обувь!

Как ни был Конан захвачен этим неожиданным приключением, он все же не забывал осматриваться по сторонам. Ровный золотой свет заливал комнату,

ее потолок и стены украшала все та же знакомая резьба, и причудливая игра света и тени делала такие иственные фигуры живыми.

Неожиданно киммерийцу показалось, что, хоть они с королевой и шли вперед очень быстро, почти бежали, на самом деле они оставались на одном и том же месте. Узоры не менялись, прежними были и другие детали, например, канделябры и ниши с вазами.

Желая проверить свою догадку, Конан обернулся, чтобы взглянуть на свечу, зажженную возле порога. Но он был разочарован: свеча действительно обнаружилась там, где помнил ее киммериец, возле хрустальной двери, — но теперь она находилась в невообразимой дали, словно бы отодвинувшаяся от него на десятки полетов стрелы. Ее трепетный огонек все же был хорошо различим — он превратился в крохотную, ослепительную красную точку.

Внезапно королева остановилась и хлопнула в ладони. Конан едва не споткнулся о выросшее перед ними ложе.

Это была гигантская кровать с рамой из черного дерева. Из черного дерева были вырезаны и ножки кровати — четыре оскаленных рычащих льва с разметавшейся гривой. Каждая прядка львиной гривы была, тем не менее, тщательно причесана и заканчивалась человеческой кистью. Эти кисти жили собственной жизнью — они сплетались между собой пальцами, грозили друг другу и зрителю, растопыривались или сжимались в кулаки.

Но у Конана не было времени рассматривать чудесную резьбу более подробно. Гуайрэ увлекла его на ложе и накрыла своими золотыми волосами.

— Люби меня, прекрасный незнакомец! — прошептала она.

* * *

— Я не должен предаваться пустым мечтам, — говорил себе Олдин. Он пытался успокоиться, слушая собственный голос, но происходило нечто обратное. Звук человеческого голоса отражался от стен, и казалось, будто из сундуков ему отзываются тихим мелодичным пением драгоценные камни.

Олдин зажал уши ладонями.

— Пока я здесь предаюсь мечтам о богатстве, Конана, быть может, пытают... — говорил он себе. — Я должен встать и вернуться в нашу комнату. Когда Конана туда вернут... если его вернут вообще... мы сможем поговорить. Конан, несомненно, придумает, как нам спастись самим и завладеть этими несчастными четырнадцатью ларцами... Да, по четырнадцать на брата, полагаю, будет в самый раз...

Он встал на четвереньки и из последних сил пополз к выходу из сокровищницы. Когда он подбирался к порогу, ему почудилось, будто кто-то смеется ему вслед.

* * *

Гуайрэ лежала рядом с киммерийцем, опершись на локоть, и играла черной прядью его волос.

— Ты похож на тех воинов, которых я создала для себя, — говорила она задумчиво. — Похож и не похож. Они все были разными, когда пришли ко мне. Знаешь об этом? Кто-то чернокожий, кто-то совсем бледный... Одних я покупала на рабских рынках, других выискивала заблудившимися в пустыне. Все они боготворят меня! А ведь я не богиня...

— Ты прекрасна, — невпопад сказал Конан. Он полностью отдался чувству блаженства.

— Тех, кто угодил мне больше, я делала золоволосыми и нежными, — продолжала Гуайрэ. — Они прислуживают лично мне. Подают мне одежды, приносят благовония, умащают мою кожу, надевают на меня украшения... О, все они благоговеют передо мной! Они не смеют взирать на меня и потому завязывают себе глаза тонкими шелковыми платками. Их пальцы ощупывают мое тело, мои волосы и лицо, но глаза их никогда меня не видят.

— Утонченно, — вздохнул Конан. Ему хотелось спать.

— Других я сделала черноволосыми и смуглыми, придала им сил и моци, — продолжала Гуайрэ. — Они привозят мне из внешнего мира разные чудесные вещи. Эти — другие. Они... — Неожиданно она заплакала, и Конан сразу стряхнул с себя сон. Он по опыту знал: если женщина в постели плачет, значит, она очень хочет добиться от мужчины каких-то важных услуг.

— Они больше не почитают меня! — выговорила Гуайрэ тоном обиженного ребенка.

— Мне так не показалось, — осторожно возразил Конан.

Она обняла его, прижалась к нему всем телом, и Конан ощутил, что она дрожит. Ее слезы капали ему на лицо, на плечо.

— Нет, ты не знаешь всего! — горячо зашептала Гуайрэ. — Эти черные воины слишком много времени проводят во внешнем мире. Их пленили богатства и роскошь того, что находится за пределами моего королевства. Им больше недостаточно того, что могу дать им я! А ведь я дала им все: силу, красоту, пристанище, возможность служить истинной повелительнице! Они непобедимые солдаты, они... они прекрасны! И все же они недовольны.

— Это в природе человека, — сказал Конан. — Поверь мне. Сколько ему ни дай, он все равно будет чем-то недоволен. Всегда ему мало...

— И ты такой же? — спросила Гуайрэ с легким вздохом. — Скажи мне правду, Конан! Ты — такой же? Сколько тебе ни дай, все будет мало?

— Мне ничего не нужно давать, — ответил киммериец. — Все, что мне требуется, я беру сам, не спрашивая разрешения.

Он поцеловал ее, и они снова сплелись в страстном объятии.

* * *

Когда Олдвин добрался до знакомой двери, пот стекал с него ручьями. Он чувствовал себя совершенно вымотанным. Перед его глазами вспыхивали разноцветные огни, в голове гудело, и ему казалось, что все его тело налито огнем и пылает. Больше всего на свете он боялся сейчас, что упадет без чувств и не сумеет попасть в комнату. Помещение, которое несколько поворотов клепидры назад еще воспринималось им как тюрьма, как место скорби и вечной тоски, откуда никогда не будет исхода, сейчас представляло как единственное возможное убежище.

— Еще чуть-чуть, — подгонял себя Олдвин, заставляя двигаться вперед.

Он уже различал желанную цель, но ноги отказались держать его, и ученый бритунец пал на четвереньки. Он упрямо полз, передвигая колени и чувствуя под локтями твердый камень.

Вот уже дверь. Олдвин приподнялся, схватился за нее руками и потянул. Она нехотя отворилась, и Олдвин из последних сил вполз туда. Дверь сама тихо затворилась за ним.

Олдвин очнулся на полу. Он лежал и смотрел на знакомые две кровати, на стены и потолок. Конана здесь не обнаружилось, и в первое мгновение Олдвин обрадовался этому обстоятельству. Не хватало еще, чтобы варвар застал его в момент слабости!

— Тридцать один — забавное число, — пробормотал Олдвин. — Полагаю, имеет смысл сделать на эту тему небольшое сообщение в Академии. Нужно будет записать.. Попросить таблички и записать...

Впрочем, тридцать один сундук с драгоценностями на брата — это достаточно, чтобы купить себе новые таблички для записей... О, можно купить целые горы табличек для записей! Тридцать один сундук на брата. Да, так лучше всего.

— Эй, — прозвучал голос киммерийца, — что это с вами, приятель?

Олдин замер, словно насекомое, насаженное на булавку. Страх пронзил его и заставил замолчать.

Загорелая физиономия Конана возникла прямо перед глазами Олдвина. Киммериец выглядел таким довольным, он ухмылялся с таким победоносным видом, что Олдину мгновенно захотелось подсыпать ему в питье какого-нибудь сильнодействующего яда. Такого, чтобы убивал долго и мучительно.

Вероятно, эти мысли отразились на лице бритуна, потому что Конан сказал:

— Вы скверно выглядите. Что с вами случилось?

— А что я делал? — осторожно поинтересовался бритунец. Сейчас, когда рядом находился Конан, на-важдение, связанное с сундуками, почему-то испарилось.

— Ну, вы изволили бормотать разные глупости... Меня поразил способ, которым вы проникли в комнату. Впервые вижу академика, который вползает в свои апартаменты на четвереньках.

Олдин подумал о некоторых из своих знакомцев и мысленно решил, что не может с чистой совестью повторить ту же фразу, какую только что произнес Конан. Он лишь проворчал:

— Помогите мне забраться на кровать. Голова кружится. Кстати, что вы думаете насчет тридцати одного сундука?

— Довольно отвлеченное понятие, — сказал Конан, взваливая Олдвина на кровать.

Тот поморгал, осваиваясь со своим новым положением в пространстве, и продолжил:

— Тридцать один сундук, набитый сокровищами, — это вещь вполне реальная.

— Вы обнаружили их сокровищницу? — насторожился Конан.

Олдин приподнялся на кровати, опершись на локоть.

— У вас потрясающие организованный ум! — воскликнул он. — Как это вам удается смотреть в самый корень вещей?

Конан, изображая скромность, пожал плечами.

— Большой практический опыт. Когда человек со слабыми нервами начинает бормотать про тридцать один сундук, это означает, что его охватила лихорадка кладоискателя. Она редко заканчивается чем-то хорошим.

— Да, — признал Олдин, — я нашел их сокровищницу.

И едва он выговорил эти слова, как лихорадочное состояние отпустило его. Теперь он вполне ясно различал окружающую обстановку, видел Конана, со скрещенными ногами сидевшего на второй кровати. В голове прояснилось. Все, о чем он думал раньше, предстало Олдину непростительной глупостью.

— Я набрел на нее случайно, во время своей прогулки по здешним коридорам, — рассказал Олдвин. — Если то, что я увидел, не было обманом зрения, то... В общем, там очень много.

— Еще бы! — воскликнул Конан, блеснув синими глазами. — Они ведь занимались разбоем на протяжении нескольких сотен зим.

— Полагаете, мы сможем завладеть хотя бы толикой... — начал было Олдвин, мысленно проклиная себя за то, что возвращается к прежней теме. Он уже знал, что раздумья об этом чреваты бредом и лихорадкой.

— Полагаю, сперва нам следует понять, каким путем мы будем выбираться отсюда, — спокойно ответил Конан. — Ну а когда главное станет нам ясно, найдется время поразмыслить и о второстепенном.

— Расскажите об аудиенции у ее величества, — спохватился Олдвин. За всеми этими переживаниями он совершенно упустил из виду, что Конан побывал в личных апартаментах королевы и имел с нею личную беседу. — Какова она?

— Гуайрэ? — Конан усмехнулся. — Очень горяча в постели, вот что я вам скажу, приятель. Хороша необыкновенно. И кожа у нее бархатистая, а волосы пахнут какими-то удивительными благовониями — я таких ни на одном базаре не встречал.

Олдвин так и подпрыгнул, едва не свалившись при этом на пол.

— Уж не хотите ли вы сказать, что занимались с королевой... с ее величеством...

— Именно, — подтвердил Конан. — Мы неплохо провели время. Знавал я многих девчонок, но Гуайрэ почти всем им не чета. Впрочем, чему я удивляюсь! Если ей действительно больше тысячи зим, у нее было время соскучиться по мужской ласке.

— Проклятье, Конан, — сказал, помолчав, Олдвин, — вы сейчас просто отвратительны. Образец самодовольства и дурного вкуса.

— Если бы вы видели Гуайрэ, вам не пришло бы в мысли говорить о дурном вкусе. Она прекрасна, — заявил киммериец. — Она кое о чем меня просила... Видите ли, при ее дворе сейчас существует довольно сильная оппозиция. Да, да, в этом трудно поверить, но в окружении Гуайрэ есть люди, которым не нравится жить в замкнутом пространстве. Кажется, мы об этом краем уха уже слышали... Королева просила меня встать на ее сторону и помочь ей в решающей битве. А она предполагает, что скоро все подспудные течения и тайное недовольство выйдут на поверхность и обретут то, что в вашей Академии называли бы «материальным воплощением». Короче говоря, она боится бунта своих приближенных и просит нас защитить ее.

— И что вы решили? — осторожно поинтересовался Олдвин.

— Я еще ничего не решил, — ответил Конан. — Лично я считаю, что всем этим господам лучше бы сидеть в своих песках посреди пустыни и не распространяться по всему свету. Эта изоляция на пользу не только Гуайрэ, но и жителям соседних держав.

— Да, да, — закивал Олдин, — вы абсолютно правы... Но мне совершенно не нравится, что нас втягивают в какие-то придворные интриги. Есть в этом что-то нехорошее. Нездоровое. Сплетни, тайные переговоры, подозрения, «у стен есть уши» — и все такое... По-моему, это недостойно.

— Скажите просто, что боитесь, — фыркнул Конан.

— Почему бы и нет? — Олдин поднял брови. — Не вижу ничего зазорного в том, чтобы бояться придворных интриг. Выиграть в этой игре трудно, а мы к тому же плохо разбираемся в обстановке и совсем не знакомы с действующими лицами.

— Кстати, различить друзей и врагов будет очень просто, — сказал Конан. — Интимные приближенные Гуайрэ — золотоволосы, как и она. Они поддерживают королеву во всем. Черноволосые почти все желают выйти за пределы маленького королевства и захватить пару соседних областей... Впрочем, это не означает, что возможны исключения.

— Вот видите! — развелся Олдин. — Мы должны действовать как можно более осмотрительно.

— Именно, — Конан широко зевнул. — А сейчас, коль скоро других дел у нас с вами нет, я бы спал. Устал, знаете ли. Утомился, выполняя свой дипломатический долг. Если произойдет что-нибудь ужасное, разбудите, но только в этом случае — и ни при каких других обстоятельствах не вздумайте меня тревожить!

Глава четвертая Любовь, погубленная в песках

онан встречался с королевой теперь ежедневно. От киммерийца никак не зависело, где и когда это происходило. Он полностью отдался отдыху и проводил время возле фонтанов, в саду или в роскошных залах подземного дворца. Но где бы он ни находился, его всегда отыскивали слуги королевы, печальные белокурые юноши, которые брали киммерийца под руки и уводили за собой.

Конан выглядел как бродяга-варвар, на которого внезапно свалилось неслыханное счастье. Он вовсю наслаждался благами жизни, ел и пил в свое удовольствие, а после того, как он изъявил желание послушать музыку, к его услугам всегда были юноши, играющие на разных диковинных инструментах, поющие и танцующие.

В ряде случаев Конан не мог понять, кто перед ним, юноши или девушки. Королева превратила своих золотоволосых слуг, в угоду новому возлюбленному, в женоподобных красавцев (или, быть может, в

красавиц). Они носили просторные развевающиеся одежды, их длинные волосы свободно падали им на плечи, а руки их были тонки и изящны. Они пели чудными голосами, но и по голосу невозможно было определить, каков истинный пол существа.

Впрочем, поскольку киммериец не испытывал к ним никакого вожделения, он и не задавался целью выяснить все эти обстоятельства. Его окружала красота, он купался в роскоши и покое.

Часть этих благ перепадала и Олдвину. Бритунец обзавелся новыми табличками для записей и усердно покрывал их письменами. Вечерами он пробовал читать свои заметки Конану, но киммериец сразу же погружался в глубокий, очень спокойный сон, так что в конце концов Олдвин перестал метать бисер перед свиньями и прекратил чтения.

Конана это немного удивило. «Вы бы очень меня обязали, если бы все-таки прочитали мне пару строк», — заметил он.

Олдвин решил не углубляться в этот разговор, который, по мнению бритунца, мог болезненно ранить его самолюбие.

На четвертый или пятый день блаженства и ничегонеделания Конан и Олдвин, по обыкновению, ели виноград возле фонтана и слушали пение птиц. В саду, в некотором отдалении, звучали цимбалы: там скрывались, по приказанию Конана, двое музыкантов. Возлюбленный королевы заявил, что сегодня он склонен к одиноким раздумьям и что созерцание посторонних лиц будет отвлекать его от важных мыс-

лей. И посему им надлежит спрятаться и играть прогромче, дабы не лишать своего повелителя удовольствия наслаждаться музыкой.

Олдвин только диву давался:

— Никогда бы не поверил, что за всего за несколько дней вы могли превратиться из сурового закаленного воина в изнеженного сибарита!

— Варвары очень быстро разлагаются, — охотно пояснил Конан. — Это заложено в нашей невежественной природе.

Олдвин прищурился. Ему вдруг показалось, что Конан насмехается, но киммериец выглядел чрезвычайно серьезным.

— Наш слабый интеллект не выдерживает столкновения с роскошью и рассыпается на тысячу мелких осколков, — добавил Конан, жуя. — Так и запишите в вашей книге. Слово в слово.

Неожиданно он насторожился. Олдвин проследил его взгляд и обернулся.

— Что там такое?

— Кто смеет нарушать мое одиночество? — загремел Конан.

В саду появилась фигура, закутанная в плащ с капюшоном. Заслышав голос Конана, фигура остановилась и умоляющим жестом поднесла руку к губам. Конан замолчал и настороженно уставился на пришельца.

Теперь от позы сибаритствующего бездельника не осталось и следа: киммериец подобрался, готовый действовать в любое мгновение.

К счастью, на крик Конана никто не явился. Слуги, должно быть, уже привыкли к капризам наложника королевы и не обращали внимания на его негодующие вопли и требования немедленно распять вниз головой мерзавца, допустившего мухе попасть в шербет и там издохнуть.

Закутанная фигура, семеня и путаясь в складках плаща, приблизилась к обоим приятелям. Походка была женская, но неловкая, как будто некто либо не слишком умело имитировал женщину, либо вовсе не являлся женщиной, а просто не умел ходить в длинных одеяниях.

Незнакомец устроился в отдалении от фонтана, тщательно следя за тем, чтобы случайный порыв ветра не оросил случайно его каплями воды.

После этого он откинулся с лица капюшон.

Завидев представшее перед ним лицо, Олдвин тихо вскрикнул от изумления и ужаса и тотчас прикусил губу, сообразив, что ведет себя невежливо. Конан, напротив, обрадовался, как будто встретил старого знакомого.

Впрочем, так оно и было на самом деле, ибо явившийся в сад человек — точнее выразиться, существо, — был никто иной, как Эан, хранитель зыбучих песков.

Его огромная голова с пятью глазами венчала щуплое тулово с кривыми ножками и непомерно длинными руками. Одна из рук до сих пор несла на себе отметину от удара, который нанес ей Конан.

Киммериец виновато кивнул на рубец:

— Не болит?

— Иногда, — скрипнул Эан.

Олдвин переводил взгляд с чудовища на своего спутника и обратно.

— Мне показалось, или вы действительно знакомы? — спросил он наконец.

— Представь меня, — попросил Эан.

Конан ухмыльнулся.

— Это — хранитель зыбучих песков, который уверждает, будто его зовут Эан. А это, Эан, — мой спутник и приятель, ученый человек по имени Олдвин. Он очень любознателен и все записывает на свои таблички.

— О, — произнес Эан. — Да, наверное, люди умеют писать. Я забыл. — Его глаза отчаянно моргали. — Некоторые люди умели рисовать! Но все, что они рисовали на песке, заплывало и исчезало. Я помню эти пальцы, что царапали песок в попытках выбраться... Бессвязные, глупые знаки!

— Ты бредишь, — ласково сказал ему Конан.

Олдвина поразил тон его голоса. Никогда прежде бритунец не слыхал, чтобы варвар так с кем-нибудь разговаривал. Олдвин ощутил легкую досаду.

Эан медленно повернулся к киммерийцу свою большую голову и еще медленнее разинул рот. Застыв в этом положении на какое-то время, он наконец пошевелился.

— Ты уже стал ее любовником? — спросил он Конана без обиняков.

Киммериец задумчиво потер подбородок.

Он склонил голову набок и уставился на Эана с любопытством.

— Почему тебя это так занимает? — отозвался он наконец. — Положим, Гуайрэ захотела видеть меня в своей постели. Она — красавица, пылкая, с нежной кожей... Отказываться было бы глупо.

— Вот и я так решил, — с глубочайшим вздохом пророкотал Эан. Звук его голоса проникал, казалось, под кожу и щекотал обнаженные нервы.

Конан удивленно уставился на своего приятеля-монстра.

— Что ты хочешь этим сказать? Ты решал за меня, стоит ли мне заняться любовью с Гуайрэ? Но, по-моему, ты не можешь влиять на мои поступки. Или?..

— Нет, — Эан грустно усмехнулся. — За свои поступки ты отвечаешь сам.

— Нельзя ли выражаться яснее? — вмешался Олдвин. — У меня что-то все путается в голове.

— Я рисковал моей ничтожной погубленной жизнью для того, чтобы прийти сюда и предостеречь вас обоих, — сказал Эан грустно. — Посмотрите на меня! Вы видите, какой я. Я сам себя не вижу. Я — никто, ничто, мерзкая тварь, обитающая в зыбучих песках, жалкий раб могущественной королевы...

— Такова участь многих монстров, — сказал Конан, пожимая плечами. — Тебе еще повезло. После встречи со мной лишь немногие из вашего брата остаются в живых.

— Я так и подумал, когда увидел тебя, — при-

знался Эан. — Сказать по правде, я изрядно струсили, едва лишь ты появился. Я сразу понял, что напугать тебя не удастся. У тех, кто убивал уже монстров, совсем другое выражение глаз. Не такое невинное.

Олдвин вдруг оскорбился.

— Кого ты называешь невинным, ты, пятиглазый ублюдок?

Конан остановил своего бритунского спутника, видя, что тот разозлился не на шутку и уже готов наброситься на Эана.

— Что с вами? Сидите спокойно!

— Он посмел назвать меня «невинным!» — кипятился бритунец. — Да я стряхну за это лишние зенки с его бесстыжей физиономии!

— «Невинный» — это не оскорбление, — заметил Эан. — Члену бритунской Академии хорошо бы знать смысл этого слова.

— Я достаточно практичен и довольно знаю о реальной жизни, чтобы разбираться, какое слово является оскорблением, а какое — нет! — прошипел Олдвин.

Конан сказал Эану дружески — так, словно не было никакого инцидента:

— Просто рассказывай все, зачем пришел. Если это будет в моих силах, я попробую тебе помочь.

— Мне уже ничто не поможет, — прошептал Эан. — Изменения необратимы...

Внезапно у Конана мороз прошел по коже. Он вспомнил, что Гуайрэ рассказывала ему о воинах,

которых она превращала в красавцев и силачей. Ей под силу изменить человеческую природу, сделать из чернокожего кушита стройного белокурого юношу с внешностью аквилонского аристократа!.. Не значит ли это, что...

— Ты хочешь объяснить, что не всегда был пятиглазым, с гигантской пастью и прочими украшениями?.. — вымолвил Конан, изумленно рассматривая своего необычного собеседника.

— Да, — квакнул тот. — Именно. Зим двести назад меня звали Эан.

— Тебя и сейчас зовут Эан, — напомнил Конан. — Не все так плохо.

— Меня звали Эан, — как будто не слыша киммерийца, повторил хранитель песчаной трясины, — и я был младшим сыном бритунского купца.

— Бритунского! — воскликнул Олдвин, мгновенно изменив свое отношение к рассказчику. — Не может быть!

— У меня была еще сестра, на зиму младше меня, и старший брат, калека от рождения, — продолжал Эан. — Я взялся сопровождать один из караванов моего отца. Наша семья была тогда на грани разорения, и отец подозревал, что один из его приказчиков ведет нечестную торговлю. Я должен был прибыть в Замбулу и разобраться в происходящем на месте. Боги, как давно это было! Я даже не знаю, стоит ли до сих пор Замбула!

— Стойт, куда она денется, — буркнул Конан. У него изрядно испортилось настроение.

— Сперва путь наш проходил спокойно, но когда мы перевалили Карпашские горы, случились сразу две неприятности. Во-первых, опасно заболел наш проводник, так что пришлось оставить его в маленьком поселении на краю пустыни. А во-вторых, на нас напали разбойники. Это произошло на второй день пути... Разбойники гнались за нами на черных конях. Они медлили нападать и первое время кружили на горизонте угрожающими тенями, точно стервятники. Но с наступлением ночи они набросились на нас и началось истребление. Это нельзя было даже назвать битвой. Мы не сумели дать достойного отпора. Те, кто пытался защищаться, пали от их мечей. Тех, кто сразу сдался, они зарубили позднее. Затем они распотрошили тюки и разбросали по песку весь наш товар. Они взяли лишь немногое — шелк, драгоценные ожерелья. Все остальное затоптали их кони.

Эан остановился и снова разинул пасть. Очевидно, это был способ успокоиться, к которому монстр прибегал время от времени.

Затем вновь зазвучал его странный квакающий голос.

— Я потерял все — мою семью, мою жизнь, мою честь, самое мое тело... но до сих пор испытываю сильнейшую душевную боль при воспоминании о том, как их кони топтали наш товар. Вместе с этим товаром они как будто разрушали все надежды моей семьи когда-либо поправить дела. Надежду для моего отца на достойную старость, надежду для сестры —

на достойное замужество... Все свои упования они возложили на меня, а я... я, схваченный и связанный, мог только бессильно наблюдать за происходящим!

Меня оставили в живых. Предводитель черных — его звали Заграт, — сказал что-то вроде: «Гуайрэ давно тоскует без живой плоти». Кругом засмеялись. Они продолжали смеяться, когда связывали мне руки и ноги и прикрепляли к седлу одной из лошадей, точно какой-то выюк.

Я болтался на коне, меня тошило от качки, я страдал от жажды и мечтал только о смерти. Все, что было мне дорого в жизни, уже погибло, — чего еще я мог от нее ожидать? Знал бы я!..

— Человеку не дано знать заранее свою судьбу, — изрек Олдвин и сам почувствовал себя глупо.

Эан не обратил на эту сентенцию никакого внимания. Он весь находился во власти воспоминания.

— Я не сомневался, впрочем, в том, что скоро умру. Разве Заграт не сказал, что Гуайрэ скучает без свежей плоти? У меня и в мыслях не было, что он имеет в виду нечто иное, а не самое обычное людество! Я только молил богов о том, чтобы меня убили прежде, чем начать есть. Боги свидетели, я не страшился смерти, но перспектива быть сожранным живьем или сваренным заживо меня все-таки пугала!

Каково же было мое удивление, когда я предстал перед Гуайрэ. Она была нежна и прекрасна, такая ласковая и податливая! Она увлекла меня в свою

постель и наградила самым большим счастьем, которое только может испытать человек.

В ее объятиях я забыл обо всем... Годами я даже не вспоминал отца и сестру, не говоря уж о больном брате. Мне было безразлично, чтосталось с моей семьей. Видение моих убитых спутников не преследовало меня. Мои сны были спокойными, а дни — полны наслаждений и неги. Гуайрэ нейзменно оставалась молодой и прекрасной, а я был по-прежнему достоин ее любви.

Наконец кое-какие подозрения начали закрадываться даже в мою глупую, пустую душу! Почему никто из нас не изменяется? Почему я не старею? И сколько зим прошло с тех пор, как я очутился в роскошном дворце?

Когда я спросил об этом королеву, она принялась смеяться и наконец сообщила мне о том, что минуло уже две зимы и что я, если буду по-прежнему «хорошим мальчиком», не состарюсь и не умру никогда. Я вечно буду вкушать блаженство в ее объятиях, вечно буду трапезничать в прекрасном саду — и все прочее...

Я успокоился и вновь погрузился в свое безмятежное счастье. Но затем я начал замечать, что Гуайрэ все реже зовет меня в свою постель. Я решил последить за нею.

О, меня терзала ревность! Клянусь, я даже не подумывал о том, что лишившись ее постельных милостей, я потеряю заодно и прочие дары, включая вечную молодость и вечную жизнь. Я же видел, что

таковыми остаются окружающие королеву воины и личные слуги.

И я выследил ее... У нее появился новый любовник. Я не знаю, кем прежде был этот юноша. Она изменила его внешность по собственному усмотрению, так что теперь он был стройный белокожий красавец с медно-золотыми волосами. Я помню его руки с очаровательными длинными пальцами. О да, я до сих пор помню его руки! У него все пальцы, за исключением большого, были одной длины, и он красил ногти синей краской.

Я вошел с ним в дружбу. Он был весьма приветлив и охотно свел со мной знакомство. Он доверял мне! Мы вместе гуляли по саду и по окрестностям владений королевы, по самым окраинам. Я рассказывал ему разные истории — и те, что вспоминались мне из моей прошлой жизни, и те, что я узнал в моей жизни нынешней.

За двести зим их набралось немало, и многие были забавными. Я помню, как он смеялся! До сих пор этот радостный, почти детский смех стоит у меня в ушах!

И вот однажды я понял, что готов совершить то, чего не делал прежде никогда. Я завел его во время прогулки в зыбучие пески.

«Смотри, — сказал я тому, кто считал меня своим лучшим другом, — кажется, вон там, в песках, вырос прекрасный цветок!»

Я щелкнул пальцами, и юноша действительно увидел в песках цветок.

«Какое чудо! — наивно обрадовался он. — Она так любит цветы... У нее в саду тысячи цветов, но этот будет для нее особенным, ведь я сорву его среди песков, чтобы преподнести ей в дар...»

И с этими дурацкими словами он полез прямо в трясину. Сперва он даже не понял, что происходит. Его ноги засосало. Он дернулся, и тотчас погрузился по пояс. Он повернул ко мне свое глупое лицо и посмотрел на меня с детской верой в то, что сейчас я совершу чудо и спасу его от гибели.

«Помоги мне! — попросил он. — Ты видишь, я провалился».

«Да, — сказал я ему, — ты провалился, дружок, и ты пропал. Прощай».

Я повернулся и зашагал прочь. Он смотрел мне вслед — клянусь, я до сих пор ощущаю силу этого взгляда! Он звал меня и умолял вернуться! Он говорил, что произошло, должно быть, какое-то недоразумение, он отказывался верить в то, что все это происходит с ним наяву, да еще по моей вине.

Один только раз я повернулся к нему. Один раз. Я был уже довольно далеко, но все же обернулся и крикнул:

«Ты виноват в том, что из-за тебя Гуайрэ разлюбила меня!»

Не знаю, слышал ли он меня. Когда спустя день я вернулся к зыбучим пескам, я увидел лишь его руки. Они по-прежнему оставались на поверхности — изящные тонкие руки с накрашенными ногтями.

Гуайрэ пришла в ярость. Она сразу догадалась обо всем, что произошло. Она приказала схватить меня — о, я пытался бежать, боги свидетели тому! Меня настигли. Заграт сбил меня с ног и избил, а затем меня, покрытого синяками и кровоподтеками, связанного, швырнули к ногам моей повелительницы.

Она с силой ударила меня ногой по лицу.

«Презренный пес! — закричала она. — Ты убил того, кто был мне дорог!»

«Я люблю тебя, — сказал я ей. — И что бы ты ни сделала со мной, всегда буду тебя обожать».

«Лжешь, — прошипела она. — Ты лжешь, ничтожный раб, и твоя верность куплена дешевой ценой. Ты лжешь, потому что такова рабская природа!»

И конечно же, она была права. Я возненавидел ее в тот же самый миг — и ненавижу до сих пор. И до сих пор я ее верный, жалкий, ничтожный раб, ибо такова моя природа...

— Что она сделала с тобой? — тихо спросил Конан.

— Она приказала бросить меня в зыбучие пески, — ответил Эан безучастно. — Так они и поступили, ее возлюбленные черные воины. Отнесли меня туда и швырнули в трясину. Я погрузился в пески не сразу. Сперва солнце сгрызло мою кожу, потом ночной ветер заставил меня дрожать от холода. А к утру песок пришел в движение, и вот тогда я медленно опустился на самое дно.

Но я не умер. Гуайрэ слишком глубоко изменила мою природу. За две зимы я перестал быть человеком. Поэтому я начал превращаться. Песок словно бы обтачивал мое тело, как это сделал бы, наверное, резак каменотеса. Я кричал от невыносимой боли, но в мое горло забивался все тот же песок. Он разрезал мой рот, он буравил новые глазницы в моем черепе.

Длинное рыдание вырвалось из горла чудовища. Конан подошел к нему и коснулся его плеча.

— Довольно, хватит, — сказал киммериец. — Мы поняли, что с тобой произошло.

Эан поднял к нему лицо.

— Нет, — проговорил он. — Ничего вы еще не поняли. Гуайрэ продолжает навещать меня. Время от времени, нечасто. Думаю, ей это необходимо для того, чтобы поддерживать свою власть надо мной. Без ее посещений я, возможно, давно уже стал бы песком и рассыпался во прах. Но ее объятия и ласки позволяют мне оставаться в живых. Если, конечно, подобное существование можно назвать жизнью.

— Она... ласкает тебя? — пробормотал Конан, рассматривая Эана так, словно увидел его впервые.

Эан проговорил еле слышно, как мальчик, вынужденный сознаться в некоем постыдном поступке:

— Она приходит ко мне в своем истинном обличье... Это не вполне то, о чем ты думаешь сейчас, киммериец.

— Что такое — истинное обличье? — резко спросил Конан. — Мне ты можешь рассказать все, Эан, я в любом случае не стану тебя презирать.

— Нет, — Эан решительно качнул головой. — Нет, нет! Ты не должен этого знать! Если ты узнаешь, ты не сможешь ласкать ее так, как должно, а тогда она сразу догадается... и ты погиб!

— Но кое-что я о ней уже знаю, — указал Конан.

Эан грустно усмехнулся.

— Поверь мне, — проговорил он, — знать наверняка и подозревать нечто — это совершенно разные вещи. Когда человек лишь подозревает о чем-то, не имеющем конкретного воплощения, у него еще остается возможность надеяться на лучшее. Но стоит тебе обрести уверенность — ты пропал навсегда...

— Я твой друг, — сказал Конан.

— В таком случае, — откликнулся Эан, — запомни мой рассказ, киммериец. Гуайрэ непременно попытается превратить тебя в нечто иное, не похожее на то, что ты есть. И если это случится, она завладеет тобой навсегда. Но сперва она должна заручиться твоим согласием. Мы все добровольно предавали себя в ее власть. В тот миг, когда мы давали ей клятву верности, нам казалось это правильным. Она была добра и прекрасна, она наполняла нашу жизнь смыслом, — каждый из нас только и мечтал о том, чтобы провести рядом с нею вечность! И никто из нас не был предупрежден так, как я сейчас предупреждаю тебя. Не обольщайся, киммериец, не позволяй ей соблазнить тебя обещанием вечной жизни и

вечной молодости. Ни один человек не должен связывать с нею свое будущее. Думай о себе как о ее пленнике, как об игрушке в ее руках, — об игрушке, которая должна помышлять лишь о бегстве! — и тогда ты, быть может, спасешься.

— Ты поможешь нам перебраться через трясину? — тихо прошептал ему на ухо Конан.

Эан заморгал всеми пятью глазами, затем зевнул. Его лицо совершенно утратило осмысленное выражение. Еще мгновение назад он был совершенно нормальным собеседником — если определение «нормальный» вообще приложимо к монстру, — а сейчас превратился в погруженное в себя, нелепое существо.

Он удивленно оглядился по сторонам, как бы спрашивая себя, где это он очутился, и вдруг переполошился:

— Ой, да тут фонтан! Вода смертельно опасна для меня. Я не хочу воды! Бежать, бежать!..

С этим криком Эан вскочил и на своих кривых коротеньких ножках, сильно раскачиваясь на ходу, устремился прочь. Конан и Олдвин смотрели ему вслед, и ни один из двоих не нашел эту нелепую, едва ковыляющую фигурку потешной. Напротив, в безобразном облике Эана им почудилось что-то возвышенное и даже трагическое.

Глава пятая

Истинный облик

ечером этого дня, вернувшись от Гуайре, Конан нашел своего товарища в сильном волнении. Олдин взволнованно бегал по комнате, то и дело выглядывал в сад, а затем вдруг бросался на середину комнаты и начинал ломать руки.

— Хотите вина? — обратился к нему киммериец. Он вошел с самым развеселым и беспечным видом. В руке он держал узкогорлый кувшин, которым и размахивал.

— Вина? — Олдин дико посмотрел на него. Несколько мгновений он буравил киммерийца взглядом, потом отошел к окну и снова глянул на него, как бы созерцая отвлеченную картину. — Вы предлагаете мне выпить?

— В принципе, да, — сказал Конан. — Полагаю, у этой фразы не может быть другого истолкования.

Олдин скрипнул зубами. Конан, имевший опыт общения с учеными людьми, решил добить своего «академика» и прибавил:

— Не в данном контексте.

К его удивлению, Олдин рассмеялся.

— Это действительно вы, мой друг!

— Разумеется, я. — Конан повалился на кровать и отхлебнул из кувшина здоровенный глоток. — Если вам угодно оставаться отвратительно трезвым, что ж, это ваш свободный выбор. — Он приподнялся и внимательно всмотрелся в своего приятеля. — А что это с вами происходит? Вы как-то скверно выглядите. И настроение у вас очень странное.

— У меня всегда странное настроение! Я вообще кажусь странным — во всяком случае, для людей, которые... которые... — Олдин захлебнулся и стал ловить ртом воздух.

— Да, дружище, что-то с вами происходит, — заключил Конан. — Если бы здесь был лекарь, он приставил бы к вашей голове пиявок.

— А знаете, почему я кажусь странным? — не унимался Олдин. — Потому что я не такой, как вы! Я смотрю в корень вещей!

— Не у всякой вещи есть корень, — философски заметил Конан. — У некоторых — только дно... а у иных нет и дна...

Он заглянул в кувшин, как бы ища подтверждение своим словам. Олдин подскочил к нему и сильно тряхнул его за руку.

— Это действительно вы? Или она уже начала производить над вами свои эксперименты?

Конан взорвался на него с пьяноватым изумлением.

— Эксперименты? По-вашему, Гуайрэ любит экспериментировать? Нет, нет и еще раз нет! Для ученого человека вы чересчур не наблюдательны. Гуайрэ предпочитает все оставлять как есть. Любые перемены даются ей с трудом. Уверен, она для этого и наделяет своих слуг и воинов привычной для себя внешностью.

— Но вы не... — начал было Олдвин и осекся. Конан разразился громовым хохотом.

— Я не давал ей согласия подвергать меня чарам! Уж поверьте, меньше всего я намерен оставаться в этом оазисе. Нет, я как раз размышлял над тем, как бы нам выбраться отсюда...

Он допил вино и выбросил кувшин в окно.

— Зря вы отказались пить, дружище. С пьяным человеком лучше разговаривать на нетрезвую голову, иначе между нами не возникнет взаимопонимания...

Олдвин нервно стиснул пальцы и хрустнул ими.

— Меня не отпускает мысль о том, что мы обречены умереть в этом плену!

— Умереть или жить вечно, — добавил Конан, нарочно, чтобы посмотреть, как его приятель подпрыгнет от ужаса.

Реакция Олдвина не обманула ожидания варвара.

— Как вы можете даже произносить такое! Неужели вам хочется быть погребенным в этих песках? Вас прельщает участь Эана? Два хранителя трясины — прекрасно! Будете пить под землей, обменива-

ться впечатлениями о былом и ожидать, пока Гуайрэ навестит вас в своем истинном облике... Заодно и выясните, каков этот истинный облик. А меня от этих радостей избавьте.

— Слушайте, вы! — внезапно крикнул Конан. И голос, и лицо киммерийца изменились. Трудно было поверить в то, что терцио назад это был веселый и пьяный человек. Теперь он выглядел совершенно трезвым, с недобрыйм холодным взором синих глаз. — Молчите и слушайте, что я вам скажу. Мне безразлично, каков истинный облик этой Гуайрэ. В обличье обольстительной женщины она хороша... но недостаточно хороша, чтобы я потерял голову. Вы меня понимаете?

Олдвин настороженно кивнул.

— Отлично, — хмыкнул киммериец. — Продолжим. У Гуайрэ есть враги. Даже здесь, во дворце. Те, кто считает, будто отсюда нужно уходить. Распространить свое влияние на соседние города — а в идеале захватить весь мир, конечно. И мы никогда не узнаем, кто эти враги и как нам воспользоваться их активностью на благо себе... никогда, пока они считают меня — преданным возлюбленным Гуайрэ, а вас — моим преданным близким другом.

— К чему вы клоните? — спросил Олдвин.

— К тому, что завтра мы с вами рассоримся. Сделаем это в саду, прилюдно. Так, чтобы как можно больше народу видело нашуссору. Можем даже подраться. Вы как, в состоянии заехать мне в физиономию?

— Я несколько ниже вас ростом, — напомнил Олдин, — и слегка послабее.

— Ничего, я пригнусь и присяду, — обещал киммериец. — Вы должны меня обругать как-нибудь поужаснее и ударить по лицу. Я в ответ вас тоже стукну. Разобью вам нос. Это очень эффектно выглядит. Не вздумайте, кстати, на меня обидеться за это. Я заранее вас предупредил.

— Ну а дальше что? — Олдин предпочел не развивать тему своего разбитого носа.

— Дальше... Дальше я буду по-прежнему ходить к Гуайре, а вы, я полагаю, скоро сделаетесь большим другом здешних тайных противников существующей власти.

— Это называется оппозиция, — сказал Олдин. — Во всяком случае, в цивилизованном мире.

При слове «цивилизация» Конан поморщился.

— Одно хорошо в здешней пустыне, — заметил он, — никакой цивилизации в вашем понимании здесь не сыщешь.

— А интриги, подлости, тайные заговоры и прочие удовольствия? — возразил Олдин. — Это яркие признаки цивилизованности.

— Не согласен, — отрезал Конан. — Вы никогда не жили в Черных Королевствах. Вы даже представить себе не можете, какие жуткие интриги плетут те, кого вы назвали бы «голозадыми дикарями»! Положим, в племени шаман и вождь не поладили... Как вы думаете, что начнется?

— Война? — пожал плечами Олдин.

— Начнутся интриги, — сказал Конан. — Ладно, хватит об этом. Завтра мы ссоримся. Далее вы сводите дружбу со здешней оппозицией. Общаться будем тайком. Я должен знать все, что они затевают. Вам ясно?

— Мне ясно все, кроме одного, самого главного: как мы выберемся отсюда? — сказал Олдин.

— Через пару дней будет ясно, — сказал Конан.

* * *

Место для спектакля выбрал киммериец, и Олдину ничего не оставалось, как только одобрить его выбор — и даже похвалить его вкус. В самом деле, в определенном артистизме Конану не откажешь. Участок сада, где должна была произойти его показная «ссора» с Олдином, представлял собой нечто вроде сцены: открытая площадка, обрамленная густыми кустами, точно кулисами, причем цветы на этих кустах были ярко-красными.

— Отличный обзор со всех сторон, — говорил Конан, откровенно гордясь своей изобретательностью. — А эти красные цветы возбуждают страсти и способствуют лучшему усвоению резких сцен.

— Откуда вам это известно? — прищурился Олдин.

— Красный цвет вообще есть цвет страсти и жизни, — ответил Конан. — Когда я пущу юшку вам из носа, вы не сможете со мной не согласиться.

Олдин не ответил.

Конан насмешливо хмыкнул.

— Как я вижу, вас напрягают мои рассуждения на эти темы?

— Да, — сказал Олдин угрюмо. — В конце концов, речь идет о моем носе!

— Я знал множество людей с переломанными носами — и большинство из них ухитрились познать счастье, пусть даже и с таким дефектом, как свернутый на сторону... — начал было Конан, но Олдин взревел:

— Довольно!

— Хорошо, хорошо. — Киммериец пожал плечами. — Надеюсь, за нами уже наблюдают. Вы уверены, что не хотели бы остаться здесь на всю жизнь?

— Проклятье, а вы разве в этом не уверены?

— В чем? — Конан огляделся по сторонам, машинал рукой в сторону дворца, видневшегося поблизости. — Это лучшее место на земле, дорогой мой. Я никогда еще не был так счастлив, как здесь.

— Счастлив? — переспросил Олдин, не веря собственным ушам. — Вы говорите о счастье, вы, неотесанный варвар?

— Разумеется. По-вашему, способность испытывать счастье доступна только академикам? Мне жаль разочаровывать вас, дружище, но вы заблуждаетесь. Напротив, ваши иссущенные сердца не в состоянии понять, что такое страсть к женщине.

— Счастье, с вашей точки зрения, — это удовлетворенная похоть, — с презрением бросил Олдин. — Что ж, нечто подобное я и ожидал услышать.

— Что ж, — передразнил его Конан, — как всякий мужчина, бессильный в отношениях с женщиной, вы не в силах осознать...

— Я? — не своим голосом взвизгнул Олдин. — Как вы меня назвали?

— Бессильным, — ответил Конан.

— Сперва ваш пятиглазый дружок именует меня «невинным», теперь вы... Вы, жалкое животное!

— Почему же сразу «жалкое»? — Красуясь, киммериец развернул плечи. — По-моему, не такое уж жалкое!

И тут Олдин, весь трясясь от злости, подскочил и изо всех сил ударили Конана кулаком в челюсть. Удар вышел неловкий, хотя и довольно сильный. Конан присмотрелся к кипящему в негодовании приятелю, тщательно выискивая способ не покалечить его ответным ударом, и наконец осторожно тюкнул кулаком бритунца в кончик носа.

Олдин заорал нечеловеческим голосом и покатился по земле. Из его носа хлынула кровь. Заливавшись слезами, Олдин рыдал и поносил киммерийца последними словами. Конан громко расхохотался и зашагал прочь, оставив Олдина плакать, утирая кровь и недоумевать: что все-таки произошло? Неужто вся эта ссора была разыграна понарошку? Но как тогда понимать кровь и боль, не говоря уж об унижении? Нет, что ни говори, а киммериец был и остается варваром. Несмотря на все ученые словечки, которые Конан вворачивает иногда в разговоры, дикарскую природу не переделашь.

Неужели сегодня вечером или завтра, или вообще когда-либо они будут опять разговаривать как ни в чем не бывало? Олдину не верилось в возможность такого. Но если только Конан действительно притворялся... если только он притворялся, тогда все разговоры о том, что среди дикарей невозможны заговоры и интриги, действительно пустой звук. В таком случае Олдин готов признать: по части заговоров и интриг варвары дадут сто очков вперед самому изощренному аквилонскому придворному.

— Вы сильно страдаете? — прозвучал поблизости чей-то участливый голос.

Олдин поднял голову и торопливо обтер лицо рукавом.

— Проклятый дикарь разбил мне лицо, — отозвался он, изо всех сил стараясь говорить спокойно и с достоинством. — Полагаю, компресс с холодной водой исправит дело, и дня через два от этого коварного нападения не останется и следа.

Рядом с Олдином уселся на корточки шадизарский дервиш. Точнее, тот, кто выдавал себя за дервиша, — Заграт.

— Что ж, этого следовало ожидать, — хладнокровно произнес он, рассматривая распухший нос своего собеседника. — Меня удивляет только одно: почему это не случилось раньше. Впрочем, у Гуайре всегда был дурной вкус, а сейчас он окончательно испортился. Что поделаешь, она ведь демон. Нельзя требовать от существа, вроде нее, каких-то особых чудес.

— Чудес? — переспросил Олдин. — Вы меня удивляете! Мне всегда казалось, что как раз от демонов и прочих нечеловеческих созданий и следует ожидать чудес...

— Не в том смысле, какой вы вкладываете в это понятие, — сказал Заграт. Он удивлял Олдина все больше и больше: правильностью речи, способом изъясняться Заграт не походил ни на шадизарского нищего, ни на бродячего фокусника, ни на воина из свиты песчаной королевы. Скорее, он напоминал Олдину царедворца, опытного и искушенного политического деятеля.

— А в каком, простите, смысле? — спросил Олдин. Сейчас он благословлял восточное обыкновение подолгу беседовать о разных отвлеченных предметах и ходить вокруг да около по нескольку колоколов, прежде чем перейти к главному предмету разговора. Олдину требовалось время, чтобы осознать все происходящее и смыкнуться с ним.

— Настоящее чудо — это когда человек из него-для превращается в добряка, — пояснил Заграт. — Пару раз я наблюдал такое... Зрелище отвратительное! Зрители проливают слезы и сопли. — Его и впрямь передернуло. — Другое чудо, которое мне куда больше по душе, — превращение маленького слабого государства в большое и могущественное. Некоторые полководцы и короли в состоянии совершить это, и я не боюсь признаться в том, что завидую им... Вот где истинное чудо! А демон способен лишь уничтожать, коверкать, мучить и искажать.

Внешне это довольно эффектно выглядит — для неискушенного наблюдателя и только на первый взгляд. Но в конце концов приедется. Вы потом поймете, что я имею в виду.

— Мне кажется, я уже вас понимаю, — возразил Олдин.

— Ничего, потом поймете еще лучше, — заверил его Заграт. — Убедиться во всем на собственной шкуре — самый действенный способ.

— Я уже кое в чем убедился — и как раз на собственной шкуре, — Олдин коснулся своего разбитого носа. — Мне не хотелось бы повторять опыт.

Заграт искоса глянул на него и слегка улыбнулся.

— Сперва ваш громила-приятель показался нам вполне подходящим кандидатом, — заговорил он вполголоса. — На ранней стадии отношений Гуайрэ обычно очень увлекается новым любовником. Она даже не предлагает ему изменить внешность. Ее как будто устраивает в нем все, лишь бы мужчина был хорош в постели. Но рано или поздно она начинает скучать, его ласки становятся, с ее точки зрения, однобразными. И тогда она прибегает к заклятию преображения.

— Я слыхал, что для того, чтобы такое заклятие сработало, требуется согласие, — осторожно заметил Олдин.

Заграт пожал плечами.

— До вас уже доходили эти истории! Что ж, здесь ими сам воздух пропитан. Куда ни глянь — везде

Гуайрэ с ее причудами! Только Гуайрэ! Она одна! А ведь ее могущество не так уж велико... И все же она делает с нами все, что захочет. Согласие требуется, говорите? А вот представьте себе, что вас взяла в постель красивая женщина, что она отдавалась вам, что она вас ласкала, шептала вам нежности... и вдруг полностью к вам охладела. А вы вожделеете все сильнее, и ничего не можете с этим поделать!

— Мне вообще непонятен термин «вожделение», — гордо объявил Олдин.

Но смутиТЬ Заграта ему не удалось.

— Ерунда! — пренебрежительно отмахнулся дервиш. — Если бы Гуайрэ захотела, вы бы засохли с тоски по ее объятиям, и даже не успели бы подобрать для описания вашего состояния никаких научных терминов. Просто сдохли бы у ее порога, ясно вам? И это вас еще ожидает, дайте только срок.

Олдин деланно рассмеялся, но Заграт пропустил его протест мимо ушей и продолжил объяснение:

— И вот вы узнаете способ удержать любовь Гуайрэ. Заклинание преображения! Конечно, вы дадите согласие. И еще зим десять она будет вашей. Но потом неизбежно расставание. Вот так обстоят дела.

— Насколько я понимаю, Конан находится на первом этапе своих отношений с Гуайрэ, — заметил Олдин.

— Да. И мы очень надеялись на его сотрудничество.

— Нет, он вполне доволен своей долей, — сказал Олдин.

И потрогал разбитый нос.

— Крайне неприятный человек, — вздохнул Заграт. — Возможно, придется устраниить его.

— Что ж, — Олдин остроожно избавился от комка крови, застрявшего в ноздре, — буду только рад. Но объясните мне одну вещь. Почему вы так стремитесь разрушить королевство Гуайрэ?

— Разрушить? — Заграт весь затрясся от беззвучного смеха. — Кто здесь говорит о разрушении? Только не я! Гуайрэ застыла на месте, как я и говорил, и вместе с ней застыло ее призрачное пустынное королевство. Но зим двадцать назад начались некие процессы, над которыми не властна даже Гуайрэ. Я говорю об изменениях здешней почвы. Зыбучие пески распространяются все шире. Они скоро захватят наш оазис. Недавно мы видели, как по стене дворца прошла трещина. Если мы ничего не предпримем, наш мир попросту рухнет и погребет нас под собой.

В первые дни вашего появления мы рассчитывали на то, что Конан в состоянии будет понять грозящую нам опасность. Но этот варвар, похоже, слишком увлечен своей ролью постельной забавы великой демоницы...

— Точно, — кивнул Олдин.

— Нужно устраниить его, — жестко сказал Заграт. — Как только это произойдет, Гуайрэ захочет свежего мяса и отправит нас на поиски... У нас все подготовлено. Мы намерены захватить город Замбулу.

— Но это большой город! — удивился Олдин.

— Все уже просчитано, — улыбнулся Заграт. — Я

не раз бывал там и все разведал. У нас вполне хватит сил. Когда Замбула будет нашей, мы сможем основать собственное государство. Гуайрэ больше не будет там правительницей, она превратится в то, чем и должна была бы быть: в демона на службе у истинного короля.

— А истинным королем будете, конечно же, вы, — догадался Олдин.

— Возможно, — не стал отрицать Заграт. — Предлагались, правда, и другие кандидатуры, но я — наиболее предпочтительный правитель из всех. У меня большой опыт и, кроме того, я хорошо знаю Замбулу. Многие из нас ведь столетиями не покидали оазиса — откуда им знать, как надлежит управлять обычными людьми!

— Понятно, — пробормотал Олдин. — Что ж, я с вами. Мне совсем не улыбается провести здесь остаток дней своих. Лучше уж Замбула!

— Отлично. В таком случае... Ждите известий и будьте наготове.

Заграт поднялся на ноги, еще раз улыбнулся своему предполагаемому союзнику и зашагал прочь. Скоро он скрылся между кустами.

Олдин остался в одиночестве. Голова у него шла кругом. Он вдруг осознал, что никак не может до конца сообразить: что из происходящего было правдой, а что — ложью. Оба его собеседника выглядели вполне убедительными, особенно Конан.

Олдин напряг все свои душевые и умственные силы и вспомнил свой разговор с Конаном, состояв-

шийся накануне. «Мы должны поссориться, и тогда мятежники сразу попытаются заключить с вами союз, — сказал ему варвар. — Выслушайте их внимательно, потом передадите мне». Да, нечто в таком роде Конан говорил ему вчера.

Тогда киммериец не лгал. Он лгал сегодня, когда издевался над Олдином и вынудил его к драке. Безобразная, нелепая, а главное — бесславная драка! Олдин снова бережно ощупал разбитый нос. Неужели так уж необходимо было обходиться с другом столь жестоко? Варвар, одно слово — варвар.

Но ведь вышло все именно так, как и предсказывал этот самый варвар! Почти мгновенно после драки рядом с бритунцем возник Заграт и посвятил Олдина в некоторые детали заговора.

Но Заграт... Шадизарский дервиш уже доказал, что является исключительно хитрым и коварным человеком. Олдин никогда прежде не встречал более двуличного существа, способного мгновенно превращаться из нищего в почтенного посетителя общественной бани, из воина в царедворца, из полуобразованного фокусника в рассудительного ученого.

А что, если Заграт тоже разыгрывает Олдина? Что, если шадизарский дервиш притворялся «заговорщиком», желая попросту погубить Олдина?

Но зачем ему губить бритунца? Еще одна загадка. Нет, все проще. Все обстоит именно так, как и предрекал Конан.

«Даже если киммериец ошибся, — подумал Олдин, — я не должен сомневаться. Если я попытаюсь

следовать сразу десятку разноречивых версий, я попросту сойду с ума».

* * *

Однако поделиться всеми своими мыслями и наблюдениями с Конаном Олдин не успел. Сразу после полудня во дворце разразился страшный скандал. Это произошло перед обедом. Из покоев Гуайрэ, где ее величество отдыхала, предаваясь неге на прохладных шелковых простынях, донесся вдруг страшный крик.

Конан прибежал на зов королевы одним из первых. Воины и слуги, гремя оружием, бросились спасать свою повелительницу.

Дверь ее покоев была заперта. Крик рвался из-за двери, как животное, попавшее в ловушку и жаждавшее выскоочить на свободу.

Двое стражей принялись алебардами рубить дверь, но она не поддавалась.

— Спасите! — кричала Гуайрэ душераздирающим голосом. — Спасите меня! Воины, если вы меня любите, — спасите меня! Я отда姆ся первому, кто вбежит в покой! Ай! Я боюсь, мне страшно! На помощь!

— Нужно выбить дверь, — сказал Конан.

Он огляделся по сторонам в поисках чего-либо, что могло бы послужить тараном, и вдруг заметил небольшую витую колонну. Эта колонна ничего не поддерживала и представляла собой нечто вроде статуи. Ее остов был инкрустирован мозаикой.

Конан схватил эту колонну и с силой ударил ее основанием о дверь. Створки распахнулись, одна с треском слетела с петель, и перед воинами предстала Гуайрэ, почти совершенно обнаженная. Огромная змея обматывала ее с головы до ног тугими кольцами. Плоская голова змеи с желтыми и черными пятнами красовалась как раз над макушкой Гуайрэ, так что можно было подумать, будто у Гуайрэ две головы вместо одной.

— Спасите, — прохрипела королева.

Конан гигантским прыжком пересек комнату, преодолевая расстояние, отделявшее его от Гуайрэ. Киммериец взмахнул мечом и одним мощным быстрым ударом снес змее голову.

Змеиное тело сжимавшее Гуайрэ, не сразу ослабило хватку. Напротив, в агонии змея стиснула свою жертву еще сильнее — и только потом кольца бессильно рухнули к босым ногам Гуайрэ.

Королева сделала шаг вперед и упала в объятия киммерийца.

Он обнял ее и уложил на постель, а затем обвел глазами прочих воинов.

— Ее величество обещала мне себя в награду за спасение! — громко крикнул он.

— Да ты и так ее имеешь! — насмешливым тоном произнес Заграт.

Он вошел в комнату широким шагом и по-хозяйски огляделся вокруг.

— Как же вышло, что сюда заползла змея? — продолжал Заграт. Его голос все возвышался. — Как

получилось, что эта тварь, эта убийца проникла в покой к нашей госпоже?

— Смотрите! — донесся возглас одного из воинов.

Обезглавленная змея медленно зашевелилась. Кончик ее хвоста забил по полу, а из обрубка начала прорастать новая голова. Скоро перед изумленными зрителями явилась совершенно целая змея, разозленная и полная желания убивать.

Гуайрэ всхлипывала, сидя на кровати. Она обхватила руками колени и прижалась к ним подбородком. Ее плечи дрожали. Сейчас невозможно было поверить в то, что эта испуганная юная девушка — могущественная демоница, королева песчаного государства, повелительница нескольких сотен заколдованных воинов.

Она выглядела такой беспомощной, такой трогательной!

Одежда на ней была порвана, так что мужчины, столпившиеся в ее покоях, могли свободно обозревать все ее прелести, и от этого кровь сильнее закипала в их жилах.

Конан заметил, что сегодня покой Гуайрэ не производили впечатления бесконечных. Они вообще каждый день выглядели немного по-другому, но сегодня это обстоятельство усиливалось еще и тем разгромом, которое учинила здесь змея.

Изящные маленькие табуреты, тонконогие столики, кувшинчики с благовониями, ларцы с драгоценностями, шелковые и атласные драпировки — все это было переломано, разбросано повсюду, размета-

но с яростью поистине дьявольской. Глядя на осколки инкрустаций и обломки роскошных ваз, легко представить себе, как змея била здесь своим мощным хвостом.

И вот сейчас она вновь начала оживать. Медленно развернула она свои кольца и поползла по полу вперед. Ее плоская голова чуть двигалась вправо-влево, а крохотные ярко-красные глазки зорко высматривали следующую жертву.

Гуайрэ, полуоткрыв рот, как удивленная девочка, следила за змеей. Она выглядела завороженной. Все тело молодой женщины покрывали страшные синяки, оставленные гадиной.

Внезапно змея резко рванулась вперед. Ее бросок был таким неожиданным и мощным, что никто не успел отреагировать.

Один из молодых воинов закричал, когда змея мгновенно обвила его кольцами и сильно сдавила. Посыпался хруст костей, и голова воина бессильно обвисла. Он был мертв.

Однако змея не стала пожирать его. Она равнодушно отпустила свою добычу, позволив мертвому рухнуть на пол, и поползла дальше.

Конану показалось, что гадина выискивает кого-то определенного. Ее крохотные глазки горели злобным умом, и варвару вдруг подумалось о том, что страшно было бы проникнуть в мысли, таящиеся в костистой голове этого существа.

В киммерийце проснулся дикарь, полный инстинктивного отвращения ко всему сверхъестествен-

ному. Он взял поудобнее меч и приготовился атаковать чудовище.

Но змея метила не в Конана. Она вновь остановилась, но лишь на миг. А затем — новый молниеносный бросок, и еще одна жертва, на сей раз белокурый юноша, слуга королевы, пронзительно кричит, обвитая смертоносными пестрыми кольцами.

Этот несчастный умер не сразу. Змея как будто нарочно решила продлить его агонию. Она сжимала то одно кольцо, то другое, ломая кости попеременно, и крик умирающего человека звучал снова и снова.

Конан размахнулся мечом и, изловчившись, опять снес гадине голову. Но теперь он уже знал, что таким способом убить ее невозможно.

Пока изувеченный слуга королевы бился на полу в последней агонии, змея уже начала отращивать себе новую голову. На сей раз все происходило еще быстрее.

Конан стоял позади змеи с мечом наготове. Он знал, что ни одна змея, особенно такая большая и толстая, как эта, не способна к стремительному броску назад. Вся сила змей — в движении вперед. А для того, чтобы развернуться, гадине потребуется время.

Конан размахнулся мечом, намереваясь пригвоздить змею к земле. Пытаясь освободиться, змея рванется вперед, и лезвие рассечет ее туловище вдоль, — возможно, это положит предел существованию отвратительной твари.

Но киммериец не успел исполнить свое намерение. Перед самым носом змеи появился шадизарский дервиш. Вскинув руки, Заграт начал выкрикивать какие-то странные слова, и из его ладоней вдруг вылетели острые шипы. Конан, внимательно наблюдавший за всем, что происходило вокруг, мог бы поклясться, что до сих пор у Заграта в руках не было никакого оружия.

Эти шипы длиной в два, а иные и в три пальца, пролетели навстречу змее, оставляя в полутемном воздухе королевских апартаментов светящийся след. Один за другим они вонзились в длинное, свернутое кольцами тело.

Затем шипы загорелись. Змея вся занялась пламенем. В огне видно было, как она корчится, как обугливается ее мясо — и наконец от смертоносной гадины осталась лишь кучка пепла.

Заграт наступил на этот пепел ногой и приблизился к Гуайрэ.

Королева устремила на него долгий взгляд своих прекрасных голубых глаз.

Заграт опустился на колени возле ее ложа.

— Вам не о чем больше беспокоиться, повелительница, — тихим голосом произнес он и поцеловал ее босую ступню.

Гуайрэ глубоко вздохнула, как будто просыпаясь после долгого тяжелого сна. Она подняла голову и обвела глазами всех своих слуг и воинов, столпившихся возле ее кровати. Конан подошел последним и остановился чуть в стороне.

— Двое из вас отдали за меня жизнь, — произнесла королева.

Нагота ничуть не стесняла ее, она держалась так, словно была облачена в мантию, отороченную горностаями.

— Мы все готовы умереть за ваше величество, — подал голос один из воинов.

Заграт покосился в его сторону и заговорил:

— Нам надлежит сперва понять, как это вышло, что в покоях нашей королевы пробралось столь омерзительное и жуткое чудовище!

— Что ты хочешь сказать? — удивился Конан.

Заграт удостоил его долгим, многозначительным взглядом и изрек:

— Все, что я хочу сказать, я скажу, можешь не сомневаться! Ты — возлюбленный ее величества, ты имеешь доступ в ее покой в каждый миг, когда тебе заблагорассудится.

— Точнее, когда ее величество меня позовет, — возразил Конан.

Заграт демонстративно расхохотался.

— Не смеши меня! Ты можешь объявить о том, что она позвала тебя, и войти к ней, минуя стражу. Тебя никто не остановит, потому что никто не усомнится в правдивости твоих слов.

— Я полагал, — медленно произнес Конан, — что любой из вас может это сделать. Разве здесь есть хотят бы один враг ее величества?

Гуайрэ смотрела на собравшихся возле ее кровати мужчин широко раскрытыми наивными глазами.

Ее губы дрожали. Казалось немыслимым, чтобы кто-то хотел ее уничтожить.

И тем не менее это случилось!

Заграт наступал на киммерийца:

— Возможно, тебе не слишком нравится жизнь в нашем маленьком королевстве?

— Я этого не говорил, — невозмутимо отозвался Конан.

— Не говорил! — Голос Заграта гремел, разносясь, кажется, по всему дворцу. — Естественно, ты не стал бы произносить вслух такое святотатство! Но кто знает, какие мысли прячутся в твоей голове? Ты ведь скрытен, киммериец, а недавно поссорился со своим спутником, с бритунцем, который только о том и мечтает, чтобы провести остаток дней своих в прекрасных садах ее величества!

— Возможно, мы поссорились по другой причине, — сказал Конан.

— Я знаю, из-за чего возникла ваша ссора! — резко выкрикнул Заграт.

Гуайрэ как завороженная следила за ним, за размашистыми жестами его рук, за высокомерной манерой вскидывать голову.

— Я рад, что тебе известно так много, — сказал Конан. Спокойствие киммерийца странно контрастировало с обстановкой комнаты, где все говорило о недавней жестокой борьбе и жертвах, с нервным напряжением, которое возрастало после каждого слова Заграта.

— Ты хочешь удрать отсюда, киммериец! — про-

должал Заграт. — Вот твое самое заветное желание! Ты притворяешься безумно влюбленным в нашу королеву, ты делаешь вид, будто готов удовлетворить любую ее прихоть, но где же доказательства твоей преданности? Почему ты до сих пор не попросил ее о той милости, которой удостоены мы все? Почему ты все еще сохраняешь свою прежнюю внешность? Для чего ты верен своей глупой человеческой природе? Не для того ли, чтобы не зависеть от нее ни в чем?

Заграт широко развел руками и обернулся к остальным.

— Судите сами, разве этот человек не предатель? Он не такой, как мы, он не хочет быть таким, как мы, он гнушается нас! Его любовь к Гуайрэ — ложь!

— Нет, этого не может быть! — воскликнула Гуайрэ и заплакала. — Конан, скажи им, что это неправда!

— Это неправда, — сказал Конан.

— Я требую судебного поединка! — воскликнул Заграт. — Пусть оружие рассудит нас. Пусть высшая справедливость скажет свое слово.

— Согласен, — проговорил Конан, неприятно улыбаясь. — Мне давно хотелось посмотреть, что у тебя внутри, Заграт. Какая мерзкая жаба сидит в твоей груди вместо сердца!

— Не забывайся, варвар! — в ужасе закричал Заграт. — Ты находишься в присутствии королевы!

Конан покосился на Гуайрэ: та сидела с полуоткрытым ртом и умоляюще смотрела на него. И хоть

киммериец и знал, что все это — игра, что Гуайрэ на самом деле демонина, и истинный облик ее совсем другой, все же... все же киммерийцу очень захотелось, чтобы в этой видимости заключалась хотя бы частичка правды.

Неожиданно Гуайрэ ~~встала~~. По ее ~~нагому~~ телу прошла дрожь, и в ~~тот~~ же миг она преобразилась. Не стало больше испуганной нежной девушки, какой королева ~~выглядела~~ мгновение назад. Теперь это была ~~волшебница~~, облаченная в длинную, с головы до ног, кольчугу. Конан никогда не видел таких кольчуг: она ~~была~~ сплетена из мириадов тончайших колец и облегала тело как изысканная ткань. Длинные золотые волосы Гуайрэ разметались по плечам, босые ноги ~~едва~~ были видны из-под подола. В ее руках ~~засверкал~~ тонкий длинный меч, похожий на ритуальный, с извилистым клинком.

Она подняла этот меч над головой и громко произнесла:

— Да свершится правосудие — да победит тот, кто прав, да падет тот, кто виновен! Клянусь не останавливать поединка и не даровать жизнь побежденному!

Кровать под ее ногами качнулась, как доска, брошенная на воду. От ступней Гуайрэ разбежались золотые волны незримой энергии. Они расходились все шире, захватывая все больше пространства, и

там, где проходило золотистое свечение, все изменялось. Исчезли и тела погибших, и грязь, оставшаяся от сгоревшей змеи, и обломки мебели, и осколки посуды. Исчезло все. Комната расширилась и озарилась ярким, скучным светом, источник которого остался непонятным.

Этот свет проникал повсюду — но нигде не обнаруживалось ни единой подробности, ради которой стоило бы смотреть: голые ровные стены серого цвета, ровный каменный пол... и больше ничего. Ни мебели, ни украшений, ни драпировок...

Гуайрэ хлопнула в ладоши, и вместо одного меча с пламенеющим клинком в ее руках оказалось целых два, совершенно одинаковых. Она бросила их спорщикам.

Остальные воины столпились возле своей повелительницы, готовы следить за поединком. Среди них Конан краем глаза углядел и своего бритунского друга. Олдвин наконец пришел, чтобы выяснить, что все-таки происходит.

Конан сильно подозревал, что Олдвин попросту испугался, засыпав громкие крики и шум борьбы, и поначалу трусил и прятался. Но затем любопытство все-таки взяло верх.

Что ж, ему будет, на что посмотреть и что описать в своих заметках!

Конан поднял меч и шагнул навстречу врагу. Киммериец не сразу понял, что произошло. Там, где мгновение назад стоял шадизарский дервиш, уже никого не оказалось. Конан резко развернулся — и

вовремя! Заграт обнаружился у него за спиной. Конан успел отбить выпад, нацеленный ему в спину.

Заграт ухмыльнулся.

— А ты быстр, киммериец! — сказал он. — Но не настолько быстр, чтобы это спасло тебе жизнь!

И вновь исчез. Конан крутанулся на пятке, держа меч так, чтобы противник — где бы тот ни находился — не смог бы его поразить. Зазвенела сталь: Заграт обнаружился слева от варвара.

Конан отскочил в сторону. Он еще не понял, как можно одолеть дервиша, но не сомневался в том, что способ найдется. Любое живое существо можно лишить жизни. Киммериец никогда не забывал об этом правиле.

— Конан, сзади! — выкрикнул Олдин.

Один из воинов тотчас наградил бритунца сильным ударом кулака по голове. Олдин пошатнулся и едва не упал.

— Это судебный поединок, — сурово сказал ему воин. — Ты не имеешь никакого права вмешиваться. Это запрещено законом.

Олдин прикусил язык. Он только что сообразил, что выдал себя. Им же надлежало изображать врагов, ему и Конану! Бритунец мысленно обругал себя последними словами и поклялся впредь не произносить ни звука.

Между тем Конан метнулся навстречу своему врагу. Несмотря на крупное сложение, киммериец двигался легко и стремительно, а в грации не уступал дикой кошке. Он промахнулся совсем ненамно-

го: еще чуть-чуть — и Заграт лежал бы с раздробленным черепом.

Дервиш пронзительно заверещал.

— Кром! — взревел Конан. — Я разорву тебя в клочья!

Он снова бешено атаковал. Теперь киммериец знал, как ему одолеть Заграта. Нельзя давать тому ни мгновения передышки. Каждую паузу, даже самую краткую, Заграт использует для того, чтобы переместиться на новое место, стремительным, неуловимым для глаза движением, и нанести противнику удар со спины.

Поэтому киммериец все время удерживал Заграта на одном месте. Вынужденный постоянно отбиваться, Заграт потерял свое главное преимущество. Он еще надеялся на то, что его соперник может выдохнуться, устать и потерять дыхание, но — напрасные мечты! — Конан даже не вспотел.

— Ты сгниешь здесь! — прошипел дервиш.

Вместо ответа Конан размахнулся и нанес ему удар в плечо. На сей раз киммериец попал в цель. Кровь хлынула из раны, но лицо дервиша осталось невозмутимым. Конан чуть приподнял бровь, не в силах скрыть удивление, и дервиш тотчас радостно осклабился в ответ.

— Не старайся, — захохотал он, странно дергаясь всем телом, — я не чувствую боли.

Конан вспомнил, как на площади в Шадизаре Заграт вбивал в свое тело острые гвозди и даже не морщился. Правда, тогда и крови не было, так что,

возможно, гвозди представляли собой всего-навсего иллюзию... Но теперешняя рана была настоящей. И Заграт даже не покривился.

Он перебросил меч в другую руку и сам напал на Конана. Конан отбил несколько ударов, затем присел, и меч Заграта просвистел у него над головой. Сидя на корточках, Конан быстро переместил вес своего тела на левую пятку и выбросил вперед руку с оружием. На сей раз он поразил противника в бок. Кровь потекла на пол, и Заграт начал оставлять красные следы на каменных плитах, но... опять он ничего не почувствовал.

Конан выпрямился и отбил атаку дервиша. Тот слабел, но все еще оставался опасным противником.

— Мы все умрем здесь, — хрипел дервиш. — Ты, и я, и все воины и слуги... Мы обречены умереть здесь! Ты этого хочешь?

— Нет, — тихо ответил Конан и посмотрел ему в глаза.

Зрачки Заграта прыгали, а затем, поймав пристальный взгляд Конана, застыли и медленно расширились. И там, на самом дне его глаз, Конан прочитал боль, страх и отчаяние.

— Я не хочу, чтобы мы остались здесь навеки, — прошептал Заграт, едва шевеля губами, но Конан отлично разбирал каждое слово. — Твой друг нас поддерживает... А ты — ты... презренный наложник! Ты никогда этого не допустишь?

— Ты ошибся, — сказал Конан. — Я хочу уйти отсюда. Как и ты.

Заграт отшатнулся. Конан видел, что противник не поверил ему. Возможно, Заграт просто боялся поверить.

— Убей его! — закричала королева, видя, что Заграт, обессилен, упал на колени. — Почему ты медлишь? Убей!

Заграт поднял голову и странно посмотрел на Конана. Киммериец опустил меч.

— Ты должен убить его! — верещала Гуайрэ. Ее голос звучал все выше и выше, он как будто ввинчивался в мозг. — Убей! Убей! Он хотел моей смерти! Он хотел уничтожить меня! Меня и мое королевство!

— Я не стану его убивать, — медленно проговорил Конан громким, звучным голосом. — Я знаю, для чего тебе это нужно. Ты не доверяла ему и подстроила наш поединок. Ты нарочно сделала так, чтобы мы схватились в битве. Ты ведь знала, что я одолею, не так ли? Ты заранее знала это, потому что я сильнее, я лучше, а главное — я, в отличие от Заграта, остался самим собой.

Ответом ему было оглушительное шипение, постепенно переходившее в невыносимый для человеческого слуха свист.

Волны золотого света опять побежали, расходясь от ног королевы, но теперь они были не плавными, как в первый раз, а дергаными и рваными. Они как будто содрогались и спешили дончаться до какой-то одним им ведомой цели — но, не добравшись до нее, исчезали.

Тело Гуайрэ тряслось, как в лихорадке, она мотала головой и вскидывала, ломая в воздухе, руки, словно пыталась взлететь. Кольчуга сделалась более узкой и обленила ее тело, а затем прямо на глазах у пораженного киммерийца превратилась в хитиновый покров. Руки и ноги королевы удлинились, обрели дополнительные суставы и согнулись, а лицо, прежде такое женственное и привлекательное, обернулось мордой жуткой твари, похожей на гигантскую саранчу.

Сучь ногами, она двинулась вперед. Ее задние лапы терлись друг о друга, издавая пронзительный скрежет.

Гуайрэ разинула пасть, явив острые зубы, растущие в три ряда. «Так вот каков ее истинный облик! — подумал Конан, невольно вздрагивая. — И это существо спускается под землю к человеку, которого погубило, и принуждает того заниматься с нею любовью! Не слишком ли дорого платит Эан за ошибку, которую совершил в молодости?»

Один щелчок могучих челюстей — и голова Заграта покатилась по полу.

— Ты ответишь мне за все! — кричало, верещало, свиристело чудовище, обращаясь к Конану.

Киммерийцу казалось, что с ним разговаривает сразу несколько существ, причем говорили они хором:

— Ты заплатишь! Ты заплатишь, киммериец! Ты вынудил меня предстать перед моими людьми в истинном облике! Теперь мне придется начинать сначала... Все сначала!

Она подняла передние лапы с острыми когтями и накинулась на киммерийца.

Конан отступил и вдруг споткнулся об обезглавленное тело Заграта. Он едва не потерял равновесие. Лапа Гуайрэ просвистела возле самого виска киммерийца. Лишь в последнее мгновение Конану удалось избежать смертельного удара.

Неожиданно один из воинов бросился Конану наперевес:

— Я не позволю тебе причинить ей вред!

Не останавливаясь ни на мгновение, Гуайрэ разорвала своего заступника на части. Окровавленные ошметки его тела разлетелись по залу.

— Все заново! Все заново! — шипела она, неудержимо надвигаясь на киммерийца.

Конан отскочил в сторону и перекатился по полу, уходя от яростного удара задних ног гигантского насекомого. Раздался громкий скрежещущий звук. В мгновение ока Гуайрэ развернулась лицом к своему стремительному врагу. Ее фасеточные глаза пристально следили за ним.

Конан нанес выпад снизу вверх, целя прямо в выпуклый глаз насекомого. Гуайрэ поднялась во весь рост. Ее голова едва не касалась потолка. Передние ноги наносили беспорядочные удары во все стороны, норовя сокрушить все на своем пути. От непрестанного свистящего крика закладывало уши, и неожиданно у нескольких белокурых слуг королевы кровь хлынула из глаз и ушей. Корчась, они повалились на пол. В агонии они хватались друг за

друга, сплетаясь в предсмертном объятии, и их ноги рвали кожу соседей, выдирали им волосы, пытались выдавить глаза. Кровавый ком человеческих тел катился по полу.

— Все заново! Заново! — кричала Гуайрэ.

На мгновение она, казалось, позабыла о своем главном враге, и Конан не преминул воспользоваться этим. Он вскочил на ноги и подбежал к чудовищу, держа меч обеими руками.

Гуайрэ заметила его в последний миг. Она наклонилась, широко раскрывая пасть с явным намерением перекусить дерзкого человека пополам, и Конан, стремительный, как атакующая змея, вонзил острие меча прямо в выпуклый глаз.

Ему показалось, что он протыкает тяжелый ком слипшейся глины, таким тугим и упругим оказался этот яростный глаз. Невыносимый для слуха скрежет разнесся по всему залу. Гуайрэ дернулась, вырвав меч из рук своего врага, и изогнулась назад, так, что ее голова с торчащим из глаза клинком дотронулась затылком до пола. Когтистые лапы замелькали в воздухе с невероятной быстротой. Скрип задних ног — ног кузнечика — наполнил, казалось, всю вселенную.

Потолок и стены комнаты задрожали и начали рушиться.

Конан бросился бежать к выходу. На бегу он перепрыгивал тела погибших, не задерживаясь ни на мгновение, чтобы посмотреть — нет ли, случайно, еще живых. Крики Гуайрэ о том, что ей придется

все начинать сначала, не оставляли никаких сомнений: она вознамерилась уничтожить все свои создания для того, чтобы отыскать и породить новых, никогда не видевших ее истинного облика.

Она не позволит никому из своих белокурых слуг и черноволосых воинов выжить, чтобы рассказать остальным о том, кем на самом деле является то существо, которому они служат.

В задней части комнаты просел и обвалился потолок. С оглушительным грохотом посыпался град камней. Выживет ли сама Гуайрэ или же клинок киммерийца не только поразил ее глаз, но и проник до самого ее мозга? Что означает это землетрясение? Наблюдают они сейчас предсмертную агонию чудовища или же это только последствия его бешеной ярости?

Конан надеялся, что Гуайрэ все-таки уничтожена. Было бы слишком опасно оставлять подобную тварь в живых. И если окажется, что она каким-то образом выжила, — киммерийцу придется вернуться сюда и закончить начатое.

Он вихрем вылетел из помещения как раз в тот момент, когда обрушилась первая потолочная балка, и за спиной у киммерийца поднялся настоящий камнепад, какой бывает в горах, когда талые воды размывают скальную породу.

— Олдин! — громовым голосом закричал киммериец. — Олдин, вы где?

— Я здесь! — донесся знакомый голос бритунца.

Конан обернулся и увидел своего спутника, ис-

пачканного пылью, с потными волосами и перепуганного насмерть.

— Бежим! — крикнул Конан, хватая его за руку. — Скорей!

Впереди упал огромный обломок. Конан шарахнулся назад и увидел, что отступать некуда — сзади тоже громоздился завал. Под этими камнями были погребены все слуги Гуайрэ, что собирались в зале. Несколько человек, наверное, оставались еще в саду или бродили по пустыне. Конан не знал, как действует магия Гуайрэ. Может быть, королева-насекомое способна уничтожить всех, кто так или иначе был с нею связан, посыпая магические импульсы на большое расстояние...

Конан полез через обломок наружу. Он забрался наверх и подал руку бритунцу. Олдин безмолвно уцепился за руку и вскарабкался вслед за спутником. Оба встали рядом на камне, осматриваясь.

От дворца ничего не осталось. Кругом рушились стены и падали камни. Потолок упал, уничтожив все, что было создано за долгие столетия: резьбу по камню, инкрустации, украшения, шелковые драпировки, серебряные чеканки...

Земля под ногами тряслась и содрогалась. Конан кивнул бритунцу, и оба одновременно спрыгнули вниз, оставляя зал с погребенной под завалами королевой позади себя. Беглецы прошли по тому, что еще несколько колоколов назад было коридором, и выбрали в следующий зал, где имелась лестница, ведущая наверх.

Ступени уже рухнули, выход был завален. Конан начал разгребать проход, хватая мощными руками огромные камни и отбрасывая их в сторону. Олдин помогал ему, как мог.

Все вокруг непрерывно гудело и тряслось. Казалось, земля под ногами вот-вот развернется, и ее жадное чрево погребет обоих беглецов.

— Берегись! — крикнул Олдин, мельком глянув наверх и заметив, что тяжелая масса песка и камня опасно сдвинулась с места.

Его голос не успел затихнуть, как то, что осталось от перекрытия, обвалилось и засыпало их обоих.

* * *

Конан открыл глаза и первым, что он увидел, было яркое голубое небо. Это зрелище меньше всего напоминало пиршественные чертоги, где погибшие со славой воины непрерывно пируют и в перерывах между возлияниями развлекаются смертельными поединками, поэтому Конан закономерно предположил, что он не погиб.

Он попробовал пошевелиться и не без удивления обнаружил, что в состоянии сесть. Что он и проделал.

Теперь он мог осмотреться по сторонам. Он находился в пустыне, в том месте, где, несомненно, когда-то был оазис. Высохшие стволы деревьев лежали поблизости, скрученные, как канаты, словно их истерзала какая-то злобная магическая сила. Их выбеленная древесина заставляла думать о костях.

Несколько камней с остатками искусной резьбы были разбросаны поблизости. Это были очень древние обломки, если судить по тому, как ветра и солнце успели поработать над ними.

— Эй! — позвал Конан. — Олдин!

— Я здесь, — к великому удивлению киммерийца отозвался знакомый голос, и из-за поваленного ствола показалась растрепанная голова бритунского ученого. — Я здесь и даже жив, как это ни поразительно.

— Вас это тоже изумляет? — спросил киммериец, быстро приходя в себя. — Кром! Мы живы!

— Вот именно, — со стоном Олдин уселся на поваленный ствол и принялся растирать ушибленную ногу. — С тех пор, как на нас обрушился этот проклятый потолок, я решительно ничего не помню.

— Я тоже, — буркнул Конан. — Должно быть, мы как-то выбрались.

— В бреду? — осведомился Олдин. — Впрочем, подобные случаи описаны. Брат, находясь в бреду, спас сестру-недоумка, и потом никто не мог объяснить, что именно случилось и почему оба не пострадали...

— Вы так рассказываете, как будто всем хотелось, чтобы они пострадали, — заметил Конан.

— По большому счету, да, — пожал плечами Олдин. — Это было дело о наследстве. Но дети спаслись.

— Хорошая история, — вздохнул киммериец. — В конце концов, не имеет значения, как мы очутились

здесь. Будем смотреть правде в глаза: мы живы, у нас нет ни лошадей, ни воды, ни припасов, и мы — посреди пустыни. Прекрасный способ умертвить нас наиболее болезненным и долгим способом.

— Вы сами не верите в то, что говорите, — рассердился бритунец. — Вы что, хотите испугать меня?

— Да, — сказал Конан.

— Ну так вам это удалось! А теперь давайте перейдем к делу, — Олдин вздохнул. — Что вы предлагаете?

Конан не ответил. Насторожившись, он вытянул шею и пристально всмотрелся в какую-то темную точку, которую только сейчас заметил впереди, за барханом.

— Тише! — остановил он приятеля, подняв руку. — Там кто-то есть.

Конан встал и вытащил из ножен кинжал — единственное оружие, которое у него еще оставалось.

— Оставайся здесь, — бросил он бритунцу, — я посмотрю, что там творится.

Он заскользил по песку, готовый в каждое мгновение схватиться с неведомым врагом. Олдин, не на шутку встревоженный, следил за ним.

Неожиданно Конан остановился, сунул кинжал в ножны и рассмеялся.

— Сюда! — крикнул он Олдину. — Сдается мне, я нашел разгадку нашего спасения!

Эпилог

Маленький городок Гоэ вырос на краю пустыни, как растут грибы после дождя. Должно быть, когда-то здесь была просто стоянка караванов, но постепенно вокруг коновязей начали возводить сараи, хижины, места для ночлега путников. Теперь Гоэ превратился в процветающий городок, население которого представляло собой пеструю смесь потомков самых разных народов и племен. Казалось, каждый караван, изо всех стран Хайборийского мира, оставил здесь потомство.

Трое путешественников сидели на ковре, расстеленном прямо на песке, под небольшим тростниковым навесом, и пили сильно разведенное вино. В качестве ужина им подали лепешки, смазанные топленым маслом. Песок остывал, пустыня нехотя отдавала ночи свое тепло.

— Не нужно господам еще чего-нибудь? — с приторной любезностью осведомился харчевник, кривоногий чернокожий человечек со сморщенным лициком.

— Нет, — ответил киммериец. — И оставь нас в покое.

— Хорошо-хорошо, — закивал человечек. — Как будет угодно господам.

Он отошел, но остановился так, чтобы иметь возможность наблюдать за этими тремя гостями. Кое-что в их облике настораживало опытного харчевника — а уж он-то на своем веку немало перевидал путешественников, самых разных, и о каждом мог быстро составить довольно точное представление.

Эти трое были явно не такими, как все. Рослый киммериец казался самым опасным во всей троице. Его огромный рост, широкие плечи и могучие мышцы вызывали у коротышки-харчевника почти мистический ужас. Черная грива спутанных волос свидетельствовала о необузданности нрава, а ярко-синие горящие глаза выдавали человека, готового в любое мгновение вспыхнуть гневом.

Именно поэтому харчевник не стал спорить и подал в обмен на две медных монетки (все, что завалялось в кошеле у Конана) кувшин вина — правда, разбавленного почти до прозрачности, — и три лепешки, да еще с маслом.

Второй путешественник вызывал куда меньше вопросов и опасений. Несомненно, он являлся бритунцем. Одежда его пообтрепалась, но когда-то она была довольно щегольской и, вероятно, составляла предмет некоторой гордости своего владельца. Он все время оглядывался по сторонам, время от времени задерживая задумчивый взор то на одном предмете, то на другом. Очевидно, пытался запомнить увиденное.

Харчевник слышал, как он со вздохом обратился к своему рослому спутнику-варвару:

— Как жаль, Конан, что я потерял мои таблички и все мои записи, сделанные по пути!

— Вы всегда сможете восстановить их по памяти, дружище, — прозвучал ответ варвара.

— К сожалению, у меня плохая память, — сокрушенно сказал бритунец. — Поэтому я все и записываю.

— У вас плохая память именно потому, что вы все записываете, — возразил Конан. — Вот если бы вы не умели писать, вы хранили бы каждое впечатление в уме. Цивилизованное человечество сильно проиграло, когда обратилось к письменности. Здешние так называемые «дикари» знают наизусть генеалогию своего рода до шестидесятого поколения, а кроме того могут рассказать вам тысячи преданий своего племени. И все потому, что они не имеют письменности.

— Я это учту, — сказал бритунец, глаза которого разгорелись при мысли о том, что он, быть может, сумеет послушать предания дикарских племен (и записать их для последующего доклада в Академии).

Некоторое время они молча насыщались.

Третий их спутник был молодым человеком, зим, быть может, двадцати с небольшим. Судя по внешности, его можно было, скорее, принять за единоплеменника ученого бритунца, нежели за сородича верзилы-киммерийца. Волосы у него были светлые, глаза — бледно-зеленые, с желтоватыми точками во-

круг зрачков. Вообще же он был, что называется, невзрачный и щуплый. Это впечатление усиливалось неуверенной, какой-то приниженной манерой держаться.

Ученый бритунец обращался с ним покровительно, а варвар вообще практически не обращал на него внимания.

«Парень похож на человека, который недавно перенес тяжелую болезнь, — подумал харчевник, и на сердце у него лег камень. — Только этого мне не хватало! Если он болел, то, не исключено, что демоны лихорадки еще не вполне покинули его. А это значит, что в любой момент эти самые демоны могут переселиться в моих постояльцев или в меня самого! Как бы половчее избавиться от этих неудобных гостей? Денег у них нет, это очевидно, а один из их товарищей хворает... Если бы не кулачищи киммерийца, я бы уже давно указал им путь подальше отсюда...»

* * *

— Мы не можем просто так взять и уйти, — преглушенно говорил Олдвин. — У меня до сих пор стоят перед глазами эти сундуки и ларцы, набитые до краев несметными сокровищами.

— Вспомни, что там творилось, когда мы уносили оттуда ноги, — возразил ему Конан. — На нас повалилась целая гора песка. Если бы не Эан, мы давно были бы мертвы.

Оба они повернулись к молодому человеку, который медленно покраснел.

— Вы были добры ко мне, — пробормотал он. — Я не мог оставить вас погибать. Когда я сидел в своей трясине, я вдруг услышал громкий крик Гуайрэ. Она кричала, что погибает, что теперь ей придется всех уничтожить и начать строить свой мир заново, с людьми, которые никогда не видели ее истинного облика... Из всех, кому она представляла в таком виде, в живых был оставлен лишь я один. И то — потому только, что сам я превратился в чудовище.

Я подумал о вас, о моих друзьях... О первых нормальных людях, которые разговаривали со мной так, словно я был им ровней. И кроме того... — он опустил глаза и признался: — Кроме того, я хотел увидеть агонию Гуайрэ. Да, мне необходимо было убедиться в том, что она мертва! Что погибло чудовище, которое уничтожило мою семью, мой караван, которое исказило мою жизнь и извратило мою натурę! Она надругалась над моей любовью...

— Давай не будем рассуждать о твоей любви, — остановил его Конан. — Насколько я помню, ничего хорошего из этой страсти не получилось. Ты не был счастлив, а закончилось все убийством...

— Я только молю богов о том, чтобы смерть моего соперника была искуплена, — прошептал Эан. — Я так раскаивался в содеянном! Я мечтал вернуть его к жизни, но... сделанного не обратишь вспять. Итак, я услышал агонию Гуайрэ, я внял ее предсмертному воплю — и побежал под землей, сквозь

пески, навстречу к моей бывшей возлюбленной. Я и сам не знал, любил я ее в тот миг или ненавидел.

— Очень сложная гамма переживаний, — заметил Олдвин ученым тоном.

Эан моргнул и вдруг заметил на лице бритунца улыбку.

— Вы смеетесь надо мной?

— Вовсе нет, Эан. Это весьма распространное явление: когда человек не в состоянии определиться со своими чувствами. Но продолжай. Эта история каждый раз звучит немного по-новому.

— Хорошо... — Эан вздохнул. — Я увидел, что все мертвы. Многие уже погружались в песок. Они проплывали мимо меня. Я вижу в песке так же хорошо, как некоторые рыбы видят в воде. В трясину уходили и черноволосые воины, и белокурые возлюбленные Гуайрэ. И сама она с мечом, торчащим из ее лица, опускалась все ниже и ниже, как будто само чрево земли засасывало ее... Она была прекрасна. Юная девушка с гибкой талией, с пышной грудью, с невинными руками... Ее золотые волосы развевались, ее губы улыбались нежно и призывающе, один глаз взирал на меня с лаской, а из второго вырастал длинный клинок...

Эана передернуло, и он поскорее отпил глоток вина. Конан хмыкнул:

— В этом пойле больше воды, чем вина. Вряд ли оно поможет тебе захмелеть.

— Я хмелею от воды, — возразил Эан. — Это питье для меня в любом случае непривычно. Я слиш-

ком много времени провел в песках. Иногда мне кажется, что я сам состою из песка.

— Смерть Гуайрэ освободила тебя, — сказал Конан.

... Да, это Эан разыскал своих новых знакомцев посреди руин обвалившегося дворца и вытащил их наружу. Нечеловеческая сила рук чудовища спасла жизнь киммерийцу и его приятелю. Эан выволок их на поверхность и уложил на песке, а после этого вдруг почувствовал себя дурно.

Из последних сил песчаный монстр отполз в сторону и рухнул в песок. Неведомая сила терзала его плоть, изменяя его тело. Он не понимал, что с ним творится. У него не было ни малейшего представления о том, какую еще злую шутку может сыграть с ним судьба. И возможности противиться этому у него тоже не оставалось. Поэтому Эан просто покорился происходящему.

Адская боль заставляла его содрогаться. Его руки и ноги выворачивались в суставах, с лица, с боков, со спины и живота как будто сдирались целые пластины плоти. И наконец свет померк перед глазами Эана. Наступила ночь, и с нею пришло желанное забвение.

Когда Эан очнулся, он увидел рядом с собой киммерийца. Им потребовалось немного времени, чтобы выяснить, что же, собственно, случилось.

— Чары Гуайрэ разрушены, — сказал Конан. — Это чудо, что ты жив. Я думаю, что все остальные погибли.

— Возможно, те, кто находился вдали от оазиса, остался в живых, — возразил Эан.

— В любом случае, нам нужно выбираться отсюда, — сказал Конан решительно.

И все трое двинулись прочь от разрушенного царства Гуайрэ. Эан знал, казалось, каждую песчинку на много полетов стрелы вокруг. Он провел своих спутников через зыбучие пески по единственной существующей там незримой тропинке. Именно благодаря Эану они не погибли в раскаленных песках. Песчаный человек чувствовал, где находится вода, и несколько раз отыскивал старые заброшенные колодцы, пустовавшие с тех пор, как люди оставили древние караванные тропы.

На третий день их путешествия они увидели в песке человеческий скелет. Конан равнодушно скользнул по нему взглядом, но Эан остановился возле костей и долго их рассматривал. Наконец молодой человек заговорил:

— Помните, мы пытались понять, что случилось с теми, кто не находился во дворце Гуайрэ, когда там все рухнуло?

— Да, — отозвался Олдвин, заинтересованный. — А что, ты обнаружил нечто интересное?

— Не знаю, насколько о мертвеце можно сказать, что он представляет собой «нечто интересное», — возразил Эан. — Но я уверен, что перед нами — то, что осталось от одного из воинов Гуайрэ. Все они были убиты ее предсмертной магией. Теперь у меня в этом нет никаких сомнений.

— Почему же мы с Олдвином живы? — спросил Конан.

— Потому, что вы не согласились отдать Гуайрэ свою природу в обмен на бессмертие, — ответил Эан. — Я ведь говорил вам об этом и раньше.

— Точно, — кивнул Олдвин, — говорил. И ты представить себе не можешь, мальчик, до какой степени мы благодарны тебе за совет!

Конан отмолчался, лишь ухмыльнулся безмолвно. Он-то помнил, с каким отвращением Олдвин отнесся к песчаному чудовищу. Впрочем, напоминать об этом не было смысла. Они действительно должны быть благодарны Эану, если не за совет, то за свое спасение из-под завалов.

— Нужно найти людей, — только и сказал киммериец.

Они находили еще скелеты, одни принадлежали бывшим товарищам Эана, другие — нет; все они остались далеко позади. И в конце концов путники очутились в городке на краю пустыни, где им представили ночлег и еду.

— Тушканчики, определенно, надоедают, — сказал Олдвин, доедая свою лепешку и обтирая жирный рот.

— Вы уверены, мой ученый друг, что нам следует вернуться в бывший оазис? — спросил Конан.

— Мне казалось, что такие люди, как вы, склонны к авантюрам, — сказал Олдвин, устремляя на киммерийца горящий взгляд. — Неужели вас не впечатлили мои рассказы о несметных богатствах?

Конан вздохнул.

— Не слишком-то я в них поверил, если уж честно говорить.

— Нет, — вмешался Эан, — богатства существуют. Я знаю, потому что не раз играл с ними, когда находился в покоях моей королевы. Она держала их в сундуках и ларцах, все точь-в-точь как описывает Олдвин. Они — настоящие, не иллюзорные. Они не были созданы ее магией, как те несчастные, что ей прислуживали.

— Следовательно, — произнес Конан, — они лежат где-то в песках и ждут, пока кто-нибудь умный и отважный, — при этих словах киммериец приосанился, — придет и заберет добычу?

— Приблизительно так, — кивнул Эан.

В глазах Олдвина появился лихорадочный блеск. Конан встретился с ним взглядом, и рот киммерийца медленно растянулся в хищной улыбке.

Содержание

Остров жертвоприношений

Повесть

<i>Глава первая</i>	
Эдред удачливый	6
<i>Глава вторая</i>	
Девушка в море	33
<i>Глава третья</i>	
Мессантия	56
<i>Глава четвертая</i>	
Пираты	76
<i>Глава пятая</i>	
По следу	100
<i>Глава шестая</i>	
Пожар в Мессантии	137
<i>Глава седьмая</i>	
Сделка с неудачником	165
<i>Глава восьмая</i>	
Последняя жертва	191

Шадизарский дервиш

Повесть

<i>Глава первая</i>	
Бритунец в Шадизаре	216
<i>Глава вторая</i>	
Преследование в пустыне	250

<i>Глава третья</i>	
Гуайрэ	275
<i>Глава четвертая</i>	
Любовь, погубленная в песках	313
<i>Глава пятая</i>	
Истинный облик	330
<i>Эпилог</i>	
	368

Литературно-художественное издание

Брайан Дуглас

**КОНАН
И ЗАГАДОЧНЫЙ ДЕРВИШ**

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Андрей Мартынов*

Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 05.05.2009.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 4000 экз. Заказ 1075.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.2008 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская область, г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А
conan@sp.ru

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

ОАО «Полиграфкомбинат имени Я. Коласа».
ЛП № 02330/0150496 от 11.03.2009.
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск. Заказ 1251.

**«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет**

**Владимир Контровский
«БАТАЛЬОН БОГОВ»**

Страж звездных дорог

Горький привкус власти

Колесо сансары

Утробный рык дракона

Вкрадчивый шепот демона

Крик из будущего

Истреби в себе змею

Забытое грядущее

**СПРАШИВАЙТЕ
В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ !**

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет

Сергей Шхиян
«БРИГАДИР ДЕРЖАВЫ»

*Прыжок в прошлое
Волчья сыть
Кодекс чести
Царская пленница
Черный магистр
Время бесов
Противостояние
Ангелы террора
Турецкий ятаган
Гиблое место
Крах династии
Самозванец
Заговор
Юродивый
Нити судьбы
Боги не дремлют
Кукловод
Грешница
Покушение*

**СПРАШИВАЙТЕ
В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ !**

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет

серию мистических романов
«ТРЕТЬЯ СТРАЖА»

*Время ожидания
Незваные гости
Прокурор дьявола
Жатва
Темные зеркала
Твари нижнего мира
Ветер, кровь и серебро*

**ВСТУПИ В «ТРЕТЬЮ СТРАЖУ» !
НАЧНИ БОРОТЬСЯ С НЕЧИСТЬЮ !**

**СПРАШИВАЙТЕ
В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ !**

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет

Николай Андреев

«ЗВЕЗДНЫЙ ВЗВОД»

Лучшие среди мертвых

Ад для живых

Сектор мутантов

Стальная кожа

Глоток свободы

Конец империи

Воины Света

Наемники

Хищники будущего

Слепой охотник

Ковчег надежды

Атака тьмы

Переворот

Вторжение

Метрополия

Разведка боем

Последняя схватка

Мир героев

**СПРАШИВАЙТЕ
В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ !**

САЈА О КОНАЊЕ

КОНАЊ И ТЕНО ВЕДА	КОНАЊ И ЕВЕНГИ ЭПИДЕИ	КОНАЊ И ЕВЕНГИ ДОСТИГИ	КОНАЊ И ДЛЖН ГЕР	КОНАЊ И ДОБРОЕ ДОБАРНИ	КОНАЊ И ДОБРОЕ ЮДОВ	КОНАЊ И ЕВИДН ЧЛОВИЧ	КОНАЊ И ЕВИДН МОРД	КОНАЊ И ПУТЬ ГЕРОВ
73	74	75	76	77	78	79	80	81
КОНАЊ И ГЛАВНА ЛЕДА	КОНАЊ И ГЛАВНА МАГА	КОНАЊ И ГЛАВНА ЗАРТ	КОНАЊ И ГЛАВНА ДОСТИГИ	КОНАЊ И ГЛАВНА Р.ДАВИ	КОНАЊ И ГЛАВНА ИМПЕРИИ	КОНАЊ И ГЛАВНА ВЕЛА	КОНАЊ И ГЛАВНА ЖЕЛАНИИ	КОНАЊ И ГЛАВНА БАИНИ
82	83	84	85	86	87	88	89	90
КОНАЊ И ГЛАВНА ВАРИАР	КОНАЊ И ГЛАВНА МАГА	КОНАЊ И ГЛАВНА ДАВИЦА	КОНАЊ И ГЛАВНА АЕММИИ	КОНАЊ И ГЛАВНА ПИЛАС	КОНАЊ И ГЛАВНА НЕСКОВ	КОНАЊ И ГЛАВНА БЛЖМАТИ	КОНАЊ И ГЛАВНА ОБРЕДНИИ	КОНАЊ И ГЛАВНА КОДУНИИ
91	92	93	94	95	96	97	98	99
КОНАЊ И ГЕРН КАЙВИ	КОНАЊ И ГЕРН СОЛНЦ	КОНАЊ И ГЛАВНА РОКА	КОНАЊ И ГЛАВНА СИА	КОНАЊ И ГЛАВНА ДАУН	КОНАЊ И ГЛАВНА СИГИИ	КОНАЊ И ГЛАВНА СОЛНЦИК	КОНАЊ И ГЛАВНА АСИИ	КОНАЊ И ГЛАВНА БОРИИ
100	101	102	103	104	105	106	107	108
КОНАЊ И ГЛАВНА ПЕДДИ	КОНАЊ И ГЛАВНА АХЕНОН	КОНАЊ И ГЛАВНА ОСТРОВ	КОНАЊ И ГЛАВНА СИЕВИ	КОНАЊ И ГЛАВНА НАЮДИ	КОНАЊ И ГЛАВНА КАМВИ	КОНАЊ И ГЛАВНА БЛЖСТНО	КОНАЊ И ГЛАВНА ПАЛА	КОНАЊ И ГЛАВНА СОБОДИИ
109	110	111	112	113	114	115	116	117
КОНАЊ И ГЛАВНА Р.ДАВИ	КОНАЊ И ГЛАВНА ЗАВЕДИИ	КОНАЊ И ГЛАВНА ДИКАРИИ	КОНАЊ И ГЛАВНА ПРИБРАЗОВ	КОНАЊ И ГЛАВНА СМЕРТ	КОНАЊ И ГЛАВНА ЮРЦ	КОНАЊ И ГЛАВНА КОМАДИИ	КОНАЊ И ГЛАВНА ДАВИД	КОНАЊ И ГЛАВНА ВРЕМЕНИ
118	119	120	121	122	123	124	125	126
КОНАЊ И ГЛАВНА ЛДИЦИОВ	КОНАЊ И ГЛАВНА ХАРИИ	КОНАЊ И ГЛАВНА ДИКАРИИ	КОНАЊ И ГЛАВНА СИДИИЦИ	КОНАЊ И ГЛАВНА СИДИИЦИ	КОНАЊ И ГЛАВНА ДОБАРСАДА	КОНАЊ И ГЛАВНА СИДИИЦИ	КОНАЊ И ГЛАВНА АЛАИТОВ	КОНАЊ И ГЛАВНА ДОВИНА
127	128	129	130	131	132	133	134	135
КОНАЊ И ГЛАВНА ДИКРИДА ДОГРИДА	КОНАЊ И ГЛАВНА ДОГРИДА	КОНАЊ И ГЛАВНА ДИКАРИИ	КОНАЊ И ГЛАВНА СИДИИЦИ	КОНАЊ И ГЛАВНА СИДИИЦИ	КОНАЊ И ГЛАВНА ДОБАРСАДА	КОНАЊ И ГЛАВНА СИДИИЦИ	КОНАЊ И ГЛАВНА АЛАИТОВ	КОНАЊ И ГЛАВНА ДОВИНА
136	137							

ISBN 978-5-17-045668-0

9 785170 456680

СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС